

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВ

АЗ БОГА
ВЕДАЮ!

Сергей Алексеев
Аз Бога Ведаю!

«Алексеев Сергей»

1999

Алексеев С. Т.

Аз Бога Ведаю! / С. Т. Алексеев — «Алексеев Сергей», 1999

ISBN 978-5-17-051999-6

Х век. Могущество Хазарского каганата еще велико и неоспоримо. Бескрайние земли под его властью, тьмы рабов, горы золота, многие знания. Но нарушился привычный ход вещей – солнце встало на Севере, в стольном граде Киеве родился светоносный князь, который уничтожит огромную империю. Каган Иосиф замышляет погубить младенца Святослава. Те, кому отмерены дороги земные, сойдутся в битве на земле. Кто ходит путями небесными, встретит противников там, где следы богов зарастают травой Забвения...

ISBN 978-5-17-051999-6

© Алексеев С. Т., 1999

© Алексеев Сергей, 1999

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	17
3	28
4	34
5	40
6	63
7	68
8	82
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Сергей Алексеев

Аз Бога Ведаю

Часть первая

Таинство рождения

1

Благодатный месяц нисан, когда зацветала бескрайняя степь и наступала приятная после зимы жара, в этот год отмечен был дурным предзнаменованием. Из гузских недр Востока налетели степные бури; они срывали юрты, опрокидывали седоков на полном скаку и двигали песчаные холмы. И чуть унялось волнение земли, чуть улеглась пыль, у богоносного кагана Хазарии заломило кости и суставы. Он знал, к чему это: ранним утром примчались с Севера буйные ветры и их разбойный свист заполнил все пространство. По черным, жирным землям, не тронутым сохой, ударил снег, и выбеленная степь объялась незнамой по весне стужей. Прошла одна суббота, другая, а холод лютовал, словно явился сюда навечно. Тепло нисана было извергнуто на целых пять суббот! Хазария продрогла до костей, внезапная зима валила скот, косила стариков, и, пользуясь непогодой, повсюду бежали рабы, но, не достигнув мест, где можно скрыться, тысячами замерзали в степи.

И было пищи волкам и лисицам...

Наведя разор, урон и страх, северные ветры насытились теплом, раздобрились и убралась восвояси. Теперь каган ждал, когда зазеленеет степь, чтобы оставить зимний дворец и кочевать на летний стан, однако ломота в суставах погнала его раньше: там, на озере Вршан, в земле поистине обетованной, есть животворные источники и лечебный ил. Ночью был снаряжен караван – пятьсот коней и столько же верблюдов ожидали часа, когда Великий богоносный каган Аарон изволит выйти из дворца. На огненных коврах персидских, у мраморных колонн ждал многочисленный гарем: под чутким глазом стражников-скопцов тонули в белых покрывалах и озирались по сторонам женщины от всех племен, народов и сторон. Мир вне дворца им чудился таинственным и странным, поскольку они никогда не покидали его стен, не видели иных мужчин, кроме кагана, и сейчас, воспользовавшись минутой, исподтишка, чтобы скопцы не перехватили взгляда, смотрели на погонщиков верблюдов. Это были черные хазары – смуглокожие, жилистые мужи с черными от солнца лицами, из всей одежды лишь набедренные повязки...

А ниже, у подножия колонн, кагана ожидали белые хазары во главе с царем земным, каган-беком. Ослепительно белые одежды их образовали небольшой полукруг перед дворцом; за ним, будто море разливанное, теснились черные хазары. Однако и те, и другие стояли на коленях, ниц лицом, и никто не смел шевельнуться. Богоподобный каган мог явиться в любой миг, и кто бы из смертных, с умыслом или невзначай, поднял бы к нему очи и взглянул – мгновенно бы ослеп и умер, как от удара молнии.

Богоподобный облик Аарона пробуждал боязнь, как страшный степной мороз, и приводил в трепет как самих хазар, так и врагов, и этот безотчетный страх рассеивался в человеческих душах. Из всех живущих на земле один лишь каган-бек не посвящен был, но приобщен к Великим Таинствам существования кагана; очистившись огнем, он мог входить в палаты богоносца и видеть его лицо. Потому земного царя хазар называли еще Приобщенный Шад, и перстень на его указательном пальце с черепом – знаком смерти – был знаком этого приобщения.

Сейчас, среди преклоненного народа, над согбенными спинами, будь они в белых одеяниях или же в рванье, возвышался и стоял прямо один каган-бек.

Тем временем богоподобный молился в дворцовом храме, просил бога, чтобы послал ему путь к летнему стану на озере Вршан. Он не нуждался в посреднике – равнине, и весь обряд отправлял сам. Читая Мишну, вдруг снова ощутил, что ломит суставы, а потом и вовсе стал спотыкаться – одеревенел язык, похолодело небо и покривились в судороге губы. Ему почудилось, что ветры Севера опять вернулись в степь и принесли стужу. Как правоверный иудей, ничуть не смутившись и невзирая на дурную ночь, он продолжал читать, пока слова священной Мишны не зазвучали так, как звучит ругань у поганых гузов. Тогда он замолчал и отложил свиток Мишны, однако взял Тору, чтобы прочитать Исход: тонувший в садах райский летний стан напоминал кагану Палестину, где юный Аарон постигал суть Великих Таинств существования Мира. Обетованная земля на озере Вршан манила богоносного из Итиля, как некогда рожданиа Моисея из Египта. Всякий год, едва дождавшись месяца нисана и сочных трав в степи, каган совершал исход, а в Хазарии наступала праздничная, подобная пасхальной, неделя – исход в рай летнего стана.

Каган развернул свиток Торы, но и слова прочитать не смог, лишился речи. Онемевшие уста вышли из повиновения, раздавался лишь невнятный хрип и гортанное мычание. И тут богоносный не дрогнул – принялся читать глазами, однако после первых слов с жертвенника неожиданно сорвалась и упала на гранитный пол хрустальная звезда. И будто расчленилась на все свои шесть лучей! Ковчег же закачался, словно на волнах, и тоже был готов сверзнуться на пол, но устоял. Каган выронил Тору и отшатнулся: на его глазах осколки звезды начали таять, словно лед на солнце, издавая смрадный дух.

Знак говорил о смерти! Богоподобный встал на колени и воздел руки.

«Великий Яхве! Небесный Вседержитель! – мысленно воскликнул он, издав устами глухой стон. – Кто-то не дает мне молиться! Или ты посылаешь мне знак смерти?»

Молчание показалось ему выразительным и зловещим. Руки богоносного заledenели.

«Но почему так рано? Ты сам назвал мой срок – сорок лет! Но я правлю всего половину...»

В этот миг Аарон почувствовал, как всегда стремительная и острая мысль, словно конь в песке, стала барахтаться и тонуть, погружаясь в зыбь. Еще через мгновение все было кончено: потухший разум воспринимал лишь то, что видели очи – каменный пол, ступени к алтарю, лишенный звезды жертвенник...

Вошедший в синагогу каган-бек застал его каменным болваном. Богоносный держал в руках свиток Торы и чему-то радостно смеялся. На лице Приобщенного Шада не дрогнул ни один мускул. Он очистил себя огнем, небрежно махнув вокруг головы чадающим факелом, припал лицом к гранитным плитам пола и так подполз к кагану, не отступив от ритуала. Богоподобный не замечал его, раскручивая свиток и метая на пол. Суровой рукой каган-бек отнял забаву, затем поставил на ноги бесчувственное тело и повел в колоннаду.

Хазары лежали ниц – круг белых, море черных. Весенний ливень сек и поливал согбенные спины: богоподобного видел один каган-бек. Он почти тащил кагана к мраморным ступеням, чтобы спустить на площадь и посадить в зыбку, установленную меж двух коней в особой упряжке. Но, ступив на лестницу, богоподобный вдруг вырвался из рук, попятился и замычал, тыча рукой в небо.

Сотворенный богом Яхве мир сошел с ума, нарушился привычный ход вещей...

На Севере, в проране среди туч, вставала заря!

Светлый небосклон, пронизанный лучами, раздвинул сумрак, прорвал завесу туч, и отблески зари враз омертвили многолюдную площадь, замок кагана и глаза его – богоподобный был ослеплен! Зеницы глаз исчезли, на мир тарацились лишь красноватые белки...

Спустя мгновение закрылось небо, холодные северные тучи сомкнулись, и осталось лишь светящееся радужное пятно, напоминающее детскую рубашку.

И здесь не дрогнул каган-бек. Прикрыв глаза рукой, он свел богоносного на площадь, усадил в зыбку и хлестнул коней ременной плетью. Едва лошади скрылись из глаз, площадь зашевелилась, закричала:

– Слава богоподобному кагану! Слава!

Выждав расстояние в четверть стадии, за конями кагана помчалась свита, затем поднялся караван, закричали верблюды, погонщики, ездовые на арбах под шатрами, где тихо взирали на суету булгарки, гречанки волоокские, послушные еврейки и нежные персиянки, смоляно-черноволосые египтянки и желтоволосые славянки.

Дождь кончился, когда последний конь кочевья истаял за окоем степи. Народ же хазарский, проводив кагана, разбрелся по домам, чтобы вкусить вина и праздничных яств. И будто опустел Итиль...

Лишь каган-бек остался на площади перед зимним замком богоносного. Хмуря лоб, он бродил и спотыкался на следах, оставленных коленями и локтями. Потом ременной плетью ударил себя по мягкому голенищу – рядом мгновенно очутилась свита и подвели коня. Приобщенный Шад без всякой помощи вскочил в седло и помчался к своему замку. Через четверть часа тяжелые ворота распахнулись и выпустили в степь летучий кагал с гроздьями коней подводных. Среди всадников был сам каган-бек, обряженный в одежды простого воина...

Сначала он отправился по следу ушедшего кочевья, но вот свернул в неезженую степь и, огибая путь кагана, ушел вперед. Скакали всю ночь и к утру, миновав стороной райский сад на озере Вршан, устремились далее, к Саркелу. Коней меняли, как лучники меняют стрелы, выхватывая их из растворенных колчанов. Трехдневный путь к полудню одолели.

После полуденного зноя хазарский земной царь, не узнаваемый народом, бродил среди купцов, торговцев и менял: шутил, приценился к товару, слушал рассказы бывалых мореходов и смеялся над веселыми зазывалами.

Стараясь остаться незамеченным, он заглянул в лавчонку, где молодой хазарин торговал хлебом. Тут Приобщенный Шад купил ковригу, но заплатил не медью, не серебром, а положил на прилавок свой перстень с черепом. Хазарин неспешно отер руки о фартук, взял плату, поглядел под светом и вернул.

– Одна коврига стоит шесть мелких монет. За твой перстень я бы не дал и одной.

– Я голоден, – признался Приобщенный Шад. – Дай в долг. Я же верну тебе не шесть, а семь монет.

– Если нынче вечером, то семь, – стал торговаться лавочник. – Утром будет уже двенадцать.

– К вечеру я добуду семь, – заверил каган-бек. – Утром я отпываю.

Только острый, внимательный глаз Приобщенного к Таинствам Шада мог угадать в торговце хлебом род священных Ашинов: невозмутимость богоносного наследника престола не проступала сквозь черный, мерзкий лик хазарина.

А вечером, когда прохлада стала клонить горожан в сон и негу, каган-бек в одеждах лариссея – городского стражника – ступил в лачугу, стоящую за оборонительным рвом Саркела. Там Приобщенный Шад очистился огнем и, припадая лицом к земляному полу, предстал перед наследником.

– Ты ли старший сын богоподобного Аарона? – согласно ритуалу спросил он.

– Я старший сын богоподобного Аарона, имя мое – Иосиф, – ответил торговец хлебом.

– Был ли ты в странствии? Ступал ли по дорогам Иудеи? Или сидел в своей лавчонке?

– Отправлен в странствие был младенцем, но вернулся мужем.

– Что же делал там столько лет?

– В Египет путешествовал. Там, приобщившись к деяниям Моисея, прошел путем Исхода... – наследник прервался. – По ритуалу, таких вопросов ты не должен задавать!

Каган-бек вскочил с сияющими глазами.

– Но ты же проговорился! Ты сказал: «Прошел путем Исхода»! А что же делал дальше?

Наследный покровитель каганата полулежал на одре в набедренной повязке и был невозмутим. Он утопал в перине из лебяжьего пуха, который колебался под тканью даже от дыхания.

– Ты – царь земной. Зачем тебе Знания Великих Таинств? Не я сказал: «Богу – богово, а кесарю...»

– Дай знаний! – взмолился Приобщенный Шад и повалился в ноги. – Поделись со мной! Мы же братья! И корень у нас один: мы сыновья Тогармы!

Иосиф улыбнулся. Сквозь лик черного хазарина проявился белый род Ашинов.

– Уймись, поганый! Не смей соединять наши роды. Верно, мы потомки Тогармы. Но мой родоначальник Хазар! А твой – Булгар презренный!

– А по закону крови?! – вскричал каган-бек. – Мы – от единой плоти!

Богоносный наследник лишь рассмеялся:

– Безумный!.. Ступай в гончарню и взгляни, на чем стоят законы. Ком глины может стать амфорой для вин, а может – и горшком для испражнений. И все – на одном гончарном круге, под одной рукой. Я богоносен! А ты служить станешь мне шаб-батгоем, поскольку всего лишь приобщен.

Каган-бек на короткий миг потерял самообладание и, потрясая руками – то угрожая, то плача, заговорил:

– Отдай мне твою власть! Отдай! Владея Таинствами, я покорю мир! У моих ног будут лежать арабы и ромеи! Я одолею Русь. Весь Север! Все народы принесут мне дань, а их боги склонятся перед богом Яхве! Наш Вседержитель в мире воцарится! А на земле только одна империя – Хазария! Ты же, Иосиф, будешь моим соправителем. Я не обижу тебя! Ведь и сейчас по ритуалу я буду сажать тебя на престол! А выйдет срок – с престола уберу! Я над твоим престолом имею власть!

Богоносный наследник неожиданно ударил Приобщенного Шада ногой в лицо.

– Довольно мерзких слов! Хватит и той власти, что ты имеешь. Поскольку невероятно глуп!

Каган-бек зажал разбитое лицо, склонился, утирая кровь. Наследник швырнул ему свою набедренную повязку.

– Утрись, нечистый!.. Ты покоришь народы? Ты возвысишь Хазарию над всеми? Мне правду говорили, все Приобщенные теряют последний разум... Ты не возвысишь Хазарию, а напротив, разоришь и сгубишь. Она растворится среди покоренных народов. Пока ты у власти, твоя империя кое-как продержится. Но умрешь, и Хазария умрет вместе с империей из дурных, но сильных государств. Это уже бывало на земле... Да полно метать бисер!

Богopodobный взбил подушку, на короткий миг отвернувшись от каган-бека, и тот со стремительностью змеи сунулся к одру и ловко набросил шелковый шнурок на шею наследника. Сдавил удавку намертво – тот не дрогнул! Преодолевая силу рук Приобщенного Шада, взбил-таки подушку и улегся, как хотел.

– Ты явился венчать меня на трон? – вымолвил он сдавленно. – Да ритуал нарушил. Мой отец – каган Аарон – пока еще жив. А двум каганам на троне не бывать.

– Он мертв! – хрипя от напряжения, сказал каган-бек.

– Лжешь, презренный, – храня спокойствие, промолвил богopodobный наследник. – Каган жив!.. Или хочешь удавить меня? Напрасно, твоя земная власть умрет со мной. Сними удавку.

– Не сниму! – злорадно хрипел душитель. – И жизнь не отниму, живи. Но выдавлю из тебя суть Великих Таинств. Говори! Что делал в Иудее столько лет? Прошел путем Исхода? Что еще?!

Шелк резал горло, веревка пропиталась кровью, однако наследник чуть побагровел и усмехнулся:

– Сказать?.. О, Всевышний!.. Так и быть, скажу. Учился в Иудее.

– Чему?! – Приобщенный Шад опрокинул жертву и сел на грудь.

– Тому же, чего жаждешь ты: искусству править миром.

– Как править миром? – налившись кровью, прохрипел каган-бек, словно не он, а его душили. – Ну, говори!

– Ну, полно, каган-бек, – смех унимая, вымолвил богоносный наследник. – Жаль тебя... И потому выдам одну тайну. Запомни, безмудрый: кто руку поднимет на богоподобного – своей рукой удушен будет. Не казни же себя, Приобщенный!

Каган-бек задыхался, глаза полезли из орбит, и изо рта вдруг пошла пена и вывалился язык, похожий на баклажан. Он выпустил шнурок и откатился на пол. Едва отдышался, корчась, с трудом поднял голову. Безумный страх вдруг пронзил его.

Наследник снял с шеи шнурок – следа на коже не осталось!

– Я знал, с какой мыслью ты явишься ко мне, – проговорил он медленно, поиграл удавкой. – Отец мой Аарон жив, но разум у него помутился. Хотя правил он всего половину срока, назначенного промыслом божьим, но далее править не может... Ты слышишь меня?

Окаменевший Шад слегка качнулся, быстро закивал. Разбитый страхом, словно грозой, он приходил в себя. Наследник продолжал:

– По закону предков тебе блюсти престол. Ты волен возводить на трон или низвергать с него. Земная жизнь Хазарии вся в твоей власти. Подумай теперь сам: возможно ли, чтобы безумец – мой отец – был подобен богу?

Каган-бек вновь закивал и вызвал недовольство.

– Очнись, болгар нечистый! Ты же царь, не кукла! И ты не первый из земных царей, кто покушается на власть кагана, прельщенный Таинствами. Это случается всякий раз, как только каган умирает. Ваш богомерзкий род всегда стремился занять высший трон. Чуть приобщат очередного каган-бека, на йоту приоткроют Таинства – он уж возомнит себя великим! И требует большего, чем даровано Ащинами... Что киваешь? Я спросил: возможно, чтобы сумасшедший правил духом Хазарии?

– Нет, невозможно! – вскричал Приобщенный Шад. – С рассудком утрачивается богоподобный образ...

– Так пойди к нему! – велел Иосиф и подал шелковый шнур. – Исполни заповеди предков. Да не медли!

Приобщенный отпрянул, заслонился рукой.

– Если он... здоров рассудком?!

– Заря не может вставать на Севере, – пояснил наследник. – Она всегда бывает на Востоке утром, на Западе – вечером.

– Я тоже... видел! – со страхом признался каган-бек. – Заря была на Севере. И луч потом светился до полудня...

Наследник ударил шнурком по лицу царя:

– Ты усомнился в истинном учении?

– Нет! Нет!.. Но видел!

– И это уже бывало, – вздохнул наследник и повесил на руку каган-бека удавку. – Светился Север... Ну и что? Да солнце там не вставало и не встанет!.. Ступай, куда велел!

Дрожащей рукой Приобщенный Шад взял шнур и, кланяясь, удалился. Наследник усмехнулся ему вслед:

– Заря на Севере!.. Всего лишь заря, а готов уж богу душу отдать!

Покинув бедную лачугу, каган-бек направился ко рву и на мгновение замер: среди отбросов городских, в смердящей грязной луже сидел младенец – старший сын небесного царя Хазари, сам будущий священный каган и управитель богоподобный.

Сквозь мерзость нищеты и нечистот виднелся род Ашинов...

От своего сотворения триединый мир был неделим. В безбрежном океане Времени плыла Земля, а в нем существовало всего лишь три Пути: по первому двигалось Солнце, звезды – по второму, по третьему же ходила Тьма. В том месте, где они пересекались – на Распутье – родился новый мир, новая стихия космоса – Род Человеческий.

Распутье... Оно может и свести народы, пришедшие из разных сторон, и развести в разные стороны. Оно имеет магическую суть, поскольку родина людей притягивает к себе с необоримой материнской силой, однако же при этом никогда не в состоянии удержать возле себя: жажда к пути и странствию, к открытию новых мест и земель всегда побеждает. Потому и невозможно было жить на Распутье: лежащие у ног дороги тянули изведать их, как тянет из дома всякого возмужавшего отрока – что там за холмом, за перелеском?.. Но куда бы не ступал он, все равно возвращался к началу всех Путей и снова оказывался на Распутье, ибо нельзя было миновать родины.

Род Человеческий возрос и возмужал, и страстью гонимый познать, что суть Свет, а значит, бог, имея просвещенный ум, но душу незрячую, вздумал испытать, что станет, если он, человек, взожжет протуберанец на земле – такой же, как на солнце, то бишь силой разума достигнет промыслов божьих.

И возжог!

Пожар великий землю охватил и долгий срок пылал от окоема до окоема, но, даже погаснув, сделал пространство непригодным для жизни и процветания. Спустившийся из стран Полунощных великий хлад согнал людей с обжитых мест, и разбрелись они по нехоженным сторонам, без путей и дорог, оказавшись в мире Хаоса. Чужие звезды светили над головой, иным путем двигалось солнце, неведомые реки бежали к неизвестным морям и безбрежным океанам. Мечта отыскать Распутье, чтобы встать на нем и, осмотревшись, вновь найти дороги, мечта вырваться из Хаоса и утвердиться в мире становилась неодолимой. И тогда круто заваренные в одном котле роды, племена и народы дерзнули выстроить новое Распутье, чтобы, достигнув небес, оглядеть пространство, в коем они оказались.

И небеса взирали с тоской, как среди песчаных, жарких и густонаселенных мест гигантской спиралью вздымалась башня. Да напрасным был труд безумцев! Всемогущий Хаос разрушил Вавилон и, разделив народы, так разметал их по земле, что пыль Времен тысячелетиями кружилась в воздухе и, оседая, навечно хоронила и само Распутье, и все пути к нему. Земля обетованная погребена была, но память о ней лишь разжигала страсть поиска. А Вавилон, этот новоявленный Хаос, успел сотворить свое черное дело, поделив мир на тысячи частей.

Народы Севера – страны Полунощной, – вернувшись в свои земли, утешились мыслью, что родина людей лежит на Юге, в странах Полудня: там солнце поднималось в зенит и замирало в полдень. Народы Юга, напротив, мыслью устремились к Северу, где солнце светило даже ночью – знать, там Распутье всех Путей. Но Запад и Восток, друг с другом споря, охвачены были гордыней. Эти народы метались вслед за солнцем и совершали круг. Один стремился двигаться по ходу солнца, другой – напротив, и всякий утверждал, что только он ведает Пути к Родине Человечества. Обетованная земля сулила рай, манила, звала, прельщала полустертой детской памятью о великом блаженстве, да коварный этот призрак был недостижим, как Млечный Путь.

В бесчисленных исходах, в бурях потрясений утрачивались Время, Пространство и смысл бытия.

И реки крови метили такие исходы...

Из вечного кружения народов, из этих бессмысленных метаний и темных пучин когда-то возникли и хазары...

Но прежде было так: рожденный от рабыни египетской, но с младенчества воспитанный при царском дворе муж Моисей, набравшись мудростей древних от рохданитов, явился к другим рабам сам в образе рохданита – знающего Пути в страну Обетованную, на Родину людей. И возмутил всех рабов Египта, вселил в них веру в благополучный исход. Обнадежившись, рабы восстали и учинили мор, разор и великую смуту, после чего рохданит Моисей увел их в пустыню. Там, в огненных песках, в безводье, он отсеял весь человеческий мусор, дабы не вести его к Распутью. Иной род вымер сам, иной был изгнан или лишен воды и пищи, сам стал рабом рабов. Оставив под рукой лишь верных, тех, кто боготворил его, Моисея, он повел их в Палестину, поскольку слышал от придворных мудрецов фараона, что эта страна и есть Распутье. Рохданит обещал рабам, что, заселив эту землю, они встанут у истоков своих Путей и станут править миром.

А разноплеменный сброд, оставшийся в пустыне, собрался под руку вождя Хазараима и побрел искать обетованную землю своим путем.

И канул в хаосе движения народов.

Племя хазараимов, как всякий прочий сор, носило по земле из края в край. Не знали они, в чьих землях живут, чьим богам молятся и были ли у них свои, ибо утратили речь, память и обычаи. А вместе с этим утеряли и смысл исхода: куда пошли и зачем, если были рабы и остались рабами? Если жизнь полудикая и полудикий скот является вождем племени: стада брели туда, где больше травы, а люди – за скотом.

Так минули века...

Возникнув в Палестине, Иудея недолго вкушала райскую благодать. Скоро она вновь была обращена в рабство, так и не познав владычества над миром. Одна часть смирилась с привычным состоянием и вечной участью, другая же разбрелась по странам искать пути к Распутью и власти на земле.

И вот некий рохданит Исайя, бродя в песках Востока, нашел хазараимов и лишь по единственному признаку угадал в них рабов из Египта. Под жерновами других народов их лица изжелтели, глаза пошли в раскос, скривились ноги от жизни на конях. Никто не помнил, кто они есть, откуда пришли, и только в одном роду Ашина почитали субботу и обрезали плоть, не зная сути ритуала.

Подобно Моисею, рохданит Исайя решил вывести это племя из безвременья и дикости. Он стал вождем хазараимов и скоро уговорил родоначальников уйти с кочевого круга в горы. Здесь, среди голых скал, в пустыне, он продержал кочевников сорок лет. Суровая земля, нещадный зной и скудость отряхнули с племени степную пыль, усмирили невероятное плотоядие и нрав, достойный гузов. Вождь-рохданит тем временем скупал рабынь-иудеек на восточных рынках, приводил их в племя и свежей кровью молодил дряхлеющую кровь. Сам же набрал себе гарем из женщин избранного рода Ашинов и утвердил его на царство.

Через сорок лет, когда народы кочевого круга забыли хазараимов, рохданит Исайя вышел из пустынных гор и сел со своим племенем на устьях великих рек Ра, Дона и Кубани.

– Вот вам земля обетованная! Вот рай земной. Владея этой стороной, вы завладеете всем миром!

Оставив царствовать кагана, сам рохданит отправился по свету собирать иудеев, чтобы привести в степную Палестину. Но в то же время исторгнутые с устьев рек словене, болгары и аланы собрали рати и в битве одолели хазар. Каган бежал в степь, где кочевое степное жительство казалось ему милее и безопасней, чем оседлое на устьях рек. Когда же рохданит Исайя вернулся с тысячей соплеменников, надеясь освежить кровь и дух хазар, то не нашел их там, где оставил. Однако и это не смутило знающего Пути: через год он отыскал их среди пустынных гор, куда хазары были изгнаны с кочевого круга.

Несчастному племени не было на земле места!

Иной бы отчаялся, оставил бы надежды – сад одичал, изрос, переродился, и что ни привей, все отмирает либо приносит убогий горький плод. Иной ушел бы восвояси, но рохданит затеи не оставил и, срезав от дерева хазар сильные побеги, привил их на сей раз к сильному, могучему дереву булгар. И так, ветвь за ветвью, искусный садовод пересадил все племя, повязал болгарские роды с хазарскими родами. Когда же сучья привитые выросли и взматерели, рохданит стал подсекать лишние, чужие ветви, иные же отсохли сами. Когда дерево дало цвет, садовод уподобился пчеле и, летая от цветка к цветку, так опылил их, что плод на дереве болгарском стал хазарским плодом.

О древе ж судят по плодам его!

Никто не мог прогнать теперь этот народ или пренебречь им, ибо уже сжился он с булгарами на их земле. Однако рохданит не желал чужого корня. Грубым топором он отсек хазар от болгарского ствола и утвердил новое дерево в земле обетованной – на устьях рек великих и берегах морей. Сам же ствол разрубил надвое: одну часть оставил на берегах Итиля – так именovali хазары реку Ра, – другую же, которая не подчинялась искусству садовода, хотел изгнать в пустыни, но хан Аспарух, вольный и неумный радатель рода болгарского, увел гонимых на Балканы и поселился там.

Освободив пространство, рохданит провозгласил Хазарское царство и сына кагана, Булана, отправил в Иудею – в залог, чтобы хазары не оставляли заповедного места и не бежали в степи.

С тем и оставил мир земной.

Каганский сын Булан, очищенный от скверны в Иудее, отринул бога Тенгри-хана и принял иудейство. А через много лет, когда вернулся в Хазарию, он задушил отца и сел править. Новый рохданит, пришедший вместе с ним, избрал из племени булгар достойный род и из него – царя земного, каган-бека, чтобы Булан, имея сан священный и богоносный образ, не пачкал рук ни делами земными, ни отцовской кровью...

Так появился каган-бек и Приобщенный Шад, палач богоподобных царей и управитель бренной жизни. Казалось, власть в его руках беспредельная, если он сажал и низвергал каганов, однако при этом он был закован в цепи мрака, ибо не знал Великих Таинств управления миром.

Не минуло и суток, а Приобщенный Шад уже вернулся в Саркел, исполнив свои обязанности. Представ перед наследником, он подал ему золотое блюдо с головой кагана Аарона. Иосиф принял блюдо, возложил руку на голову отца и оцепенел, творя мысленную молитву. Обряд этот относился к Тайнам – Приобщенный отвернулся. Наследник же произносил молитву, но бога называл не именем Яхве, не Цебаотом и не Шаддаем. И не другими многими именами. Он знал два тайных имени, даже мысленно провозгласив которые, был бы немедленно услышан.

Покончив с ритуалом, он отставил блюдо, покрыл его конской попоной.

– Что он сказал перед смертью?

– Безумец!.. Несвязна речь была.

– Все передай, до слова!

– На Севере родился светоносный князь, – не сразу и не совсем уверенно проговорил Приобщенный Шад. – Он... Он разобьет звезду, что стояла между трех морей и между рек великих... И свет ее померкнет навсегда. Змея отпустит хвост и уползет в пустыню, а выползок ее истреplet ветер. Он обратится в пыль... и рассеется по свету. Северу дадут крылья, и народы Юга увидят сияние Севера и тогда отринут тьму, познают богов своих...

– Что еще? – храня спокойствие, спросил наследник.

– На этих словах господь отнял дух его...

Богоносный наследник приподнял попоны, тихо вымолвил мертвой голове:

– Ты познал бога... А страх – вина не твоя. Тебе он был отпущен, чтоб предупредить меня.

Приобщенный Шад, стоя на коленях, слышал все и видел, но не показывал этого, силясь понять таинственный смысл слов.

– Змея отпустит хвост и уползет в пустыню, – раздумывая, продолжал наследник. – А выползок ее истреплет ветер. Он обратится в пыль и рассеется по свету... Вот что тебе открылось в последний смертный миг!.. Эй, Шад! Ты мне не все сказал. Сокрыл или упустил с умыслом?.. Повтори еще: что станет со змеиной шкурой?

– А выползок ее истреплет ветер, – повторил Шад. – Он обратится в пыль и рассеется... Помилуй богоподобный! Да, упустил без умысла! Речь была несвязна и невнятна... Он так сказал: «А выползок ее истреплет ветер. Он обратится в тяжелый песок и рассеется по свету».

– По глупости ты оговорился? – спросил наследник. – А может быть, кто-то научил?

– Клянусь, всемогущий! – повинился каган-бек. – По глупости! Безмудрый я, темный! Суть сказанного не понимаю! Ведь я всего лишь Приобщенный!

– Верю, – скупое обронил Иосиф. – Ну что, венчай меня на трон! Готов ли ты, убийца кровожадный? Знаешь ли Таинство ритуала?

– Да, повелитель! – заверил Приобщенный Шад. Он обрядил наследника в рванье, связал его, как вяжут конокрадов, и под покровом ночи повел к воротам города. Свита каган-бека встречала у рва: одетые лариссеями, они казались на одно лицо. Среди них стояли два связанных разбойника – черные хазары. Наследник к ним примкнул и в тот же миг стал неотличим, однако лариссеи встали в круг и начали перемешивать убогих, будто кости в кубке: толкали их между собой, сами при этом вертелись на месте и менялись местами. Все это напоминало некий странный, дикий ритуальный танец. Через несколько минут даже самый зоркий глаз не признал бы среди трех разбойников наследника хазарского трона. Три висельника были перед Шадом, три злодея, обреченных на распятие, и богоносность одного из них как бы разделилась на троих. Теперь отделить зерна от плевел, истину от лжи могло лишь провидение.

Ко всему прочему на головы этих людей надели плотные мешки и густо окропили вонючей липкой мазью.

Ворота города перед каган-беком распахнулись, Приобщенный самолично удалил охрану и выставил своих лариссеев. Закоулками, мимо убогих лавок, он привел обреченных к глухой стене: внутренняя крепость Саркела не имела входа. С высокой стены спустилась деревянная лестница, две темные фигуры с факелами застыли наверху. Каган-бек подвел к ступеням первого, не развязывая рук, велел подниматься. Несчастный, прижимаясь грудью, полез: лестница под ним качалась, дрожала, передавая дрожь напряженных ног. Ступени уплывали, в затылок дышала смерть, готовая принять в свои объятия. Он одолел две трети, трясясь, но двигался вверх и вдруг резко оступился! Пал без крика, словно мешок. Шад молча выдернул стрелу из колчана лариссея и приколол упавшего. Второй приговоренный, послушав хрип умирающего собрата, ступил на лестницу и стал подниматься прямо, сохраняя равновесие. Он преодолел больше половины, но пошатнулся и готов уж был рухнуть вниз, да в последний миг зубами ухватился за ступень, повис, ногами щупая опору. И вот нашел, утвердился и вновь стал забираться прямо, размеренно качаясь вместе с лестницей. Факельщики на гребне стены приняли его и поставили за свои спины. Третий обреченный одолел этот путь на одном дыхании, будто взлетел, стремительно перебирая ступени ногами.

Оставив свиту внизу, каган-бек поднялся за ним на стену. Тотчас же лестницу убрали, и по всему гребню, в шаге друг от друга встали факельщики.

Крепостные стены окружали башню, увенчанную голубой звездой. Во мраке купол башни был невидим, и казалось, что звезда опустилась над Саркелом. Приобщенный Шад очистился огнем и ввел двух оставшихся обреченных под своды первого этажа. В углах помещения таи-

лась мгла, а в центре возвышалась чаша, окруженная семью семисвечниками. Выше их блестел золоченый острый крюк.

Здесь совершался обряд отделения лжи от истины – здесь начинался мир Великих Таинств. Приобщенный Шад по ритуалу обязан был покинуть башню и в уединении молиться до утра, однако чуял неодолимую жажду вкусить запретного плода. Нарушив обряд, он затаился в нише толстой стены и перестал дышать.

Испуская чад, вздрогнули сальные свечи, качнулся крюк над чашей, и ветер опахнул про странство. На лестнице, ведущей вверх, послышался тихий шорох, и на пол мягко спрыгнул старый лев. Он постучал хвостом, напрягся и заворчал...

Всякий смертный обмер бы от ужаса, но обреченные не выдавали чувств. Лев сделал круг возле них, принялся и шаркнул когтями по камню плит – рев оглушающий потряс всю башню. Каган-бек нащупал во мраке дверь, отворил ее спиной и попятился. Тотчас же зверь прыгнул в его сторону – хвост ударил дробь. Приобщенный Шад ощутил дыхание смерти – звериный смрадный дух – и вмиг выскочил вон, захлопнув дверь...

Когда же он, согласно ритуалу, вернулся в башню после ночных молитв и покаянных слов, все было кончено. В живых остался только один из обреченных: другой висел на крюке, и его кровь стекала в чашу.

Один был обречен на власть, другой – на смерть...

Что тут произошло? Кто сделал выбор? И если зверь, то кто же жертву поднял на крюк и точил теперь кровь, ножом изрезав кожу у горла?

Кто он, незримый житель башни? Бог? Всевышний Иегова?

Испытывая страх и шепча молитву, каган-бек снял мешок с того, кто теперь был обречен на власть, и открылась истина: перед ним был не Иосиф! Не тот хазарин черный, что торговал хлебом в своей лавке! Он был похож, однако каган-бек мог поклясться, что тут была подмена.

Поклялся бы и возопил, если бы не знал по ритуалу, что перед ним – настоящий Иосиф, сын Аарона и каган богоподобный, только в ином, таинственном, божественном облике!

Род Ашинов имел особые черты, кои известны были только Приобщенным.

– Богоносный! – Шад повалился на пол. – Слава Всевышнему! Слава, слава, слава! Аминь.

– Венчай на трон! – сухо распорядился каган.

По лестнице, с которой спрыгнул лев, он поднялся на второй этаж, где посередине зала возвышался трон. Наследник вззошел по ступеням и сел, каган-бек достал из рукава шелковый шнур и ловкой рукой набросил ему удавку на горло.

– Сколько сидеть тебе на этом троне?

– Сорок лет, – ответил богоносный.

Приобщенный Шад затянул удавку, упершись в спинку трона.

– А теперь сколько хочешь сидеть на троне?

– Все сорок лет.

Ослабив на мгновение шнур, каган-бек намотал концы его на руки и, натянув, обвис всем телом.

– Назови срок, сколько тебе править духом Хазарии?

– Мой срок – сорок лет! – багровея, провозгласил каган.

Шад снял удавку и преданно склонился перед троном. А богоносный не спеша содрал с себя лохмотья и, будто водой, умылся кровью из жертвенной чаши. Оставив каган-бека на ступенях трона, богоподобный поднялся под кровлю башни – там завершался мир Великих Таинств, сокрытый от людей смертных. Вход под звезду не охранялся, но прежде чем войти сюда, следовало возложить жертву – пять тысяч золотых монет. Сам жертвенник напоминал весы, на одну чашу всыпалось золото, и когда вес его был достаточен, вторая невидимая чаша поднималась вверх и отпирала замок. Это означало, что бог жертву принял и отворил дверь в

подзвездное пространство. Возложив золото, всякий мог бы подняться на самый верх и познать Таинства, однако спуститься назад возможно было лишь одному кагану.

Через четверть часа богоподобный появился в голубом хитоне, помазанный елеем и натертый мирром. Приобщенный Шад припал к ступням его ног:

– О, всемогущий каган! О, покровитель жизни! Клянусь служить тебе и править каганатом, как ты повелишь!

– Встань, Шад, я верю тебе, – сказал каган. – И поэтому желаю открыть тебе одно из Таинств, в благодарность за венчание. Ведь ты же жаждал знаний Таинств?

– Да, превеликий каган!

– Ты это заслужил!

Богоносный достал из-под хитона маленький сосуд с благовонной мазью, пометил ею лоб каган-бека, впадину у горла, запястья, лодыжки, затем на голову надел мешок – все делал не спеша, с любовью.

– Готов ли ты к познанию Таинства? – спросил торжественно.

– О, богоносный! Я готов!

Каган подвел его к одной из дверей, отворил ее и велел войти. Жаждающий знаний, как управлять миром, каган-бек ступил через порог – за спиной гроыхнул железный засов, и все стихло. Приобщенный Шад поднял руки, чтобы не споткнуться, и вдруг услышал львиный рык.

И в тот же миг познал одно из Таинств – Таинство смерти.

Тем часом два кундур-кагана, два верных Шаду мужа, согласно ритуалу ввели под своды башни Исаака – наследника земного царя, растерзанного львом. Сын каган-бека встал у чаши, нагнувшись к каменному полу. Кундур-каганы покрыли его черным полотном, сняли с крюка жертву и ушли. А спустя минуту на лестнице послышались шаги. Стук деревянных сандалет бил по ушам, и сын Шада вздрагивал всем телом, словно ждал казни. Каган снял семисвечник и запалил покров на Исааке, пропитанный горючим веществом. Ткань мгновенно вспыхнула и, опалив лицо, тело, осыпалась на пол белым пеплом. Так очищался тот, кто должен был стать Приобщенным Шадом. Вступающий в наследство каган-бек стоял с закрытыми глазами. Богоносный намазал кровью его уста.

– Готов ли ты принять престол Хазарии и править каганатом? Открой уста.

– О, всемогущий, я готов! – со страхом вымолвил наследник.

Каган намазал кровью веки.

– Открой глаза! Приобщись к Таинствам!

Борясь с волнением и страхом, Исаак чуть веки приподнял...

И в тот же миг был приобщен – прозрел таинственный облик кагана.

– Всевышний! Иегова! Слава! Слава! Слава!

Богоподобный взял руку каган-бека и палец увенчал перстнем с черепом.

– Ты приобщен. Теперь дела твои земные есть проявление моей воли.

– Повинуюсь!

– Сегодня для страны моей великий праздник, – проговорил каган. – В день торжественный хочу одарить тебя. Что ты хочешь, каган-бек?

– О, богоносный! – воскликнул Приобщенный Шад. – Мне довольно, что по воле господи лицезрею тебя!

– Что бы ты хотел получить в дар? Назови свое желание!

– Не смею противиться... Желание есть! Великий праздник омрачен, повелитель! В народе смута – молва идет, на Севере заря восстала. В Руси родился светоносный князь. Вели мне сей же час выступить на русинов!

– Твое желание мне по нраву, – одобрил каган. – Только следует обождать, не настал час войны.

– Хазария волнуется, богоподобный!

– Скажи мне, Шад, обучался ли ты у иудейских мудрецов? – спокойно спросил богоносный.

– Да, всемогущий! – признался каган-бек. – Семь лет я жил в тайном затворе с тремя учеными мужами, которым ведома наука управления миром. Одного из них держу при себе до сих пор, поскольку хочу овладеть этими знаниями!

– Похвально, царь... А теперь ответь мне: как можно утешить Хазарию и развеять смущение народа, не прибегая к войне?

– Лучшей утехой стала бы голова младенца, который воссиял на Севере. – Приобщенный Шад вдохновился, чувствуя, что ответ нравится кагану. – Пошлю гостей на Русь с товаром хорошим, но не дорогим, а вместе с ними – послов с богатыми дарами к князю Киевскому. Послы мои речисты и мудры, а дары – молодые рабы-греки – будут научены, как добыть голову младенца-князя. В Руси нет рабства, и потому невольников жалеют, особенно иноземных. Один из рабов будет в совершенстве владеть воинским искусством, а княжичу непременно потребуются учитель.

– Ты мудр, как Соломон, – одобрил каган. – Занятно тебя слушать...

– О, богоносный! Если бы мне познать Таинства управления миром! – воскликнул ободренный каган-бек.

– Достойно похвалы твое стремление, – проговорил каган, глядя в сторону. – Но князь светоносный – не твоя забота! Не смей слать послов и дары! И не ищи головы младенца!

– Повинуюсь, – испуганный резкостью богоподобного, сказал Приобщенный Шад.

– Ступай и царствуй! – велел каган. – И содержи народ Хазарии, как подобает содержать богоизбранных!

– Я все исполню, повелитель! – попятился к двери каган-бек.

Оставшись один, богоносный взял таз, кувшин и принялся мыть руки.

– Булгар презренный!.. Твой поганый род годится только в шаббатгой!.. А жаждете познать, как править миром...

2

Тревогу принесли ночные Стрибожьи ветры. Чуть прилегла княгиня, отослав наперсницу из покоев, как с треском распахнулось окно и послышался стук птичьих крыльев. Заплясала под сводом косая, рваная тень – то ли голубь вспорхнул, то ли ворон линиялый: заколебался и погас полуночный светоч. А птица во мраке ударилась о стену и сронила на пол серебряное зеркало. На звон да шум, ровно сокол, влетел в светлицу боярин княжий именем Претич, под потолком достал наручью непрошеную гостью, сбил и уж было вознамерился взять рукою добычу, но взлетела черная птица, вынесла слюдяной глазок в окне и прочь умчалась.

Боярин свечу затеплил и удалился за дверь, будто сам побитый. Княгиня же подняла зеркало, посмотрелась в серебряную проседь – суровая костистая старуха черно глядела: призрачный свет не таил и не скрашивал прожитых лет... А ветры Стрибожьи, весенние, теплые, ломились в терем, стучали в двери и окна, вздували первую зелень в кленовых деревьях, будоражили лошадей на княжьей конюшне, играли волною по днепровским плесам и подгоняли в предраассветной сиреновой выси бесчисленные стаи перелетных птиц. И по тому, как все в мире оживало под этими благодатными ветрами, княгиня больше ощущала свою мертвеющую плоть. Не ветви отсыхали, но сушило руки, воздетые к ветрам; не корни рвались, но тайные жилки в ногах деревенели, те самые, что насыщали тело сладкой истомой от всякого движения – будь то поступь царственная или удалая скачка на лошади горячей.

И не жук-древоточец точил сердцевину – тоска бесплодия грызла княгинину душу...

Лишь под утро унялись ветры, и время было вставать, да пришел наконец мимолетный сон. И в серебряной глади зеркала явился княгине Вещий Гой, князь-тезоимец, именем Олег. Взял ее руку безвольную, вывел из терема, а тут подхватил их ветер, вознес над Киевом и в тот же час опустил на кручи у Днепровских порогов.

– Отныне сей камень – престол тебе, – промолвил он. – Садись, позри, чем станешь владеть.

А камень тот венчал надпорожную скалу, и на восточной его стороне был начертан знак Владыки Рода, знак света – суть свастика. Княгиня не посмела послушаться Вещего Гоя, приблизилась к камню и хотела уж воссесть на холодный престол, но вдруг пал с неба черный ворон, вцепился когтями в камень и крыла распустил.

– Прочь! Прочь! – прокаркал он. – Се мой престол!

Княгиня отступила – чудно услышать человеческий голос от дикой птицы! – но князь Олег взбодрил и вложил в ее руки тяжелый медный посох.

– Не бойся, дева, отними то, что принадлежит тебе. Сбей ворона! А посохом владей. Се дар тебе. Пришел твой час.

Взяла она посох и чуть не выронила – настолько вместе велик да тяжек, однако замахнулась на птицу.

– Поди же с моего престола, трупоядец!

Но тут ворон исполчился на княгиню, взъерошился.

– Я царствую на кручах! –дохнул он мертвечиной. – Уймись, жена. И посох брось. По силам ли тебе сия держава?

Княгиня оглянулась, ища поддержки Вещего Гоя, однако тезоимец исчез с днепровских круч, ровно и не бывало никогда. А ворон заклекотал, изрыгая вонь:

– Ступай-ка в Киев! И там сиди, старуха. Мне надобно убить тебя, да проку что? Я милую, брось посох и иди.

И тут он ухватился клювом за змейку, что венчала медный посох, и потянул к себе, да княгиня вдруг разгневалась, вырвала дар тезоимца у птицы.

– Да как ты смеешь? Казнить и миловать – удел князей. А ты всего лишь птица. И посему лети-ка с моих гор. Здесь русская земля! Земля живая. Тебе же пристало мертвечину клевать. Изыди вон!

Княгиня замахнулась посохом, однако ж ворон подобрал крыла и предстал смиренным голубем.

– Ну, не гневись, сестра, – заворковал благодушно. – Быть посему, уступлю Пороги. И полечу на киевские горы, в твой терем. Там выведу птенцов. А к исходу лета мои птенцы дадут свое потомство... Ты же стара, но все бездетна. В тереме пусто, и русская земля хоть и жива, да скудеет...

Княгиня ударила посохом о камень и высекла искры.

– Не смей тревожить раны!

– Помилуй, матушка, – взмолился голубок. – Ты же явилась на Пороги власти поискать над Диким Полем. Вот если бы наследника, дитя... А то владычества! Твой муж, князь Игорь, здрав еще, а ты уж править вздумала. Зачем тебе престол?

– Меня Олег сажал, – княгиня смешалась. – Мой тезоимец, руки водитель...

– Олег был Вещий князь, – проворковал голубь. – Да ведь он мертв!

– Но я-то жива! И дух Олега вошел в меня с его именем.

– Жива, жива, – вдруг зашипел голубь. – И потому змея жива. Та, что ужалила Вещего Гоя!

– Змея жива? – изумилась княгиня. – Я зрела: тиуны сего ползучего гада забили в землю и рассекли мечами.

– Рассекли... Да токмо на закате змея срослась! – Голубь встрепенулся и запрыгал по камню-престолу. – И теперь сидит на твоём посохе. Позри! А знак сей означает смерть. Ты, матушка, взяла от князя Олега и имя, и дух... Ныне же вот и смерть от гада примешь.

Золоченый гад, озаглавивший посох, сидел, разинув пасть, и сверкал наостренный ядовитый его зуб. Но змеинный глаз был живым и теперь наливался холодной кровью...

Княгиня отшатнулась.

– Брось посох, – чаруя слух, прошипел голубь. – Брось его в воду, пусть же утонет гад в порогах, а ты вместе с этим знаком избавишься от рока... Ну, брось же, брось!

Она повиновалась чарам, замахнулась, чтобы швырнуть тяжелый дар Вещего Гоя в шумящие под скалами пороги и вместе с этим знаком погрузить на дно свой рок, однако в последний миг сквозь шум воды ей голос послышался:

– Се сон, княгиня, сон! Проснись!

Она встрепенулась, выронила из рук серебряное зеркало и проснулась от его звона. Над Киевом занималась заря в полнеба; другая половина, бирюзовая, была еще холодна и звездиста...

– Как жаль, – промолвила княгиня, – спросить не успела: к добру ли, к худу сон?... Иль к непогоде привиделся мне покойный тезоимец?

В тот миг у изголовья своего ложа княгиня узрела медный посох! Тот самый, что во сне привиделся: и золоченый гад щерил пасть, и заря кроваво играла в рубиновом оке...

– Сон-то в руку...

Страшась и дивясь, она огладила перевитую узорочьем медь и в сей же час пожелала изведать свой сон через гадалку на перстах.

Придворная толковательница снов, сама спросонья, послушавши княгиню, глаза протерла и заворковала голубем:

– Твой князенька ныне с супостатом сразился. И ромеев одолел! Да много кораблей в море потерял и посему скорбит Великий князь, горько плачет о своих витязях. Черный ворон на каменном престоле – а равно и орел или иная птица – царь ромейский. Порог речной, шум

воды – битва кровавая. А голубь, матушка, да еще шипящий – смиренная Ромея. Вот оплачет мертвых твой князь, возьмет добычу да скоро и на Русь прибежит.

– А чей же посох? – дивясь воскликнула княгиня. – В покои Претич никого не впустит... Откуда ж посох взялся?

– Чей посох – мне неведомо, – смешалась гадалка. – А означает он дальнюю дорогу. Должно быть, князь спешит...

– Что посох – знак пути, и мне известно, – вздохнула княгиня. – Муж мой – воин и с мечом идет, но не с посохом, как странник или волхв... Ступай с моих глаз! Не утешила ты меня... Да кличь ко мне Карнаю, она – ведунья, авось и скажет, кто мне занес в покои знак.

Под брех собак собачьими же лазами в заплотах и окольных путях гадалка поспешила в Подол и после третьих петухов отыскала хоромину Карнаи.

– Поди скорей, княгиня призвала! Сон толковать. Я же слепая, взялась гадать и токмо разгневала...

Карная спрятала древний свиток в окованный сундук, ключом замкнула, печать наложила и поставила бережный знак.

– Мне ныне пора спать... Недосуг в княжьи хоромы ходить. Как подымусь, так и приду.

– А долго ли спать-то будешь?

Ведунья бросила на горящие угли в противне сухое зелье, окурила жилище, затем свои руки.

– Верно, до заката... Иль как луна взойдет.

– Не стерпит, не дождется княгиня! Уже и сейчас гневлива...

– Куда уж, стерпит... Княгинин сон – сие ли диво? Пустой!..

– На сей раз – в руку!

Карная не спеша огни-сварожичи обратила в уголь, убрала в горшок-огницу, потянулась.

– Чего же – в руку?

– Да посох ей пришел! – испуганно промолвила гадалка. – В узорочье, но старый и змея золоченая. В изголовье стоял...

Волхвица старая, Карная, чуть огницу в воду не уронила.

– А ты сказала – сон! Не сон, а посох к ней явился! А сон при сем – пустой!

Обрядилась Карная в оборчатый белый плащ, окрутила волосы главотящем и заспешила в терем. О сне не спросила ни слова, а сразу к посоху бросилась. Повертела его в руках и так, и эдак, зелень ногтем поскребла, пугаясь коснулась змеиного жала.

– Не ведаю, – сказала наконец. – Знала посохи... Сама ходила... А этот чей – ума не приложу... Кем подан был во сне?

– Да Вещим князем!

Карная посох отложила и замахала руками:

– Чур, чур меня!.. Ох, матушка, беда! Коль Вещий Гой подавал, знать, Вещему и принять. А ты – жена... Зачем же приняла? Сей посох предназначен мужу!

– Мое имя – Ольга. Я Вещим князем наречена, как муж.

– Уволь, княгиня, – попросила Карная. – Сие мне не под силу. Могу дождя накликасть иль тучи усмирить... Беду навлечь на супостата. Поспорить с Перуном могу, когда он бьет дубы в Рощенье иль безвинных карает для забавы! А знаки сакральные – удел не мой.

– Хоть погадай! – взмолилась княгиня.

– Боюсь, неправда будет, кривда. – Карная задумалась. – Будет тебе дорога, долгий путь. Вручил Вещий Гой, чей дух и чье имя ты унаследовала, знать, путь сей – не земной... Увы, увя, княгиня! Темна я в сих делах, мне еще срок не пришел изведать Пути небесные, живу всего сто и двадцать лет... Ага! На посохе вон есть змея, а гад ползучий велит искать земного пути! Нет! Ума не приложу! Постой, постой... А не Валдай ли посох сей прислал? Волхв из

чертогов Света?... Опять помыслить, зачем он будет слать? К чему? Куда тебя вести, старуху? Года не те...

– Сама старуха! Сто и двадцать лет... А я вдвое моложе!

– Да будет, матушка, прости. Но и шесть десятков – совсем не мало, чтоб Валдай позвал...

– Во сне мне грезилось, как черный ворон оборотился голубем и зашипел: «Змея – знак твоей смерти», – поведала княгиня, сердясь.

– Пустое се, – отмахнулась ведунья. – Змея – мудрость земная, путь к сей мудрости, дальняя дорога... Нет, не возьмусь судить. Надобно волхва призвать, который ведает Пути земные и небесные. Кто хаживал тропой Траяна.

– Ну так зови!

– Покуда я доползу – изведешься, княгиня, – закричала Карная. – Тот волхв в Родне сидит. У трех дорог, меж трех камней... Кумир там есть, перст указующий. Чародей ему служит. Пошли гонца!

Немедля гонец умчался в Родню, а княгиня и вовсе покой потеряла – заметалась от окна к окну, стуча посохом. То страх к сердцу подступит, ни жива, ни мертва, то от радости великой готова самую лютую обиду простить. На восходе солнца вышла во двор, и послышался ей лебединый плач в поднебесье. От птичьего клика затрепетала душа – готова была вослед полететь, да сколько ни смотрела, так и не увидела стаи перелетной. Но вдруг упало к ногам княгини белое перо. Подняла она перышко, зажала в руке и в терем поспешила. А там, ровно дитя малое, засмеялась, облобызала находку и спрятала под подушки. И сама прилегла, не выпуская посоха из рук. Будто и дверь не скрипнула, окошко не стукнуло – лишь ветерком лицо овеяло, и очутился возле ложа белый-белый старец в плаще, сотканном из лебединых перьев.

– Вставай-ка, матушка, пора. За тобой пришел.

Княгиня изумилась:

– Кто ты, старче? Не волхв ли из Родни?

– Ни, матушка, – ответил он. – Я Гой еси, птичий данник.

– Чудно... Я не звала тебя. Зачем же ты явился? Мне надобно волхва...

– Не будет проку от него, – усмехнулся старец. – Знаю я волхва роднинского: слепой, глухой и горбатый. Семнадцать лет ни света не видал, ни речи человеческой не слышал. На что тебе он?

– Сон вещий был, и с Вещим князем...

– Ужели вещий сон? – отчего-то развеселился нежданный гость. – Поведай-ка, авось я растолкую! Любо мне сны разгадывать! В былые времена частенько призывали, покуда молод был... То дочь боярская, то дочка купеческая. Уж я так растолкую, так!..

И засмеялся озорно, блудник старый!

– Ой, не верю я тебе, – усомнилась княгиня. – Больно смешливый ты и одет-то – перышки...

– Не смотри, во что одет! Знала б, что под одеждами! А по наряду не встречай, я птичий данник... Так что же привиделось тебе?

Старец вдруг запустил руку под подушку и вынул спрятанное перо. Княгиня отнять хотела, но гость непрощенный засмеялся, уворачиваясь, и в единый миг вплеп перышко в свой плащ.

– Да как ты посмел? – возмутилась княгиня. – Верни перо!

– Как бы не так! – воспротивился старик. – Мое перышко, я обронил. Одежина поистрепалась, покуда к тебе шел... Ну, довольно веселиться. Ступай за мной!

Он вынул из котомки рубище и чудной кокошник, отороченный галочьими перьями, бросил в руки. От дерзости такой княгиня разгневалась:

– Явился незванным и мне указ чинить?! Изыди вон! Эй, тиуны!..

Гой-старец ничуть не уstraшилcя:

– Ты хоть и княгиня, да птица-то невелика. Недосуг мне с тобою канителиться. Одевайся! В этот миг в покои соколом влетел боярин Претич, покружил по светлице.

– Звала ли, княгиня?

– Звала, боярин! Выбей-ка из моих покоев гостя непрошеного!

Претич еще раз огляделся, недоуменно пожал богатырскими плечами:

– Кого, матушка, выбить? Укажи!

– Да вот же он! – Княгиня толкнула старца в грудь. – Гони вшаей!

– Не вижу, матушка... Нет никого в покоях! Вот токмо перышки лежат, – боярин растерялся.

А старец стоял перед княгиней и надсмехался, и все толкал в руки простую одежину. И тут княгиню осенило: уж не сон ли это наяву, коли Претич не зрит диковинного и дерзкого старца?

– Ладно, ступай, привиделось мне...

Претич в недоумении вышел из покоев.

– Ну, будет, старуха, двор смешить, – сказал Гой. – Одевайся да идем. Путь-то неблизок.

– Старуха?! – взъярилась княгиня, схватывая со стены зеркало. – Ужо вот я тебе!..

Замахнулась на Гоя да и остолбенела: старец стоял с ее посохом в руке и глядел через плечо взглядом острым, молодым, соколиным!

И таким знакомым! Токмо где видела, когда – никак не вспомнить...

– Кто же ты есть? Чей посланник? – теряя самообладание, спросила княгиня.

– Известно чей!.. – недовольно пристукнул посохом гость. – Был знак Владыки – на восходе солнца взять тебя и увезти на реку Ра. Ужель ты думаешь, приятно идти далеким путем с княгиней строптивой?..

– Кто сей Владыка? Кто вздумал мною управлять? Или не ведает мой норов? Я же княгиня, жена Великого князя!

– Все ведают твой норов, – пробубнил Гой. – Никто не спорит: ты княгиня... Да как бы ни было – ты внучка Рода.

Княгиня рассмеялась и бросила зеркало на постель.

– Ах вот кто прислал тебя!.. Ну полно, Гой. Ступай. А дедушке сему, Дажьбогу, скажи: мол, его внучка Перуну поклоняется и требы воздает. Минули веки Рода! И Русь сего кумира отринула, как колыбель мужалый отрок.

– Слышал я, будто ты мудра, – вздохнул старец. – А ты на самом деле глупа, как всякая бездетная жена, сварлива. Ох, горе мне с тобой... Великий волхв Валдай мне сказывал, ты будто бы Вещим князем была избрана и просвещена. Да где ж тот свет в твоих очах? Темна ты, матушка, и дух в тебе изгойский... Чего бы ты ни измыслила, кому бы требы ни возносила, все одно – внучка Рода, и до последнего часа ходить тебе под его десницей. Богов отринуть можно, да крови не отринешь. Ну не серди меня, старуха!

И снова глянул соколом!

– Ужели я старуха? – она пролепетала.

– Да ведь не молодка! Инно по-другому бы говорил с тобой...

Соколиный взгляд достал глубин души, и ровно когти впились в сердце. Усмиренная княгиня промолвила:

– Не время мне ходить на реку Ра, Киев оставлять не время. Муж мой в походе. Бояре возмутятся... Мне Русью надобно править.

Гой-старец погрозил посохом:

– Я вот тебе, управительница!.. Жена на престоле! Вот уж тьма несусветная! Ну и жену избрал Вещий князь!.. Покуда ты под сенью знака Рода – престол не пошатнется. Знать надобно! Чему Олег учил?..

– Как же рубежи? – уже беспокойно спросила княгиня. – Каждое лето по сумежью то печенеги, то хазары землю воюют. Прознают, нет княгини – на Киев исполчаться!

– Ох, слепота! Ох, тьма-тьмущая! – загоревал Гой. – Слышала ли ты от Вещего Гоя о тропе Траяна?

– Будто бы слыхала...

– Так вот, едва ступим на сию тропу – Русь заключится в обережный круг. У супостата и помыслов не будет. А пойдут, так сгинут, как обры.

– Не подослан ли ты хазарами? – вдруг усомнилась княгиня. – Уж больно выманить из Киева хочешь!

– Довольно! – ударил посохом Гой. – Возьму за косы да силою умчу! Отвечай мне, добром пойдешь или тащить тебя?

Княгиня вскинула очи и отшатнулась: ярое соколиное око старца горело огнем. В сей миг сложит крылья, падет камнем и унесет в когтях...

Уж не тот ли сокол, что к звездам летал, пущенный юным ловцом когда-то?..

Не выдержала княгиня, подломилась:

– Признаюсь, старче... Нельзя мне из Киева уходить! Кто встретит мужа из похода? Кто обласкает, взор его утешит?.. Знаю – наложница Креслава! Она, злодейка! Молода, красна!.. А я – старуха! С какими думами идти на реку Ра?

– Так я и знал! – сверкнул очами птичий данник. – Ты не хазар боишься. И не пустой престол причина... Запомни: Креслава – плоть земная, ей свой удел. Пусть тешит князя, на то она и наложница. А ты – жена! И рок тебе иной.

– Рок? Мой рок? Ужели час настал?.. Но я стара. – Душа княгини заохолодела от неясной тоски и страха. Рука сама собой потянулась к рубищу – сенные девки одевались краше...

– Давно бы так, – вымолвил старец. – Притомила ты меня, матушка...

– Каков же мой рок? – несмело спросила княгиня. – Ты пришел, чтобы исполнить... Ты знаешь судьбу мою? В чем же суть рока моего?

– Ну уж не мужа тешить, – хмыкнул Гой и, помедлив, добавил: – А княжий род продлить... Иль не жена ты князю?

– Что изрек ты, старче?! – вскричала и взмолилась княгиня. – Не ослышалась я?! Мне княжий род продлить?!

– Тебе, тетеря глухая, – проворчал птичий данник. – Не ты ли жаждала зачать наследника? Не ты ли зывала о сем ко всем богам и всем кумирам жертвы возносила?.. Теперь же эвон что слышу – минули веки Рода! Без веры богов тревожила, без сердца требы возносила...

– Без веры! – искренне призналась княгиня, стараясь схватить руку старца. – Потому и отрунула! Сколько же можно просить богов о чаде?

– Вот и дождалась, – сказал Гой. – Жребий пал на тебя.

– Да поздно! Поздно! – закричала она. – Я стара! И чрево мое – пусто! Неполадородно!

– Исполнишь веры, – строго вымолвил старец. – Чем старше мед, тем и хмельней, сие давно известно. И всяк ручей иссохший весной водой наполнится и загремит... Возьми свой посох и ступай за мной.

Боязливой рукой она коснулась посоха.

– Неужто вещий сон – знак продления рода? И посох мне явился...

– Не ведаю и ведать не желаю, – проворчал Гой, доставая из котомки железный пояс. – Я всего лишь Гой и птичий данник. Мне Вещий князь не открывал суть вещей откровений... Своих забот полно! Эвон вся русская земля хлябью стала, птицы небесные вязнут. Мое дело – увязших на крыло поднять... Подойди-ка ко мне, гусыня старая!

Княгиня, ликуя и страшась, ступила к старцу, и тот ловкой рукой опоясал чресла княгини железным поясом и не велел снимать.

Сей запрет означал, что отныне чрево княгини Ольги принадлежит только богу Роду, коего теперь в Руси называли – дедушка Дажьбог.

И священную реку Света, Великую реку Ра теперь именовали – Волга, что значило лишь бегущую воду, то бишь ничего не значило...

Хоть видом стар был птичий данник, но скор на ногу и проворен. Вел он княгиню через Киев неведомым путем – через окно, собачьими ходами, сквозь клуны и хлевы: хотел миновать чужого глаза. Не заметила она, как оказалась в чистом поле, за городской стеной, на берегу Днепра. Здесь Гой по-птичьи свистнул, потом соловьем залился и наконец заскрипел дергачом. Из раkitника прибрежного кони явились, убранство чудное: седла пуховые, потники из павьих хвостов сотканы, а вместо грив – крылья птичьи.

– Чудные кони! – только и молвила княгиня.

Старец посадил в седло и за бока не преминул ущипнуть.

– Какие есть! Других не припасли.

И мчались эти кони, ровно птицы, едва легкими копытами земли касались, но Гой все одно нахлестывал их перовой плетью и оком соколиным в небо косился, ровно кого-то поджидал... Весь день и ночь напролет скакали они с холма на холм, от излучины речной да к омуту, от омута – к порогу. А то вдруг кони взмывали над водой и воздухом летели – захватывало душу! По лесной же стороне неслись меж дерев, ровно зайцы – ни веточки не шелохнули. Сторожкие оленицы лишь очи пучили, вздрагивая не от топота копыт, а оттого, что вылизанные олени бодали вымя, приложившись к сосцам.

К утру лишь притомились сии кони, да на пути уж восстал богатый боярский двор – величавый терем о множестве окон, и все на воду глядят. Не знала княгиня, чей это дворец такой есть в ее княжестве, и потому спросила Гоя. Тот же махнул пером:

– Моя избушка! Эвон, покосилась, скривилась вся... Да я ведь и не князь, а птичий данник, мне и косой довольно!

Гой соскочил с коня, забывши о княгине, стремглав бросился на двор и давай с овина снопы снимать да молотить зерно и рассыпать его всюду. Едва петух крикнул и солнце взошло – весь двор и красное крыльцо, и даже гульбище с сенями было осыпано хлебом.

– Ты что же творишь, старче? – подивилась княгиня. – Зачем рожь посеял там, где не пахнут?

– Не сею я, а дань плачу, – ответствовал старик, выжимая пропотевшую рубаху. – Господ своих жду, вот-вот явятся, а у меня с осени недоимки.

– Чудно здесь все... Не свично, как во сне. Эй, старче, где ныне я? Сдается, не на земле...

– Се верно, – подтвердил старик, занимаясь делом. – Ты сейчас куда меж небом и землей. То бишь нигде. Сказать, ты примерла – не правда, но и живой назвать нельзя.

Тут в небе послышался далекий лебединый крик, и Гой, отбросив цеп, достал снопы заветные – весь колос золотой! – околотил их о колоду и околотью той наполнил деревянную чашу. Потом в терем кинулся, принес полотенце расшитое и с чашей встал под небом.

– В сей миг, светлейшие! Добро пожаловать! Пospel, все обрядил по чину. Уж не судите строго!

И зоревое небо в тот же час украсилось высоким лебединым клином. Гой шапку прочь и трижды поклонился земным поклоном. Лебеди вычертили над двором светлый круг и опустились на землю. Пернатый сей народ вмиг заполнил все пространство окрест, а птичий данник предстал перед лебединым князем и, кланяясь, подал ему чашу с золотым зерном:

– Отведай, господин! Откушай, князь светлейший! И дань возьми, как прежде брал: от колоска по зернышку, по горсти от снопа. А боле уж не дам, не обессудь!

Лебединый князь поклонился Гою и не спеша вкусил зерна – всего и клюнул раз, но доволен остался, взбил крылами и словом птичьим возвестил свой народ, что можно дань имать.

Лебеди стали склевывать рожь и кланяться Гою, мол, век тебе здравствовать. Пусть не скудеет твоя нива.

– Ну и чудно! – иного слова княгиня сыскать была не в силах. – Невиданно, чтоб птицам дань давали...

– Заладила! Чудно, чудно... – заворчал старец. – Живешь в Руси уж столько лет и не видала. Пора бы очи-то открыть! Ужель ты мыслишь, что мир таков, каким ты его зришь? А он есть и такой! Сущий в ином виде на одном и том же месте. Не править миром след, а в него вживаться. Тогда и не покажется чудно... Мне недосуг! Жди меня, да рот-то закрой. Лучше отверзни очи шире.

Тут птичий данник чинно удалился и с почтением ко князю лебединому обратился:

– Не возьмешь ли с собой, господин, женку-княгиню? Уж она тиха да скромна невиданно, не обременит ни тебя, ни стаю твою. Ей вскорости надобно пред Великим волхвом предстать. А путь к нему токмо тобой и знаем.

Князь гордо держал свою голову и помалкивал. И тогда старец угождать ему словом стал, хвалить-нахвалять:

– Ты, батюшко, летая над землей, соединяешь то, что вовек не соединится – две Великих реки! Ты Свет по земле разносишь, чтоб во Вселенной было вровень Света: несешь его на Север, а с Севера – на Юг. Так пусть жена сия пойдет с тобой по Пути твоему. Облаготворишь человецье племя, что тебе стоит? Жене сей надобно наследника зачать. Престол-то русский может опустеть... Возьми уж, господин. Сам бы свел, да крыльев нету, и Путь твой Птичий мне неведом.

Кивнул нехотя владыка лебединый, – дескать, так тому и быть, возьму, – отчего птичий данник просиял и вывел из конюшни своей трех вороных жеребцов с огненными копытами: один под седлом, два подводных, – и велел княгине скакать за лебединым клином. Да так, чтоб не отстать, не потерять из виду, поскольку князь пернатый уж больно строптив и невесел – в великой печали возвращается к родным местам. Потерял он жену свою, княгиню в битве с хазарками над устьем реки Ра, и быть ему теперь вдовцом до следующей весны.

Лишь белые птицы простились с Гоем и взмыли в небо, княгиня на коня вскочила, но птичий данник взял под уздцы и глянул соколом.

– Езжай, Дарина! Мы свидимся еще.

И плетью нахлестал коня.

Понес ее вороной с холма на холм, сигая через реки малые, прорывая поля широкие и леса темные, а всадница того и не ведала, ибо не могла отвести взора от птичьего пути. В руке держала не ременную плетью, но медный посох с золоченой змеей, да им же и резвила коня. А в мыслях токмо одно: откуда сему старцу известно ее имя? Ведь и сама почти забыла, что звалась Дариной...

Не зрела она и того, как ветер встречный выглаживал морщины, складки на властном лице и как отведал седые пряди из густых косм да сдувал медную зелень с посоха, роняя эту пыль на землю и деревья. А следом всходили травы, кроны распускались, от серебристых волос ковыль степной седел и воды морщились на речных плесах.

Так минул день, другой; на третий конь вороной под княгиней истер об оземь свои огненные копыта и пал замертво. Да тут же обратился в искристый шар, что летают над землей в грозовую пору, унеся к облакам... Но лебеди все мчались и мчались без усталости: верно, крылья их были крепче конских жил и порезвей огня. Переседлала княгиня второго коня, однако день минул, и этот конь сжег копыта свои, потом и третий скользнул в тучи шаровой молнией.

И побрела княгиня пешей, едва волоча тяжелый посох. Клинок лебединый давно исчез из виду, и лишь призывный клик их указывал путь. Но скоро и он пропал: слушай, не слушай – лишь птицы малые щебечут. Было уж отчаялась княгиня, заматалась, закружилась меж холмов и тут узрела перышко, лебедем обрonnenное, а за ним – другое, третье – так по белым меткам

и угадывала путь. Долго она шла – посох на вершок истерся, прежде чем оказалась на берегу морском.

У воды взволнованной увидела она чудные хоромы: стены все из резного узора – рыбы да птицы меж собой переплелись, а кровля из чешуи золотой и серебряной. Под самыми стенами зыбились на волнах лебеди белые и дань имали, на сей раз рыбой. В белой лодке, космы распустив, старуха стояла и бросала птицам мелкую рыбешку. По виду да по одежде – сама княгиня: плащ синий в серебре, сапожки чешуйчатые посверкивают, запястья рук же व्यюнами золотыми окружены. Давала старуха дань, однако при этом переругивалась с лебединым князем, с обидой говорила:

– Мне токмо и дел – возить княгинь через моря!.. Своих хлопот не счесть. Вода открылась, пора пахать да икру метать. Вот ежели отсеюсь рано, тогда и свезу. А так, и весла не подыму!

Князь лебединый и строжился, и покрикивал, и крылом бил, волнуя воды – старуха на своем стояла:

– Эка невидаль – княгиня! Я и сама не из простых. Мой батюшка – царь морской. Знать, я царица по наследству. А кто она, твоя княгиня? Отец ее, изгой, в Плескове перевоз держал. Мне все известно! Не Вещий Гой, так кто б она была?.. Сия княгиня с малолетства к веслу приучена, так пусть сама плывет. А лодию я дам...

Разгневался на старуху птичий князь, на берег взошел и, шею вытянув, забил крылами. А данница птичья не сробела и, гребни прихватив, вышла на поединок. Стали они биться – берег морской чешуей покрылся и пухом. Лебедь дрался крыльями да клювом, старуха веслами, будто крыльями, и долго они не могли одолеть друг друга. Наконец лебединый князь изловчился и сшиб старуху наземь, вскочил на грудь и покрыл ее крылами.

– Твоя взяла, веревочная шея, – сдалась старуха. – Свезу уж княгиню...

Покуда лебеди имали дань плотвичкой да корюшкой мелкой, их данница сеть выметала в море и поймала рыбину большую – белугу. Запрягла ее в ладью – дуга с бубенцами, хомут, седелка, только вожжей нет, – княгиню усадила и понужнула рыбину:

– Поехали, матушка! Н-но!

Белуга хвостом ударила, заревела истошно и помчала ладью по волнам. Лебеди же поднялись в небо и потянули за море, а старуха норовит вперед их поспеть, грозит кулаком птицам и рыбу острой покалывает, подгоняет:

– Н-но, н-но, родимая! Вынеси! Уж вот я покажу тебе, веревочная шея, кто скорей за море улетит!

Княгиня прилегла на дно ладьи, укрылась кожушком из рыбьей кожи и заснула: укачала зыбь, заворочил бубенчик под дугой. Но когда очнулась – ночь кругом, ни моря, ни звезд на небе, и клина лебединого не видно. Бежит ладья посуху, белуга ревет, скачет по земле с боку на бок.

– Где же мы? – спросила княгиня.

– А волок, матушка, волок, спи давай! – старуха погоняла рыбу. – Чем дольше сон – путь короче.

Не заметила княгиня лукавого старушечьего глаза, поддалась искусу, перевернулась на другой бок и вновь заснула. Пробудившись же на заре, увидела она, как бушует вокруг лодии стихия морская, волны горой ходят, темная пучина, ровно пропасти. В небе тучи черные, от лебедей ни звука, ни перышка.

– Верно ли плывем? – испугалась княгиня. – Не сбились ли с пути птичьего?

– А разве не видать лебедей-то? – беззаботно спросила старуха.

– Не видать! Буря черная кругом!

– Знамо, обогнали мы шею веревочную! – похвасталась птичья данница. – Передом идем! Н-но!

– Знаешь ли дорогу? – засомневалась княгиня. – В такую непогоду не летают птицы!
– Где им летать? – засмеялась царица вод. – Одной мне и можно по бурному окияну плыть!

– Стой, старуха! – велела княгиня. – Не поплывем далее, покуда птиц не увидим. Нам след лебединого Пути держаться!

– А где он, Путь-то сей? Кто его знает?

– Куда же мы плывем?!

– Известно куда – за море! Н-но, тyani, родимая! Ох и любо мне на волнах покачаться!

Княгиня ударила посохом да пробила днище ладьи, вода потекла.

– Останови ладью! На берег возвращайся!

– Ты больно-то не постукивай тут! – возмутилась старуха. – Ладья и так ветшала. Ишь, госпожа какая! На слуг своих стучи, а на меня не смей!

– Всяк, кто в моих землях живет, – слуга мне! – заявила княгиня. – Делай, что велено!

– А я не в землях живу – в море! – старуха засмеялась. – И ты мне не указ!

– Что в землях, что в морях – все одно на Руси! А я – Великая княгиня!

Старуха острогу бросила, засмеялась так, что с плаща ее синего чешуя посыпалась. А белуга тем часом закружила по волнам, то ли играя, то ли тоже смеялась.

– Великая?! – стонала птичья данница, царица вод. – Се ты – Великая? Ох, умру!.. Да ты жена безмудрая! В Руси живем, то правда, но токмо не подвластны вам, Великим! Мы ж Гои, владычица земель! И сами по себе давно живем. Мы есть, и нас вроде бы нет! Какое дело князьям до нас? Слепые же, не зрят! И вспоминают, когда тошно станет и не способно править далее. К слову, как тебе сейчас. Наследника-то нет! А где возьмешь, коли отвергли Рода и не рожают, как прежде. Бог не дает дитя! Чего ему давать? Кому? Кто говорит, что бога нет? Да ты хоть поняла, где ныне существуешь?

– Меж небом и землей! – княгиня возмутилась. – Ты бы гребла, а не учила! Эвон волны бьют! Возьми кормило! Ведь опрокинет нас! Инно вот я тебя!.. Да знаешь ты, куда везешь меня? А ежели утопишь?!

– Полно лютовать-то, матушка, на, черпай воду, – сказала со вздохом старуха и ковшик подала. – Не то и впрямь потонем... Знаю я, куда ты и зачем помчалась по Птичьему Пути. Так не выжигай чрево свое злобой, иначе не зачать тебе наследника и под чарами Великого волхва. Вот уж тогда горе будет на Руси!

Оборот такой словно подломил княгиню; взяла она ковш, стала черпать, а старуха вдруг призналась:

– Не обессудь уж, княгиня, пытала я тебя. Урок такой мне даден был... И зрю теперь, ослепла ты, матушка. Не только молодость как солнце закатилась, но взор померк. Ты власть познала, а вся прочая мудрость сквозь пальцы утекла.

– Ослепла я? – Княгиня огляделась. – Да нет же, вижу: море бурное и тьма на небе...

– Была бы зряча, грозить не стала – сама б позрела Птичий Путь. Да и нужды бы не было ступать на тропу Траяна. – Старуха понужнула белугу. – Ох, власть земная! Все очи выела тебе... коль темнота в глазах и море чудится рекой, а речка – окияном. Позри окрест себя! Я ж очи отвела тебе!..

В тот миг увидела княгиня – ладья бежит по волнам вслед за лебединым клином, небо чистое, высокое, и не море бурное окрест, а речка едва лишь рябит под ветерком, и вода светлая, солнечная – каждый камешек на дне сияет.

– Незряча, матушка, незряча, – старуха горевала. – И что в мире творится? В который раз светлейшие князья приходят на Русь править, а минет срок короткий, глядишь, и взор померк. Свет угасает... Кто гасит свет в князьях? Ты же княгиня, просвещена была. Признала я тебя, как увидела. Водил тебя Вещий князь сиим Путем. И на тропу Траяна ты ступала вкупе с ним. А сколько теперь дорог-путей знаешь небесных? Два только: Млечный, коим с небес сошла, да

Последний, которым отправишься, когда час пробьет. Третий-то Путь, который между ними, тебе уж и неведом, и не зрим. Тропы земные прелестней стали, чем тропа Траяна... Ужели власть – такая заразная хворь, что способна и Свет разить? Пустая моя головушка, седьмой век живу на Птичьем Пути, а ума не набралась. Внять не могу, отчего в князьях ни Свету нет, ни памяти – беспутство лютое творится. На что уж князь Олег! Был Вещим Гоем, а мир покинул как дурак. Ему-то ведома была тропа Траяна. Нет Русь по ней вести, а он изрочился и стал судьбу пытаться... Владычество и власть – стезя худая, коль Вещего князя на земные пути свела. Чего вы ищите на этой стезе? Богатства и утехы? Чести и славы? Да ведь на небесной тропе сего добра довольно каждому. И труда-то нет – нагнись и подыми... Теперь уж Олега не спросить, так я тебя спрошу: как же утратила ты дух просвещения, матушка-княгиня?

– А боги постарели, – призналась она. – Коль Род стал дедушкой, Дажьбогом, то силу свою утратил. Перун по нраву мне. Он молод, громовержец, и удал. И зрим, когда гневится в небе. А Род – где он? В чем суть его? Незрим, как и тропа Траяна. И потому ступать по ней мудрено и хлопотно. Земли не видно под ногою и крикнуть хочется: «Где я стою? Где я?» А крикни, так народ услышит, бояре возмутятся... Пристало ли князьям вести за собой Русь Тресветлую неведомо куда?

– Зришь ли, матушка, где ныне стоишь? – спросила старуха. – На каком Пути?

– Места я узнаю, – огляделась княгиня. – Должно быть, плывем мы по реке Ра к истоку...

– Беда, беда, – простонала старуха, погоняя белугу. – И тяжело же бродить в потемках.

Вот от того и бьете лбы!.. Да ты же на тропе Траяна! Вот темнота! Вот чудь слепая! Ужель не чувствуешь: под тобой не хлябь земная, а твердь небесная?.. Н-но, н-но, белуга! Чего зря реветь? Наддай, уж так и быть, свезем княгиню в Храм. Авось прозреет...

3

Между тем путь по тропе Траяна продолжался и был нескончаем. Он был и короток и долог, ибо всяк, кто вставал на него, одолевал Пространства ровно столько, сколько мог или должен был одолеть. И ни шагу более. Путь этот был им легок и тяжел одновременно, потому как проходил через жизнь между началом ее и концом, а значит, связан был с земным путем, и персть земная отягощала ноги. Зато не нужно было на тропе Траяна искать бродов, долин меж неприступными горами и прямиц – всего того, от чего страдал и к чему привык человек, ступая по земле.

Одним лишь птицам был ведом сей Путь без всякого труда, науки, просвещения, ибо они носили на своих крыльях Свет.

Чем ближе был исток священной реки Ра, тем скорее разреживался клин лебединый. Птицы разбивались по парам, прощались с князем до осени и опускались на светлые воды. Так незаметно разлетелся клин по заветным местам, по заводям да плесам, и только оставшийся без пары птичий князь еще долго летел в одиночку, указывая путь, да и он скоро притомился, сел на воду и поплыл рекой.

Тут вдруг посередине реки очутилась телега, завязшая между берегов. Тщедушный конек рвал постромки среди буйных струй, а три молодца, три развеселых Гоя, стояли подле и смеялись, хлопая себя по ляжкам. Между тем запруженная Ра взметнулась выше берегов, потоки выплескивались на сушу.

– Эй, Гои! – крикнула старуха. – Ах, недоумки! Зачем Путь заслонили? Отворите немедля!

– Да рады бы! – еще шибче засмеялись те. – Телега вот застряла. Мы ни при чем!

– Да вы же реку запрудили!

– Нешто беда великая? Пусть дух переведет. Ей эвон сколь бежать еще – до самого Хвалынского моря!

– Ох злодеи, ох балбесы! – разохалась старуха. – С рекою вкупе вы прервали Время! Вспять его обратили! Ужель и вы ослепли?

– Вот горе – вспять обратили Время! – захохотали Гои. – Ну и пускай потечет назад. Вот уж смеху будет! Ложишься спать сегодня – просыпаешься вчера!

И «ха-ха-ха» да «ха-ха-ха...».

– Я вам сейчас задам! – застрожилась старуха и замахнулась древком остроги. – Долой телегу с брода!

Молодцы затылки почесали.

– Мы и не прочь. Да руки все изрезаны! И занозились – страсть!

При сем они потянули к старухе перевязанные тряпицами ладони.

– Где ж так изъязвились?

– Кикимору ловили!

– Неужто и поймали?

– Эвон, на телеге! Под рогожкой!

Старуха сдернула рогожку с воза – Кикимора вскочила на ноги, стрельнула шальным красным оком, видать, утечь хотела, но старуху увидела, съежилась. И лик ее белый, непокорный, и червленые космы до самых пят – все позеленело от страха. В ноги повалилась:

– Владычица! Помилуй!

– Почто сбежала от меня? – сурово спросила старуха. – Или не справедлива я? Уроком непосильным обременила?

– Прости, благодетельница! – взывала Кикимора. – Ей-ей, не повторится! Чтоб мне воды не зреть! Чтоб на коряге удавиться! Возьми назад! Не дай Гоям потешаться надо мной!

– А ежели лукавишь?

– Ни-ни!

– Ну, гляди, – сдобрилась старуха. – Нарушишь слово – отдам тебя земным князьям. У них там в Киеве одна забава есть – диковинным гостям заморским показывать все наши чудеса. Пусть выставят на позор тебя!

Тут Гои уже возмутились и закричали наперебой:

– Строга ты, владычица! И коварна! Мы не позволим, чтобы послы заморские смеялись и тешились над девай. Она – полонянка наша! А ну кто из нас захочет жениться? Хотя она и колется, и длани режет, как осока, да все жена.

– А ну-ка, не перечить мне! – отрезала старуха. – Кикимора сия служанкой мне была, одежды по утрам подавала во дворце.

– Была служанкой, да нынче нашей добычей стала! – снова развеселились Гои. – Ты хоть и царствуешь над водами по Птичьему Пути и мы твои холопы, но все одно: добыча есть добыча. Отнимешь – Совесть тебя съест.

Кикимора потупилась и молчала – кроткая девица...

– Так давайте торговаться, – решила владычица вод. – Что просите? По горсти чешуи на брата?

– Ха! Чешуи! – захохотали Гои. – За девицу шальную поболее возьмем. Хорош товар, и серебро не в счет.

– Чем же возьмете, златом?

– На что нам злато? За деву красную отдай нам эту жену! – одновременно указали они пальцами на княгиню.

– Ишь, замахнулись! – рассердилась старуха. – Жена сия – Великая княгиня!

– Да знаем! Как не знать! – загоготали молодцы. – Потому и просим. Она хоть и земная, и нороров спесива, да и стара, но хоть рук не занозит, когда обнимешь – гладкая!

– Право, не знаю, – задумалась владычица вод. – И Кикимору жалко вам оставлять, и за княгиню спросят, коли променяю...

– Кто спросит-то? Да ну! Таких княгинь хоть пруд пруди – хороших мало.

– Да жребий пал на нее, – сильно сомневалась старуха, – велено в Чертоги доставить. Валдай мне знак дал...

– Набрешешь что-нибудь, – посоветовали Гои. – В воде утопла или примерла за древностью лет. Да мало ли чего! Кикимора дороже!

Прозрев на такой торг и речи послушав, княгиня было возмутилась, да, спохватившись, вспомнила, что величество ее и власть, могущество и воля – все пустое на тропе Траяна. И вкусивши беспомощности своей, она жалобно зашептала старухе:

– Не забыла ли, бабушка? Я жаждала дитя зачать, наследника престола... Отдашь меня, я князя не рожу. Кто станет Русью править?

– В том и беда, – вымолвила старуха озабоченно. – Так бы-то обменяла. Кикимора лукава, да уж сжилась я с ней, – она вздохнула и сказала Гоям: – Не дам княгиню, не просите. Рок ей дитя родить, светлейшего земного князя.

– Слыхали мы про то, – согласились Гои. – Стезя достойная. А то молва идет, она все править норовит, людьми повелевать, суды рядить... Пускай уж родит. Но за Кикимору-то что положишь? Дай по запястью?

Старуха проворно спрятала в рукава свои запястья – живых золотых вьюнов.

– Не так вы простодушны, хитрецы! Прознали тайну запястий, остроухие!

– Не прознали! – стали клясться Гои. – Никому и неведомо, что вьюны твои – знак владения водой и подводным царством! Откуда нам сие знать? От роду темные, неумытые, ума – ни на грош и служим твоими холопами!

– От вас ничего не утаишь, всюду свой нос суετε... Добро, рыбу возьмите мою!

У Гоев затылки зачесались.

– Белугу, что ли? Рыбешку эту?.. Маловато, Кикимору даем, товар хоть и лукавый, да стоящий! Набрось чего-нибудь!

– Возьмите с упряжью.

– Дугу отдашь?

– Отдам, – стала уступчивой старуха.

– И бубенцы?!

– Ляд с вами, и бубенцы...

– Тогда и по рукам! – возликовали Гои.

В тот же час они выпрягли рыбину из ладьи и пристегнули на постромки к своей телеге. И было ехать хотели, да старуха повелела:

– А ну-ка истопите баню! Для нас с княгиней. Не пристало вводить в Чертоги немытых старых жен...

– Уж верно, не пристало! – гаркнули холопы. – Истопим баню! Так истопим – небу станет жарко.

Сели Гои в свою телегу и помчались не сушей и не рекой, а между ними, так что земная и водяная пыль всклубилась и воссияла радуга.

– Ты же бери постромку, – приказала старуха Кикиморе. – Впрягайся в лодию. А космы свои дай, я ими править буду. Позрю: не обманула ли на сей раз? От страха ко мне назад попросилась или по совести.

Покуда шальная дева рвала постромки, поспешая за лебедем, холопы расторопные топили баню на сумежье старухиных владений. С виду банька была неказистой, но горделивой, ибо стояла у самой воды священной реки. В том месте Вещая река так истончилась, что и перешагнуть можно, однако, будучи ручьем, она хранила величие, печать судьбы, как грудничок – младенец, который хоть и мал, и слаб, но в образе человеческого. Топили баньку поначалу дубовыми дровами, затем березой, смолистой елью, вязом, яблоней, а жар и дух ядреный добивали корой, сосновой шишкой и можжевельником. И камни в каменке – изумруды да сапфиры – так раскалились и отдавали зной, что стены затрещали и кровля земляная едва не поднялась.

– Должно мне испытать, – решила старуха. – А то на вас никакой надежды, лентяи вы эдакие.

– От души старались! – не согласились Гои. – Небось, княгиню парить станешь!

Зачерпнула старуха двуручный ковш из Великой реки да опрокинула на камни. Гром загрохотал в поднебесье, птицы враз смолкли, с дерев листва осыпалась.

– Беда мне с вами, – заохала старуха. – Ведь чую: разрыв-травы не сыпали в огонь, а шишки брали от сосен болотных и одолень-траву заваривали прошлогодним снегом.

– Ни, владычица! Сотворили баньку как для себя! – не согласились Гои. – А шишки... Есть вина. Зато мертвящей драни подбросили уж вдосталь! И семь кадушек натаскали живой воды!

– Уж ладно... Ступайте прочь! – Старуха пригрозила пальцем: – Не вздумайте подглядывать в окно! Я вас знаю!..

– Чего глядеть-то? – лукаво заобижались Гои. – Княгинь мы повидали. Была бы помоложе...

Они сейчас же достали из воды рыбу-белугу и стали точить ножики. Рыба заревела, подпрыгнула на берегу и вдруг нырнула в Великую реку. Молодцы закричали, заухали и бросились ловить.

Старуха же повела княгиню в баню. Вместе с Кикиморой сняли они рубище, кокошник, бросили все в огонь, затем облили студеной водой и лишь после этого ввели под знойный кров. Там уложили княгиню на дубовый полук и поднесли настой из трав. Выпила она, и банный жар вихрем ворвался внутрь и опалил, омертвил душу. Незнаемая тяжесть одолела плоть, томящая

боль вонзилась в кости и жилы, закружилась голова. Еще бы миг, и осталась от княгини кучка золы, однако старуха окропила ее смердящей водой и вернула к жизни.

– Стара ты, матушка, стара, – проворчала она. – Дажьбожья суть в твоей сути омертвела...

Княгиня вдруг голос свой услышала будто со стороны – незнакомый, старческий, скрипучий и непривычно умоляющий:

– Царица Водных Путей! Старушка преблагая! Оживи мою суть, хочу жизнь дать! Верни мне молодость и силу!

– Ой, не знаю, княгиня, – затосковала старуха. – Хватит ли чар моих?.. Ты ведь никогда не давала жизней, а токмо отнимала их, если что не по твоему нраву. Огонь в тебе померк, от коего жизнь возгорает и чадо зачинается...

– Коль не зачну – муж мой, Игорь, меня не примет более, – пожаловалась. – С Креславой станет тешиться, со своей наложницей. А если она зачнет и родит наследника – смерть мне.

Старуха зелье бросила на камни – веселящий дух возреял над полком.

– Нет уж, уволь, не под силу мне огня того возжечь. На пути я стою, вода – моя стихия, а она с огнем не ладит.

– Кто же пробудит чадородие?

– Владыка Род. Коли есть воля княжий род продлить от твоей плоти, он и продлит...

Тут она замешкалась, потом услала Кикимору с ведром на реку и склонилась к княгине.

– При ней что сказать – по всему свету разнесет. А про то, что ты дитя зачнешь – никто знать не должен. Не то изрочат младенца еще в утробе... Утешься, матушка, живо твое чрево, и силы в нем довольно, и огня. Твой сеятель – Великий князь, худое семя сеял. Не зерна – плевела... Как ниву ни возделывай – прорасти и вызреть нечему было. А то б наложница Креслава давно зачала...

– Суть животворная жива?! – слабо возликовала княгиня. – Знать, я...

– Молчи! – суровым шепотом оборвала старуха. – Кто тушит Свет в князьях, не ведает о том. А прознает – лишишься ты младенца, престол – наследника и вся Русь Тресветлая – своего рока. И о семени худом – молчи...

В тот миг вбежала с водой Кикимора, закричала нарочито плаксиво:

– Лебединый князь меня всю исщипал! Склонилась воды зачерпнуть, а он меня...

– Запарь-ка веник со скрипун-травой! – строго велела старуха. – Исщипал!.. Чего же ты довольная прибежала?

Плеснула она на каменку грозного кипятка, а запястья свои – живых выюнов – сняла и пустила в лохань с водой, чтоб жаром не обожгло. Потом мелкой крапивой осыпала княгиню и веником лютым из скрипучих трав стала парить. Душа у княгини зашлась; почудилось, тело распухает, подобно тесту хлебному. Неведомые дрожжи вздымали плоть, и жаркий воздух проник к костям и жилам кровяным. Едва вытерпела княгиня, пока старуха притомилась, попила из ковша и рухнула на лавку:

– Дай дух перевести...

Тем часом Кикимора княгиню укрыла покрывалом, сотканным из горюн-травы, осыпала мхом – льном кукушкиным – и обложила пеной морской. И травы эти, словно губка, впитали в себя и пот, и кровь, и душу. Плоть ровно вспенилась, взбурлила и лежала горой: чудилось, тронь – и потечет как тесто из квашни. Владычица же вод чуть дух перевела, омыла свои ноги в шайке и влезла на полук.

– Пора! Вроде поспела...

И принялась месить княгиню ногами, как глину месят, когда бьют печь. Под пятой ее княгиня лишь стонала, стискивая зубы, и не могла дыхнуть. Старуха промесила тело, а Кикимора тем временем волосы свои связала в веник, макнула в кипяток – так что зеленый дым возреял! – и принялась нахлестывать княгиню.

– Наддай! Наддай! – бодрила ее владычица Путей водных. – Не жалея косм-то, отрастут! Кикиморины волосы иссекали плоть. Дурной, душный воздух вскипал на теле и обращался в дым. Старуха в тот момент готовила какое-то питье – колдовала над травой, бормотала над огнем и сливала их в одну чашу. Плоть княгини уплотнилась, сбилась в тугой жгут, но, бесчувственная, не имела живительных сил, будто земля холодная.

От медных косм Кикиморы одни охвостья...

Потом княгиню осыпали цветами – ромашкой, васильком и буквицей. Перед взором своим она позрела пчелку, что ползла в цветах и сбивала ножками пыльцу с тычинок. И разум медленно сузился, сжался вместе со взором, и огромный мир стал размером с цветок.

И так стоял невесть какое время...

И минул прежде век – пришла в себя княгиня.

Лежала она на ложе, устланном травой. Вниз лицом, раскинув руки, словно забитая птица. Над рекою Ра сияла радуга, и не роса была на травах – се дождь промчался над землей!

В небе же, выше радуги, кружил одинокий сокол...

Княгиня встала на ноги и обнаружила, что нет на ней свychных одежд, лишь длинная беленая холстина покрывает тело с головы до ног, ровно детская пеленка. И само тело сделалось невесомым, всякое движение легко, ничего не стесняет: будто она плывет, как рыба в море. Вокруг же – ни души, только птицы поют над головой.

Завороженная таким преображением, княгиня робким шагом пошла к воде, а на берегу уж ни баньки нет, ни старухи с Кикиморой; один лебединый князь, изогнув шею, сидит на воде и играет струями.

Склонилась княгиня к священной реке и замерла. Из светлых вод, как из зеркала, глядел девичий лик...

Как стебель из молодой почки на старом дереве, родился обновленный облик, и пропала неведомо куда давнишняя горечь лет – будто грозовая туча свалилась с небосклона за оком и обнажила солнце. Уж так было приятно любоваться собой, помня о том, что все сие – не сон, не грезы чудные.

Но чары вод реки-зеркала разбил крылами лебединый князь. Кликнул призывно и поплыл противу струй. Княгиня же опомнилась, свой посох подхватила и поспешила берегом за птицей. Река меж тем нырнула под темные лесные своды, и отчего-то птицы смолкли. Лежала под ногами возделанная, но незасеянная нива и дышала по-человечески. Огромные дубы, сосны замшелые казались отлитыми из меди; иные деревья стояли над водой, корнями опираясь, как ногами.

Речка бежала под ними...

Князь лебединый кликал, заманивал княгиню все глубже, глубже в лес. Сквозь кроны деревьев уж и солнце не пробивалось, однако яркий свет от реки Ра был яснее солнечного, и нельзя было определить, утро сейчас, день или глубокая ночь, ибо княгиня шла долго, но свету в сем лесу не убавлялось.

Вот кончилась дерев завеса, и вдруг взметнулся перед взором высочайший холм, обли-тый солнцем со всех сторон. На вершине сего холма стоял Храм – Чертоги Света – причуд-ливый дворец, у коего будто бы есть стены и нет их, ибо сотканы из лучей, переплетенных меж собой. Призрачный и явственный, он мерцал и колебался, словно в мареве, поскольку не на земле стоял, а был подвешен к восьми радугам, скрещенным над главой Чертогов. А выше радуг вздымался белый купол со знаком Света – Рода: блистающая свастика вращалась, подобно крыльям небесной мельницы, и огненные лучи от нее пронизывали высокие, сереб-ристые облака. Свет этот чудесным образом стекал с купола, со стен Храма и, обращаясь в капли сверкающей воды, падал на землю, где собирался в тончайший родничок.

Это и был исток Великой реки Ра.

И нет ни золота, ни серебра, ни камней-самоцветов на сем Храме – лишь токмо Свет.

Княгиня обошла Чертоги вдоль старых замшелых стен, но холм и Храм были неприступны – ни врат, ни дверей. Лишь солнечный исток Ра, сбежав с холма, выбивался сквозь арку в стене – туда-то и нырнул лебединый князь. Княгиня же осталась под стеной в очаровании Света, как и вся природа окрест, не ведающая иной стихии. Делать было нечего, а токмо ступать за лебедем. Коснулась княгиня посохом истока реки Ра – в мгновение истаял посох, ровно свеча восковая, а золотая змейка ожила, бросилась в воду и растворилась. Страх одолев, княгиня вошла в реку и сквозь арку прошла за стену, а там уже встречали ее две девы в радужных одеждах:

– Войди, княгиня, в Храм!

Привратницы сии подставили ладони, и по ним, как по ступеням, княгиня взошла на холм и встала перед дверями Чертогов. Тут одна из дев набросила на голову княгини черный плат и тем самым покрыла очи.

– В сем Храме Изначальный Свет, – сказала тут другая. – Зреть смертному нельзя, инно не захочешь более на землю воротиться...

Под черным платом угас всякий свет и мрак окутал разум...

4

Великий волхв Валдай, жрец Чертогов Света, уж сорок дней стоял перед жертвенником и, воскладывая жертвенные травы, взывал к Роду. Космы света из восьми окон пронизывали Храм и сочетались в круг Времени; в середине круга курилась жертвенная чаша. Дым окрашивал лучи в голубой, зеленый и пурпурный цвета, возносился под купол и вздувал его, как ветер походную вежу. Горек был дым Вечности и смертным выедал глаза.

А волхв Валдай был смертным Гоем...

В жертвеннике тлела трава Забвения. Росла она лишь на тропе Траяна, и всякий, кто ступал на эту тропу, попирает ногами неизвестную травку, не ведая, что попирает Время. Земные внуки Дажьбожьи не знали забвения, ибо Родом завещано лишь век жить на земле – срок очень малый, чтобы годы коротать, забывшись, как во сне. Для бога же дым Времени был услугой, ибо бессмертие – тяжкий груз что на земле, что в небесах. И невозможно нести его, не изведав Забвения.

Смертный жрец Чертогов Света, как всякий Гой, мыслил о земном, но, повинаясь року своему, служил богам и стерег в Храме святыню – Изначальный Свет. Когда же приходил час смерти, плоть волхва воскрешалась на жертвеннике Рода и, обратившись в дым, уносилась в Последний Путь. И оставалось на земле одно имя – Валдай, нетленное и вечное, поскольку всякий даждьбожий внук получал от рождения вместе с именем и рок, начертанный на роду.

«Валдай» на древнем языке народов Ара означало «Дающий поворот».

Исток священной реки сбегал с холма, где прогремела битва Тьмы и Света. Свет одолел супостата и повернул вспять полчища мрака. И с той поры кто бы ни стерег святыню в чертогах Рода, получал это имя.

На сороковой день жертвоприношения Великий волхв Валдай бросил в чашу траву ижицу, бодрящую богов, и тем самым словно вызов бросил. Разверзся купол Храма, и космы света, с небес павшие, окрасились в багряный цвет. Дым втянулся в космос и канул в бездне.

В этот миг остановилось Время...

И голос был с небес, никому не слышимый:

– Зачем ты поднял мои веки?

Не размыкая уст, Валдай промолвил:

– Позри на землю, Владыка людей! Народ, рожденный тобой, вновь прозябает в сумерках. Тьма пожирает Свет. Позри, Владыка! Где твои богатыри дулебы? И поляне чахнут во мраке, вятичи, и радимичи. Тень пала и на северян... Путь Птичий заслонен!

Из космоса дохнуло гневом. Огонь вспыхнул в жертвенной чаше, а космы Света скрутились в тугую бечеву.

– Сие я слышал! Неужто так и не отыскался достойный князь, владеющий мечом?!.. Позор мне, старому. Беспутные чада не дают покоя... Или мне ваши земные дела взвалить на свои плечи?

– Нет, Владыка, не гневись, – проговорил Валдай. – Князья владеют мечами и давно бы извели супостата. Но во тьме живут, и уж не зрят ни тебя, ни врага. Более друг на друга ходят войной. Гордыня губит их, похваляются хитроумием, а сами добродушные и не в силах отделить Правду от Кривды. Давно не ходят они тропами Траяна и потому не ведают Путей небесных. Слепому оку молния видней, и посему князья не тебе требы возносят, а гневу твоему – Перуну. Познавши свет грозы, свет гнева твоего, Свет Изначальный на земле неярким чудится...

– Довольно жалобиться, волхв! – прервал его Владыка. – Последние столетия я только жалобы и слышу от внуков... Пристало ли стонать народу Света, когда приходит Тьма?

– Дай своего сына, чтобы правил на земле! – сказал Великий волхв. – Как некогда Траяна дал.

– Сына? – возмутился Свет в Чертогах. – Моим сынам довольно дел на небе. Сами держите на земле. И не тревожьте понапрасну!

– Владыка! – вскричал Валдай. – Не оставляй же внуков! Не для страстей и мук ты сотворил сие племя и заселил землю – на радость себе и нам, смертным. Так пусть радуются люди! А не страдают в темноте и печали!.. Если не можешь послать к нам сына – научи, как одолеть Тьму, как открыть прерванный Путь!

– Мечом, наместник! Огнем и мечом!

– Но кто поднимет этот меч?

С небес сорвался тяжелый вздох, багряные космы света всколыхнулись и вздули купол Храма.

– Добро... Пусть сына моего зачнет земная женщина. Но будет он смертным! А мне так жаль своих смертных сыновей...

– Сам изберешь жену? – прервал его печаль Валдай. – Или доверишь мне привести в Чертоги сию избранницу?

– Сам!

– Скажи ее имя.

– Она теперь иное носит имя, – помедлив, вымолвил Владыка смертных. – Я изменил ее рок... Однажды встретил на тропе Траяна, венок плела из цвета травы Забвения.

– Я знаю, кто сия жена! – сказал Валдай. – Но она уже стара, не выносить ей плода.

– Добро, верну и молодость, и силу, – пообещал Владыка. – Что будет ей земное время? Пусть только року повинется... До сей поры храню ее венок. Встречай же Рожаниц, наместник!

– Благодарю, тебя, Свет! – воскликнул волхв и бросил в жертвенную чашу траву Забвения. Войдя же в Круг Света, где курился дым, воздел руки к небу, но не поднял очей: смотреть на Изначальный Свет – что смотреть на солнце после долгих лет жизни в темной пещере...

К его рукам по лучам света скользнули с высот две девы – Рожаницы и принесли с собою звездный ветер. Он наполнил Храм, вымел все его углы от пыли Времен и вновь умчался в космос.

Сошелся купол Храма...

Три долгих дня и три ночи была княгиня между небом и землей, лишенная света, покуда через черный, непроглядный плат ей почудился легкий, зоровой отблеск. Осторожный, пугливый рассвет грезился перед очами, и, боясь нарушить его, княгиня затаила дух, всматриваясь в даль. Неверный этот свет ширился, возрастал, словно под черным платом, в очах ее всходило солнце. Когда же совсем стало светло, привиделась ей давно забытая юность. Будто ранним утром идет она тропкой луговой средь благоухания чудных цветов и плетет венок, стряхивая сверкающую росу наземь. А навстречу ей – юноша в белых одеждах, на левом плече сокол сидит, в правой руке – ременная плеть.

– Для кого ты, девица, венок плетешь? – спросил он.

– Для суженого.

– А не знаешь ли ты, какие цветы рвешь в моих владениях?

– Не знаю... – смутилась. – Да чудные цветы!

– Подаришь суженому венок – уйдешь в Забвение, – промолвил юноша. – Забудет он тебя! Но если мне подаришь – дам своего сокола!

– Но кто ты, молодец? – спросила.

– Я – охотник! А сокол мой летает выше звезд, – похвастался он и пустил птицу. Взлетел сокол и умчался в синее небо, так что скоро пропал из виду.

Подала княгиня венок юноше и стала ждать ответного подарка, однако сокола все не было.

– Где же птица твоя?

– погоди, достанет звезды и прилетит к тебе!

Повернулся молодой охотник и пошел не тропой, а по буйным цветущим травам, да тоже вскорости исчез. Подождала княгиня и ни с чем вернулась домой: верно, обманул ловец звезд...

Некоторое время потом вспоминала она и юношу, и сокола его, незаметно и сама пристрастилась к соколиной охоте, а по прошествии лет все стерлось в памяти, как и тропа эта, прозываемая Траяновой.

Будто наяву увидела сейчас эту встречу княгиня, и заныло обманутое сердце. В тот час пришли служанки-привратницы и, не снимая плата с глаз, будто дикую птицу, повели по ступеням вверх. Три тысячи ступеней насчитала княгиня, прежде чем завершился путь. Подобной высоты она не ведала, поэтому сжималось сердце. Тут сняли с очей повязку, но ничего, кроме льющегося со всех сторон света, княгиня не увидела. Меж тем служанки удалились, а вместо них из волн света возникли две девы – юны, легки – едва пола касались. Лучистые одежды из невиданной ткани светились и повивали тела; сквозь них, подобно цветкам, проступали перси и нежные чресла – во всем был знак чадородной силы! На главах же – оленьи рога, опутанные золотой паутиной, в белые косы вплетены радужные ленты. Они были похожи, как две капли воды, их красота и очарование не могли быть смертными, ибо истинная красота всегда бессмертна и неподвластна ни тлену лет, ни пыли Времен, ни когтистой лапе старости, которая пишет на ликах свое имя.

Из волн же света эти девы вывели долбленную лодию, устланную лебединым пухом, словно гнездо птичье. Сняли они с княгини пелену и уложили в эту постель. Одна из дев поднесла рог с золотистым вином, пригубила его княгиня, и закружилась голова, закачалась ладья, словно колыбель. Тотчас же из-под купола чертогов слетел лебединый князь, поклонился девам – Рожаницам, взял бечеву и потянул ладью. Она поплыла по космам света ввысь, и девы с нею: одна – у кормила, другая – у насады.

– Куда же мы плывем? Что за путь такой чудный? – спросила княгиня.

– Путь исполнения желаний, – ответила одна из Рожаниц.

– Исполнятся все самые сокровенные желания! – добавила другая.

Сколь долго они плыли и далеко ли – неведомо: остановилось Время. Но вдруг княгиня узнала место, где очутилась – в отцовском саду, возле родного дома! Сад подступал к реке, и здесь, у самой кручи, накренившись, чуть ли не падая с обрыва, стояла старая яблоня. На самой верхней ветви всякий год созревало единственное яблочко. И достать его нельзя было ни с земли, ни забравшись на дерево. До поздней осени оно висело нетронутым и не падало наземь, как иные. Зимой же прилетали птицы и склевывали заветный плод, который в студень наливался янтарным медом.

В сей час же лебединый князь причалил ладью к яблоньке, и Рожаницы, оставив колыбель, сорвали плод и подали княгине. Желание было таким страстным и давним, что в суете мирской и хлопотах при власти она давно о нем забыла! Княгиня засмеялась от радости и надкусила яблоко.

И наконец отведала то, что вкушали только птицы.

А ладья уже бежала по волнам ковыля, и степь ей чудилась знакомой, хоженной и езженной не раз. Над головою послышался крик Карны – крылатой вездесущей девы, которая на полях брани оплакивает мертвых и закрывает крылами очи. По степным травам же бродила Желя с черным рогом в дланях, полным лютой скорби. Лебединый князь подвернул ладью к заплаканной Желе, и княгиня вкусила горькой скорби – щека ожгла щеку, и в сердце пробудилась месть! В тот миг среди костей конских, травую заросших, увидела она змею. И признала ее:

этим ползучим гадом уязвлен был Вещий Гой! Неведомо откуда в ее деснице оказалась плеть. Ладьи не покидая, княгиня изловчилась и засекала гада!

И это желание свершилось!

А ладья плыла уже дальше, скользила по воздуху, ровно утица. В сердце же княгини пробудилось еще одно желание – отомстить теперь Креславе! Избрав себе наложницу, князь Игорь тешил мысль обрести наследника престола... Не быть же этому! Коль выпал путь – Путь исполнения желаний, так пусть же исполнится и это! Смерть от змеи принять – награда, ибо быть отравленной ядом чужой любви, когда молодая наложница тешит мужа, а стареющая жена обречена страдать перед дверью их покоев, слушать ласковые речи из мерзких уст соперницы и яд вкушать!.. Смерть такая – позор!

– Владыка Род! – мысленно зывала княгиня. – Дозволь же исполнить мое желание! Избавиться от позора! Яви мне на этом Пути Креславу!

Но что это? Девы-Рожаницы вдруг опустили ладью и будто камень выронили: полетела она вниз, засвистал ветер в ушах и остановилось сердце. Пропать ли бездонная, преисподняя ли?! Лебединый князь выпустил бечеву и улетел прочь. Одна-одинешенька осталась княгиня в падающей ладье!

Сверзлась ладья с небес и села на речную волну – из огня да в полымя! По реке страшный ветер гуляет, буравит воды, рушатся высокие крутояры, и ни весла, ни кормила. Кипящие струи подхватили невесомую ладью и понесли невесть куда – ни место, ни река невиданы доселе!

И в самый страшный час, когда перед носом ладьи, увенчанной лебединой головой, восстал гремучий порог, пал с неба камнем молодой сокол и сел перед княгиней. В хищном клюве птицы добыча была – благоухающий цветок травы Забвения.

Вмиг улеглась и буря, и вместо порога под ладьей засветился зеркалом тихий плес с кувшинками и лилиями. Предутренний туман окутывал пространство. Вспомнила княгиня, чей это сокол, и возрадовалась: не обманул юный охотник!

– Где же ты летал так долго? – спросила княгиня. – Целая жизнь прошла...

Подал ей сокол цвет травы Забвения и ответил человеческим голосом:

– К звездам я летал, выше звезд. И вот возвратился.

И голос почудился ей знакомым, таким же родным и близким, как зов матери, – затрепетало сердце княгини!

– Ты по-прежнему юна и прекрасна, – печально сказал сокол. – И так же недостижима, как самая высокая звезда. Всю жизнь лететь!

То ли от слов его, то ли от духа травы Забвения опьянела княгиня, а сокол взлетел, ударился о землю и встал в образе ее суженого из той, иной жизни, в которой она носила другое имя, а значит, и рок...

Встав на Путь исполнения желаний, она не помнила уже ни одного сокровенного! И потому всякий поворот на этом Пути заставлял ее врасплох. Сейчас же, любуясь молодым-соколом, вспомнила она свое первое имя – Дарина, а его так и не смогла. Да и было ли оно, имя, если жил он в Плескове сиротой с малых лет, под лодкой на берегу вырос и возмужал. Многие женихи любовались на дочь плесковского перевозчика да ждали, когда подрастет, чтобы поговору похитить ее в купальскую ночь и возжечь с ней священный огонь. Но отец Дарины зрел, какая краса расцвела в доме, потому в строгости держал свою дочь, будто ведал, что рок ей совсем иной – не данный от рождения. А Дарина высмотрела сироту и тоже ждала, когда возмужает он и умчит к брачному огню. И вот уж срок пришел! Дождаться бы только купальской ночи, отворить подклет дома и знак дать возлюбленному.

Да явился тут Вещий князь. Позрел неземную красоту, и стала Дарина собираться в дорогу в канун Купалы. Носила она еще первое имя, и рок был ей соединиться с суженым, и потому, несмотря ни на избрание свое, ни на Вещего Гоя с ретивой стражей, открыла она подклет, откуда был ход в светелку, нарядилась в купальские одежды и до самой зари прождала. Не

было у них сговора, однако чудилось Дарине, как тихо ступает он по саду, крадется от берега к дому. А там – на воду, уж ладья готова, с гребями и ветрилами, чтоб уйти от погони...

Вот костры зажглись по берегам, вот уж огоньки поплыли по воде, венки, купальские одежды. Рассвет пришел, заря в полнеба, солнце встало... Все! Уж поздно ждать! Не судьба возжечь брачный костер...

Сколько ж лет миновало! Сколько ночей купальских пронеслось, как миг один!

И вот явился сокол! Пришел, и был, кажется, юн, как прежде, могуч и светел. Разве что очи сиротские стали печальней, да мягкие уста посуровели...

– Я за тобой пришел! Ты ведь желала, чтобы я похитил тебя? А сегодня – купальская ночь.

– Да поздно, милый! Не то что зрелость – старость пришла...

– Не ведал я, что звезды высоко... Но я достиг самой высокой! Ей имя – Фарро, се путеводная звезда.

– Что проку в том? – печально вымолвила княгиня. – Молодость сквозь пальцы утекла. Я – мужняя жена, Великая княгиня. Да и стара... Но отчего тебя не взяло время? Или твой юный образ – только чары?

И тут увидела княгиня, что лик его юный в старых ранах, словно у бывалого воина.

– Не чары это, а беда моя, – признался сокол. – Кто к звездам поднимался, для того остановилось земное время. Но что мне бессмертье, если нет тебя со мной?

– Кто же ты ныне?

– Птица сокол. И уж не помню, был ли человеком...

– Дай мне перо твоё! – воскликнула княгиня и раскинула руки, как крылья. – Я соколицей стану. Мне любо под твоё крыло!..

Сей сговор слышала вода. Да и она бежала по великому Кругу Путей и ныне живущим не открыла б тайны, поскольку незрим тот Круг!

А в ту купальскую ночь вся Русь была на реках, у воды: жгли огни, пускали с гор огненные свастик, бросали венки в струи и волховали, а молодцы крали своих суженых, чтобы возжечь брачные костры.

И оленицы той ночью безбоязненно выводили своих телят к водопою, птицы в гнездах-зыбках качали птенцов своих, деревья и травы уж отцвели и зачинали плоды: в совокуплении Природа продляла род свой.

Настал черед и людям гнезда строить...

Да в час полуночный, когда разгоревшиеся огни высветили небо, увидела Русь пару летающих соколов. Они кружили над землей, и брачный крик их, припоздалый, понятен людям был. Печалились девицы: коль птицы еще парой летают и гнезда не вили – плохой знак, не встретить этим летом суженого. Однако молодцы сей знак иначе толковали: коль даже соколы в Купалу ищут себе пары, знать, срок и нам пришел!

С полуночи и до зари летали соколы в поднебесье, а на восходе солнца взметнулись к свету и истаяли в лучах. Лишь песня брачная осталась и чудилась весь день.

Но тут и завершился Путь исполнения желаний.

Вкусивши ветра под крылом и твердь небесную, княгиня вновь очутилась в своей ладье, усталой пухом. Скользнув по космам света, ладья внеслась в Чертоги, и над ней склонились девы-Рожаницы. Что же стало с ними?! Две древние старухи предстали перед княгиней! Издрябли уста, провалились и выпвели очи, лик пометила старость.

– Неужели я так долго летала? – спросила она.

– Нет, соколица, ты летала одну купальскую ночь, – ответили Рожаницы. – Да этот срок и есть срок нашей жизни.

– Мне чудилось, вы – бессмертны!

– Отныне ты бессмертна. А наш рок – умирать и воскресать с каждым чадом.

От лучей света они нащипали лучины, зажгли их в жертвенной чаше и сели прясть. Но не кудельку, а паутинки золотистые со своих рогов: каждой Рожанице ее сестра была прялкой. Не веретенца, а лучи в их пальцах кружились и летали по Чертогам, скакали по ступеням вниз и затем бежали к пряхам. И песни колыбельные пели, такие же нежные и длинные, как нити. Потом они взялись ткать: одна челнок пропускала, другая пальцами сбивала ткань – четыре руки парили, словно птицы. Соткав же полотно, старухи-Рожаницы повили княгиню, как младенца, и украсили ладью белыми лилиями и стеблями хмеля. И наконец расчесали княгине космы и заплели такую тугую косу, что нельзя было ни моргнуть, ни прикрыть очей.

В это время и явился перед княгиней Великий волхв Валдай. Не молод и не стар, на темени косма седая свисает к затылку – знак принадлежности к богу Роду. Валдай вынес из Круга света жертвенную чашу, а на ее место поставил ладью с княгиней. И лицо ее забрал серебряным забралом, а вместо кормчего весла установил булатный сияющий меч. Снарядив таким образом ладью, он отправил ее в Путь продления рода.

Княгиня зрела перед собой лишь свой образ, отраженный в зеркальном щите: теперь она была молода и прекрасна, как Рожаницы, словно краса их легла на чело княгини. Она любовалась своей юностью, да скоро заслезились очи, а слезы было не сморгнуть. Сквозь них в светлом серебре забрала она вдруг увидела Купальский брачный огонь!..

И в тот же миг ощутила, как затеплилось под сердцем, как воскрес незримый и неведомый огонь!

Казалось, рядом журчит вода, бушующий речной поток несется вкупе с пламенем! И в каждое мгновение готов залить и захлестнуть робкий огонек свечи...

Слезами заливаясь, не в силах пальцем шевельнуть, княгиня затаила дух, чтоб волю дать огню!..

Да в миг сей вода и пламень бросились друг к другу и схлестнулись!..

Но эти две стихии не погубились в ее чреве, а напротив, родилась третья, имя которой – Человеческая Жизнь.

5

Под куполом Чертогов Рода младенец провозгласил свое явление на свет, и весь мир был извещен его криком: родился светоносный князь.

Голос его, словно ветер буйный, наполнил паруса ладьи и, взметнув ее по космам света, понес по небесам, по Млечному Пути и в единый миг примчал в покой терема на киевских горах. Путь сей стремительный дух захватил, насколько скор был: повитухи-Рожаницы вязали пуповину под светом Храма, а резали ее уже в светлице покоев княжьих.

Пеленою, сотканной в Чертогах, они повили чадо и приложили к материнской перси.

– Вскорми и воспитай младенца, – сказали Рожаницы. – Мы волю брата Рода исполнили, теперь настал твой час выступить в материнский путь. А нам пора назад.

И прямо из светлицы, шагая по лучам солнца, ушли они Млечным Путем туда, откуда приходили.

А крик младенца всполошил весь терем, пробудил Киев, всю Русь на ноги поставил, ибо заря восстала над землей до срока, среди ночи. Взметнулось солнце в северной стороне и долго стояло над окомом, дивя и чаруя народ. На чудо – младенческий голос в теремных покоях – сбежались повитухи, мамы, няньки со всего Киева, бояре думные, купцы, холопы и весь дворовый люд. Княгиня же, спустившись в гридницу с младенцем, явила очам народа их князя. Приникнув к материнской перси, он будто не молоко вкушал, а свет пил, ибо сам светился и взором осмысленным глядел на множество людей.

И челядь княжеская, и бояре, посмотрев на княгиню, изумлены были: преображенная жена, обликом Рожаница, сияла, словно восставшая в Полунощи заря. Вчера еще была в летах, а ныне – молода и лепа, глаз не отвести.

И на руках – дитя! Светлейший князь!

– Эко чудо!

Никто ни на мгновение не усомнился, взирая на княгиню с младенцем, что тут подвох какой или подмена, поскольку все помнили ее молодой и в тот же час признали.

Опомнившись, люди низко кланялись и, радость не тая, бежали из терема, чтобы благую весть развезть по земле.

И вот молва, будто волна морская, вдруг окатила Русь и донеслась во все ее концы. Скоро ко двору пришли князья удельные, волхвы и, дабы утвердить правду и соблюсти русский закон и обычай, младенца-князя лицезрели и провозгласили слово:

– Сей младенец есть муж и есть светлейший князь милостью Владыки Рода!

В мочке уха князя была серьга – знак Рода, сверкающая свастика, подобная той, что вращалась над куполом Чертогов.

Три камня – сути рубины: се символ божьей крови...

Волхвы и чародеи в тот же час увидели колыбель буквицей, окурили двери и окна дымом – от сглаза и изрока. Да заспешили к капищам, чтобы воздать жертвы богу Роду. Бояре же и удельные князья созывали жен, чтобы избрать достойных нянек светлейшему дитяти.

Княгиня с младенцем на короткий миг одна осталась...

Тут и явилась к ней Креслава и, поклонившись князю, стала просить:

– Дозволь мне нянькой быть младенцу! Уберегу его и от лихих людей, и от дурного глаза, от хвори и беды, и чтобы ветер не унес. Взлелею князя, как яблоня свой плод, как медведица пестует медвежонка, вскормлю из клюва в клюв, как птица! Не помни зла и лиха, доверь мне чадо!

Заслонила княгиня младенца, сама, как медведица, взъярилась:

– Не смей приблизиться к дитяти! Ступай прочь! Я родила наследника престола! А ты – пуста! Пуста, как бубен!

Овцой покорной стояла пред ней Креслава. Отликовала! Отлюбила! Отласкала! Вернется князь Игорь из похода – не вспомнит о наложнице, когда позрит на сына и на мать – преображенную, прекрасную княгиню.

И велит прогнать подлую соперницу!

Но ежели не прогонит? Оставит в тереме, в покоях?..

И тут в княгине разыгралась месть лютая. Мысля, что на радостях Игорь простит ей смерть Креславы, дитя не оставляя, княгиня взяла меч, что был кормилом ладьи, и рассекла бы наложницу, как змею в степи, но сильная десница ослабела! Иль меч сей – священный дар волхва Валдая – был откован для князя светоносного, для крепкой десницы мужа и был неподъемен для руки жены?

Иль не поднять булата, имея младенца у груди?..

– Прочь с моего двора! – в отчаянии закричала княгиня. – Чтобы духу твоего в тереме не слышала!

Креслава же и бровью не повела. Только виноватые очи опустила.

– Ушла бы я... Только ты, княгиня, мне не госпожа. А господин мне – Великий князь. Если он пожелает и молвит слово – в сей же час покину и терем, и двор. И мир покину сей. Не обессудь, соперница, мне след князя дожидаться... Уйми гнев свой, послушай меня. Негоже нам сейчас ратиться из-за лады. Не по своей воле мы поделили с тобой и кров, и мужа. Тебя избрал Вещий Олег и в жены отдал князю – меня сам князь избрал... Мы с тобой рок поделили. Так не противься року и теперь поделись со мной радостью. Ты мать светлейшему князю-младенцу; дозвожь же мне всего лишь нянькой ему быть. И мне довольно.

Поняла княгиня, что ни гневом, ни мечом не прогнать Креславу, не избавиться от нее до приезда Игоря с войны.

– Ступай, – сказала она. – Пусть рассудит наш муж и господин. Как пожелает он, так и будет.

Креслава удалилась. Тут же набегали стольники, кравчие, поварихи, захлопотали возле княгини с младенцем, яства понесли. А у княгини в сердце тревога затаилась, будто сверчок. Ни пить, ни есть, ни быть, ни жить! То чудится, наложница в окно смотрит, теща мысль выкрасть младенца, то кажется, открыла потайную дверь, что ведет в мужскую половину терема, и глядит из проема, и мечет завистливые взгляды.

И тогда призвала она Свенальда. Старый наемник изрядно уже послужил русским князьям. Много чего видывал, многих властителей пережил и потому на зов княгини стремглав не помчался. Как захотел, так и явился, и в покоях перед княгиней даже треуха не снял.

– Зачем звала, княгиня? – голос воеводы был медлительным и тягучим, как старая усыхающая смола.

– Слыхал ли, что я родила наследника престола? – спросила она.

– Была весть, – безразлично вымолвил Свенальд.

– Ты слыл всегда верным воеводой. Так сослужи мне службу, как всем князьям служил. Надобно защитить моего младенца, ибо он в будущем – Великий князь.

Старый наемник и оком не повел – то ли слушал, то ли спал, не опуская век. На длинном, иссеченном шрамами и временем лице его не было никаких чувств.

– Есть в тереме наложница Великого князя, Креслава, – зашептала княгиня. – Она замыслила похитить моего младенца! Отыщи ее и тайно умертви. А тело спрячь, чтобы никто его не отыскал. В тереме же повсюду поставь свой караул.

Свенальд молчал, лишь взор его холодный на миг вроде бы ожил, но тут же и угас.

– За службы я воздам, – пообещала княгиня. – Как пожелаешь, имением или златом...

– Я старый ратник, княгиня, – полилась тягуче его речь-смола, – Мне след дозвель мечом и Русь оберегать, покуда Великий князь в походе. А умерщвлять его наложниц я не горазд. Найди кого еще...

Не кланяясь и не прощаясь, он повернулся и стучащей походкой вышел из покоев.

Княгиня крикнула вослед:

– Ужо вот поведаю князю, как ты наследнику служил! Поставь хоть стражу!

– Сына пришлю, – буркнул воевода.

И скоро в терем вторгся Лют Свенальдович со своей братией: рать его была набрана из иноземцев с северных морей да скандинавских гор. Наемники сей же час осадили терем, крикливая речь и брань наполнили палаты; тут пили мед, играли в кости и похвалялись силой. Боясь разгневать стражу, все домочадцы присмирели. И сама княгиня, позрев на караул, при-молкла, заперлась в своих покоях и вместе с няньками всю ночь глаз не сомкнула – скорее бы вернулся князь!

После восхода солнца, в полудреме, пригрезился ей Вещий князь Олег. Склонился он над колыбелью и стал играть на рожке. Да так славно, что сама княгиня заслушалась. Но тут младенец толкнул ее в грудь и сказал :

– Матушка, скорее спроси у Вещего Гоя, как мое имя!

– Дедушка Дажьбог тебе уже дал имя – Святослав, – промолвил Вещий князь. – Проставляй Свет, от коего рожден. И нет на земле у тебя иных дел.

Младенец – а уж будто не младенец, дитя трех лет, рожок к устам своим приставил, да не напев сыграл, а будто витязь протрубил победу на бранном поле. Сей трубный глас вмиг согнал мимолетный сон княгини. Она встряхнулась, бросилась к колыбели: в ней спокойно почивал светлейший князь Святослав, а в изголовье его лежал рожок.

Сон был в руку!

За окном же и в самом деле протрубил боевой рог, послышался стук копыт и ржанье множества коней. Киев всколыхнулся от этих звуков! Не печенег ли?! Княгиня, защищая младенца, схватила меч – дар Валдая, и показался он легоньким, словно перышко, заиграл в руке. Распахнула она дверь – вся стража спит там и сям, Лют Свенальдович с нею...

– Да время ли спать?! – трубою протрубила княгиня. – Эй, стража! Слышу стук копыт и скрип колес! Кто к Киеву идет?!

Покуда сломленная сном стража продираала очи, прибежал верный боярин Претич, на лице его – радость и веселье.

– Ликуй, княгиня! Великий князь вступает в стольный град!

В тот же миг забыла она и о сне своем, и о рожке в колыбели – откуда взялся? Кто принес? С младенцем на руках, обступленная стражей, дворней, княгиня изготовилась встречать. Ворота уж распахнуты настежь, от красного крыльца и до коновязи парчовая дорога выстлана – пожалуй, господин!

Великий князь в окружении бояр и воевод подъехал к терему, спешил и тут потерял властный вид и холодный разум. Устремился было ко княгине, да оцепенел, рукой заслонился.

– Молва донесла – ты родила наследника... Но отчего мне очи режет свет на твоих руках? Будто не сын, а солнце!

– Се сын твой – светоносный князь! – сказала княгиня и подняла младенца. – Прими его! Твои длани сейчас – престол ему!

Великий князь принял сына, приподняв пелену, и лицезрел. Ослепленный и радостный, умылся он слезами.

– Мой сын! – показал дружине наследника. – Позри же, братия! И поклонись ему!

Дружина поклонилась. А князь меж тем вдруг рассмотрел лик княгини и, очарованный, воскликнул:

– Что я вижу? Где прежний облик твой? Ты вновь такая же, как сорок лет назад! Где твои лета?

– А ветром унесло! – рассмеялась прекрасная княгиня. – Вноси же сына в гридницу! Сажай с собою на престол!

Великий князь с княгиней и сыном вошли в престольные палаты и вдруг увидели – черный ворон сидит на престоле! Заорал он мерзким криком, забил крыльями, и тут же младенец проснулся и не заплакал, а издал звучный глас, напоминающий соколиный. Опрокинулся ворон с престола, забился на полу, однако оправился и заревел зверем, защелкал клювом. Князь-младенец шевельнулся, разорвал пеленку и обнажил десницу! Скверная птица забилась в страхе по гриднице, ударилась в окно и умчалась прочь, только слюда осыпалась.

Князь Игорь не изведаль, что это знак, и давай бранить холопьев: мол, пока я был в походе, престол мой вороны обсидели и обмарали пометом. Вот вы как князя ждали! Вот как блюли престол! Вот я вам!

– Напрасна твоя ярость, – остановила его княгиня. – Не виноваты холопы. Это не ворон в гридню прилетал – Тьма грозит твоему престолу и беснуется. Знамение было и знак – не оставлять престола. Послушай мой совет: не ищи теперь ратной славы и чести не ищи в битвах с царями. Стереги Русь – этого довольно будет.

Князь послушал и еще раз подивился:

– Не только обликом, но и разумом ты преобразилась! Была глупа, сварлива и несносна. Я все считал, что Вещий князь надо мною посмеялся, когда тебя привел... А ныне что творится?!.. Послушаю тебя и последую совету. И так скажу: отныне честь моя и слава – это ты, прекрасная жена! И сын, рожденный тобой! Что мне теперь биться с царями и власти искать в чужих землях, когда ничего нет лучше, чем очи твои? Да это сами цари придут и поклонятся мне, прознав о чудесной красоте твоей и о сыне светоносном! Не Русь мне следует стеречь, а тебя, моя царица, да сына – наследника престола!

Послушав речи княжьи, слова, сердце балующие, просияла княгиня: сбылось, свершилось чудо! Не позреть теперь Креславе ладу!.. Однако воистину была мудра и о своем желании смерти наложницы не сказала.

Затем был пир – трещали столы, рекой меды текли и заморские вина, гусяры играли, сменяя друг друга, пели славу Великому князю да преображенной княгине. И сыну их светоносному! На утро вдохновленный князь учинил медвежью потеху – сам вышел с рогатиной супротив зверя и одолел косматого! Когда шкуру сняли, бросил ее князь к ногам княгини.

– Не славы ради, а во имя тебя! – И словно сам помолодел – развернулись плечи, выгладилось лицо и тоска бесчадия истаяла в глазах.

– Князь мой, князюшка, – ласкалась княгиня к младенцу, проявляя сдержанность на людях. – Вернул ты мне молодость и славу! Любовь лады вернул.

Каждое утро на заре весь Киев – Дажьдбожьи внуки, вставали в круг и колобродили, и карагоды воспевали, потом росую умывались и возносили хвалу Владыке Роду – радели, вспомнив старого бога, к Ра мольники-словене! Княгиня же редко была среди народа, более оставалась в своих покоях и, запершись, качала колыбель. Да не песни пела – творила наговор:

– Ветреница-хворь, лихорадка болотная, червь брюшной! Возьмите Креславу! Язвите лик и тело, дух вселите душей, а в очи – бельма! Чтобы князя ей не зреть, слова бы его не слышать. Чтоб ей не быть, не жить!

От слов материнских младенец Святослав вдруг истошно закричал, закатился и мертвенная синь уста подернула. Всполошилась княгиня, кликнула нянек, сама же трясла дитя, в лицо дышала, дула. Знающие няньки отняли младенца от матери, водой окропили, полотенцем утерли – задышал княжич, унялся неистовый крик.

– Изрок это, матушка! – страшась, заговорили няньки. – Кто-то в покоях был. Слово черное над чадом произнес!

– Одна я была в покоях, – заверила княгиня. – И никуда не отходила.

– Знать, ты и изрочила дитя! – застрожились няньки. – Не след возле колыбели земную скверну держать ни в уме, ни в сердце. И худого слова не смей произнести, когда грудь младенцу даешь или на руки его берешь. Верно, о сопернице думала, о Креславе?

– Не смейте поучать меня! – урезонила их княгиня. – И рассуждать о моих думах. Вас приставили к младенцу, а не ко мне!

– Так-то оно так, – не согласились няньки. – Да мы ведь боярами приставлены, асами жены боярские. Перед мужьями ответ держим за дитя. Ты нам не указ, а всего лишь мать-кормилица.

– Ах, хрычевки вы старые! – возмутилась княгиня. – Младенец княжий – не боярский! Кто родил его? Вы, тучезадые, или я?

– Ты, матушка, ему плоть дала! – воспротивились боярыни. – А Дажьбог дал светлейшего князя Руси. Пред ним же мы все равны, все внуки.

Княгиня затопала ногами, прогнала строптивых няnek, а сама прильнула к Святославу и молить его стала:

– Прости меня, княже! Не мыслила я беду накликасть и рок твой изрочить. Не разумна я в материнстве, но воспитаю тебя сама! Никому не дам! А бессмысленность свою одолею! Вскормлю тебя, наставлю на Путь. Всю жизнь тебя ждала, мой свет лазоревый! Ждала, когда бояре отчаялись, когда отец твой изверился и взял себе наложницу Креславу... Я одна ждала, и потому ты – суть моя награда. Ты возвратил мне честь, ты путь мой осветил! Ты плоть и кровь моя, ты мой! Ты – мой!

И, как зверица дикая, обвила младенца руками и вместе с ним заснула. На заре же сквозь потайную дверь вошел к ней лада-князь. Встал перед колыбелью и умилился:

– Во сне мне грезилось – ты с младенцем, с наследником моим! Теперь вижу наяву!..

Опустился князь на колени и стал ласкать княгиню. И ей захотелось приласкаться к нему – к устам притронуться, волосы расчесать перстами, как в далекой юности, прилечь к нему на грудь, да привиделась Креслава! Стоит между ними, будто стена! А тут еще вспомнила княгиня горькие минуты, когда по-воровски, сквозь шелку, смотрела она любовные утехы Игоря с Креславой! И отвернулась душа от лады, обида и месть заслонили радость.

– К наложнице ступай! – холодно проронила она. – У меня младенец на руках.

Ах, если бы князь сам изгнал Креславу! ан нет, и не подумал, пальцем не шевельнул, хотя уже столько дней прошло после возвращения из похода.

– Отдай младенца нянькам, – зашептал Игорь. – Где они? Почему не видно?

– Они зловредны и строптивы, – сказала княгиня. – Я прогнала их. И ты ступай. Мне дитя след стеречь. Креслава же свободна. Медвежьей потехой утешился – поди и плоть утешь.

– Мне не мила Креслава! – признался князь. – Позрел на тебя – затрепетало сердце! На сына позрел – засияла душа. Ничего не желаю более! И наложницу я исторг из ума и сердца!

Княгиня только усмехнулась:

– А из терема исторг ли?.. Речи говоришь прелестные, но помысли сам: честь ли мне, что держишь возле себя наложницу? Когда я прекрасна и чародейна? Или Креслава зачала?

– Нет, свет моих очей! Она пуста!

– И что же не прогонишь?

Князь было вдохновился, метнулся к двери, да погрузнел и опечалился. Он волен был исторгнуть Креславу из ума и сердца. Но прогнать со двора сейчас запрещал обычай. Если бы наложница оставалась бездетной девять лет, тогда и прогнать можно. Княгиня сорок прожила, будучи бесплодной, а Креслава всего пятый год, к тому же будь она простого рода, посудили бы бояре, порядили и забыли скоро. Наложница была дочерью князя северян, и, отдавая в Киев, отец ее надежды тешил – сродниться с Рюриковичами, приблизиться к престолу. Вернется Креслава под отчий кров изгнанной и опозоренной – начнется междоусобица, и недолгий мир между князьями прахом развеется. Пойдут на Киев северяне – поляне старые обиды вспомнят, древлян науськают. А там хазары, пользуясь распрей, натравят печенегов иль вятичей, своих данников. Заставят пойти войной...

Поход на ромеев замыслился князем, чтобы не добычу взять да данью обложить побежденных, а на ратном поле слить всю Русь в одну дружину, сковать в лютой сече все земли и всех удельных князей в один булатный меч.

– Ах, жена моя, – вздохнул князь. – Ты же не слепая ныне и мудрости тебе не занимать... Нельзя прогнать Креславу! Русь собрана, как жемчуг на худую нитку. Тронешь, и рассыплется слезами.

– Коль не прогнать – ступай к ней, – раздражая князя, княгиня потянулась сладко. – А свои ласки я младенцу отдам. Ты слаб и ласк моих недостоин.

Мрачнее грозовой тучи вернулся князь от жены. И не было ему покоя: куда ни ступит, куда ни бросит взор – перед очами княгиня – преображенная, манящая, прелестная... И разум помутился!словно отрок несмышленный, объятый похотью и страстью, но с погасшими очами.

И ярость не сдержал, пошел к Креславе:

– Прочь с моего двора! И более не являйся пред мои очи!

– Добро, – смиренно молвила она. – Я стала не мила тебе, и ты решился... Добро, я повинуюсь.

Молча собралась, позвала свою наперсницу и, встав у порога, поклонилась в пояс:

– Прости, мой господин. Прощай, мой князь.

Опомнился Игорь, унял ярость, да уж поздно – слово сказано! Не миновать беды, не избежать распри с северянами...

– И ты прости, Креслава, – задавливая слабость, вымолвил он. – Не пожалел тебя... Но передай отцу, пусть пожалеет Русь!

В молчании скорбном Креслава удалилась, а князь выбежал на гульбище, чтобы вслед ей посмотреть.

Наложница спустилась с крыльца, ворота миновала и направилась в Подол!.. ан нет, вернулась вспять – и к городским воротам. А за стеной киевской ей путь один – под отчий кров, в земли северян...

Ознобило князя от предчувствия, поникла голова: изгнание Креславы не принесло покоя...

Весь первый год князь Игорь ощущал себя словно в ночь перед сражением.

Сон потерял, пища не лезла в горло, не радовала, и не могла утешить его печали прекрасная княгиня, и даже светносный сын баловал душу лишь тогда, когда был на руках. Ночами чудилось ему, что к Киеву подходят рати – слышался топот, скрип телег и даже костры виделись ему окрест городских стен. Князь высылал дозоры, а дружину держал в походном порядке и слал к северянам тайных послов, которые бы упредили его вестью о замыслах обиженного князя. Послы возвращались с хорошими вестями, мол-де, похода на Киев никто не замышляет, в государстве покой и благодать – князь Игорь не верил послам! А одному приказал отрубить голову, обвинив в измене.

Минул второй год, однако распри не случилось. Князь северский не грозил мечом, дань платил исправно, да Великому князю и тут чудился подвох: должно быть затаился, тянет время, сговорится с печенегами или хазарами, заключит тайный союз и пойдет войной на Киев!

Ужель простит позор? Не затаит обиды? Сберет полки, совокупит союзников и всадит нож в спину, отомстит за поруганную дочь свою, Креславу...

Княгиня же, руками мужа изгнав соперницу, теперь томила в одиночестве. Ладо редко являлся на женскую половину терема, и если приходил, то печальный, отягощенный заботами, не замечая прелестей жены своей. Позабавится с сыном, окинет горьким взором княгиню, ее ложе и уйдет восвояси. Заподозрила княгиня, что виной всему опять она, Креслава! Изгнали ее, но дух проклятой наложницы витает в покоях, висит камнем на сердце лады. Знать, опоила зельем, приворожила, присушила!

– Что ты не весел, князюшко мой? – пыталась она размягчить его сердце. – Или беда случилась в Руси? Отчего твоя печаль-кручина?

– Не случилась, да скоро случится, – горевал Игорь. – Потому и нет мне покоя.

Князь не ведал своего рока, не знал он, жаждущий покоя, что все тревоги его пусты и напрасны, ибо Креслава отринула месть и спесь, презрела отчий кров, а обрядившись нищенкой убогой, осталась в Киеве. С наступлением ночи приходила она к терему, чертила округ него оберег, говорила заклятье и до утра сражалась с Тьмой. И страже было невдомек, что это нищенка бродит окрест с зажженной свечой да колокольцами. Однажды бедовой, томительной ночью вышел князь за ворота и заметил колеблющийся огонек, плывущий вдоль каменной стены. Выхватил он меч и затаился, почуяв недоброе. Когда же призрачный светлячок приблизился, увидел он согбенную старушку со свечой.

– Что ты делаешь тут, старая? – опуская меч в ножны, спросил князь.

Услышала она голос и вдруг бросилась бежать, да так резво, что князь насилу ее догнал. Схватил за плат, сдернул и рассыпались по плечам прекрасные буйные космы, спина у старухи распрямилась и обнажился чистый лик.

– Отпусти меня, – попросила Креслава. – Ступай в покои и спать ложись. Я стану твой сон оберегать. Только княгине не сказывай, что меня встретил.

Так, ни слова не сказав в ответ, отпустил князь свою отвергнутую наложницу и отправился в терем. Будто гора свалилась с плеч. Лег он и спал беспробудно целых три дня. Княгине же и словом не обмолвился, но каждую ночь выходил на гульбище и подолгу смотрел на блуждающий во тьме огонек, который приносил ему покой и благодать.

Не грозила больше распря, не туманила разум грядущая беда – проливать братскую кровь, да скоро мало-помалу иное горе охватило Великого князя. Явилось оно незримо, будто бы незначай, подобно той капле, что точит твердый камень.

Заморские послы изведали прелесть и красу княгини русской и наследника престола, да разбредясь по странам своим, разнесли молву. А по удельным землям в Руси уж давно слава разбежалась. И пошли отовсюду ко двору в Киеве цари, князья, вельможи с одной жаждой – позреть на чудо. Людно стало у терема, словно на базаре: чужие языки, наречия, глаголы. Изумление, возгласы молитв, гимны красе и голоса печали – все сливалось в вороний грай. Поначалу Великий князь гордился и даже похвалялся своей дивной женой и сыном, но скоро позрел и услышал – князья иноземные вздыхают от жажды обладать красой и прелестью. А вот уж слух доносится, что некий печенежин идет с обозом к Киеву, и не дары везет, а золото и серебро, шелка да парчу и прочий дорогой товар, чтоб сторговать русскую княгиню! И кто-то уже пытался стражу подкупить, чтобы ночной порой войти в покои и похитить несравненное чудо Руси!

Князь ревностью обьялся и не велел пускать к стенам теремного-детинца ни владетельных царей, ни их послов с дарами. Княгине же наказал, чтобы сидела взаперти, при страже из бояр и верных тиунов. Кто бы ни являлся на Русь – будь то князь или просто купец, вызывал гнев у князя. Он, словно лось во время гона, готов был насмерть биться со всем, что стояло на пути либо имело способность двигаться. От этой ревности он сох, мрачнел, вновь стал страдать бессонницей. И утешался редко, лишь под крылом княгини.

– Мой любимый князь, мой господин, мой лада, – слушал он пьянящий, как зелье, голос. – Отринь печаль свою. Русь под защитой Владыки Рода, а я – под твоей. Ты мне и муж, и царь, и бог!

Он внимал ее речам, упивался ими, как медом, и на короткий миг обретал и веру, и покой. Но минет час, другой – и снова все вокруг охватывается мраком ревности и ветром мести. И мнится ему – злодеи задобрили стражу и пробираются в терем, а то послышится приятный смех княгини среди ночи и голос Претича боярина-красавца, а ныне воеводы славного, что был когда-то тиуном, а ныне волею жены возрос, приблизился к престолу и стал вторым после

Свенальда. Как пардус врывался Игорь в покои княгини, но всякий раз видел лишь нянек-мамок да сокровища свои – жену с сыном.

Но более всего князя смущала ночь, когда зажигались купальские огни. В этот светлый праздничный день княгиня претила мужу входить в свою светлицу и на глаза являться. Ночью же она с сыном на руках выходила на гульбище и стояла под звездами до самого утра, будто бы любовалась купальскими кострами, однако сама смотрела в небо. Когда же днепровские берега расцветали огнями, над Киевом невесть откуда появлялся одинокий сокол. Почти незримый, он до зари кружил над теремом, и крик его любовный жалил княжеское сердце.

Что это было? Отчего? Какая тайна крылась за бдением княгини на гульбище под небом и полетом птицы? Земная или божественная?.. Как ни гадал о том князь, не мог разгадать, и от ревности к соколу обливало горем сердце! Не сдержался он однажды, взял своих ловчих птиц и, затаившись на теремном дворе, дождался, когда прилетит незнакомец и закружится в темном небе. Выпустил он одного сокола и услышал короткую битву над головой. Скоро Игорев сокол пал к ногам мертвый. Тогда он пустил сразу двух, но и они, побитые неведомой птицей, свалились на землю. Был бы зрячим Великий князь, не стал бы ратиться с небом, однако обождал он год и к следующей купальской ночи изготовился: на закомарах затаился с луком и стрелами. Едва сокол прилетел и поплыл кругом, князь-ревнивец пустил стрелу на свист крыльев. Что-то затрепыхалось в небе, должно быть, подстрелил птицу! Да что это? Снова летит и покрикивает, ровно самку призывает. Дошлый в стрельбе князь знал, как стрелять во тьме. Выцелил он звезду, подождал, когда тень птицы покроет ее, и спустил тетиву. Но и эта стрела умчалась неведомо куда. Игорь дождался зари, увидел незримую птицу и послал стрелу вдогон! Не уклониться было соколу! Да что за диво? Покуда стрелка достигла цели, птица обернулась солнечным лучом и пропала.

Смущенный князь взошел на гульбище, где княгиня с сыном коротали ночь, и тут увидел вонзенные в стену над ее головой три свои стрелы. И на каждой нанизано перо...

Так минул третий год, четвертый... Меж тем светоносный князь подрос, стал уж не младенцем – мальцом озорным. Забавами его были мечи деревянные, лук со стрелами, булавы и шестоперы. От первых слов, произнесенных чадом, веяло недетской разумностью, однако был он не речист и в полном молчании мог проводить целые дни. Настал тот срок, когда древний обычай велел избавить княжича от мамок-нянек и передать его в руки мужа-кормильца, на мужскую же половину терема. Посудила, порядила боярская дума и определила кормильцем Святославу боярина Претича – воеводу, богатыря, владеющего искусством воинским и мудростью ума. Вскормил бы Претич князя, как вскармливают верткую насаду в морской стихии, но Великий князь, прознав об этом, заподозрил неладное: никак княгиня подала совет боярам, чтобы сего боярина назвать и тем самым приблизить еще ближе.

– Не бывать Претичу кормильцем! – заявил он. – Сам избираю!

Тем часом к Великому князю пожаловал Свенальд и без лукавства промолвил:

– Тебя выкормил я. Так пусть же мой сын Лют вскормит твоего сына.

По здравому рассудку поручить Святослава старому роду варяжей – досточтимых русов, коим считался старый наемник, – было разумно, однако Игорь и тут озаботился: пригож был Свенальдич и не стар еще, а по долгу кормильца ему позволялось входить в покои княгини-матери!

Не мыслил обидеть князь воеводу, да ведь ревностью ниву вспахал, вот и принесло ветром худое семя. Свенальд обиделся, спрятал взор свой под лохматыми бровями и долгий ус закусил, будто удила. Тогда Великий князь подал ему золотой греческий сосуд, усыпанный самоцветами, зная любовь наемника к сокровищам, однако тот не принял подарка дорогого. Лишь подержал в руках, заскоруждыми пальцами огладил камни и оставил.

– Коль не по нраву тебе Лют, возьми Асмуда, – предложил Свенальд.

Знатным был витязем боярин Асмуд, мечом своим творил он славу еще Вещему Олегу, да уж состарился и не ходил в походы, однако дружинную долю получал, ибо владел искусством речи не хуже, чем мечом. Помнил он сказы, бухтины и саги иных прошлых лет, а то сам слагал, прославляя подвиги княжеские. И не смог отказать Великий князь, дабы не унес обиды с собою Свенальд. Асмуда в тот же час призвали ко двору и нарекли кормильцем. Бояре, возмущенные, немедля явились к Игорю и стали просить, чтобы избавил наследника престола от выжившего из ума кормильца, а дружину бы Свенальдову отпустил, поскольку нет у них веры ни воеводе-наемнику, ни его воинству.

Знал князь строптивых бояр своих, знал, что не любят они древнего Свенальда, удачливого в ратных делах воеводу, который без малого уж сто лет служил русским князьям. И потому остался на своем – быть Асмуду кормильцем!

С того времени не минуло и лета, как пробил роковой час Великого князя Игоря. Сходил Свенальд к древлянам, взял дань и, вернувшись, принес худую весть, которую поведал в тайне. Будто древлянский князь Мал грозил Киеву, что скоро станет сам брать дань с него, да не шкурами и медом, а девицей с каждого двора. С князя же Игоря возьмет его женой – прекрасной княгиней.

Стольным же градом на Руси станет Искоростень.

Неслыханная дерзость так разгневала князя, что, не сдержавшись, взял он тиунов своих и в ту же ночь поскакал в древлянскую землю.

– Годи, жук древоточец! Годи, леший! Верно, во хмелю грозил и хвастался! При светлой голове возможно ли такое! Годи, отсеку тебе язык!

И сам, как во хмелю, мчался он к своей гибели, неся на жале копья своего любовь и злобу.

В ту же ночь княгине привиделась змея – мимолетный сон лишь веки припустил, но, казалось, черное видение длилось вечно. Пригрезилось, будто она босая, со Святославом на руках, идет пыльной дорогой и вдруг видит на земле змеиный след.

– Нет мне пути! – подумала. – Это не мой путь – змеиный.

Но голос тезоимца, Вещего Гоя, тут послышался:

– Ступай, не бойся. Змея эта безьядная, ей имя – уж.

Ступила княгиня змеиным путем-следом и тут увидела – черный круг затворил дорогу! Лежит змея и держит себя за хвост. Потом отпустила его, постреляла язычком и поползла к ногам. И на глазах вытянулась, растолстела! Княгиня прижала сына к груди и замерла.

– Это смерть моя! Только бы сына спасти!

– Утешься, княгиня, – снова был ей голос князя Олега. – Ты свою смерть погубила, когда исполняла свои желания. Теперь ты бессмертна, если не воспротивишься своему року. Змея сия не тронет ни тебя, ни сына, а уязвит себя.

И в самом деле, змея вползла на ступни ног, ознобила их своим холодом и удалилась. Змеиный же холод от ног ударил в сердце и вмиг остудил его. Видение растворилось, княгиня вздрогнула, вскочила и скорее на мужскую половину, к постели сына. Святослав безмятежно спал: знак Рода в мочке уха хранил его жизнь и сон. Княгиня попыталась успокоиться, припоминая, что снилась-то не змея, а уж, безвредное существо, но отчего-то в покоях жарких ей стало зябко, не усмирялась встревоженная душа. Сквозь потайную дверь вошла она к Игорю и обнаружила, что пусто на ложе! Бросилась княгиня к страже – кто видел князя? Где он сейчас? Кое-как добилась от привратника правды: Великий князь с тиунами ушел на Уж-реку, к древлянам.

Зачем и почему – никто не ведал.

Тоска и предчувствие сдавили сердце княгини, впервые, как родился Святослав, покинул князь и жену с сыном, и Киев. Даже соколиную охоту – любимое занятие – оставил и на берлоги космачей не ходил с рогатиной. Отчего сейчас, ни словом не обмолвившись, вдруг поехал в дальнюю дорогу? И не простился...

Прошла неделя, другая, и вот однажды на заре дверь княгининых покоев резко распахнулась и голос прозвучал из темноты, словно из колодца:

– Вставай, княгиня! Твой муж, Великий князь, убит!

Она бросилась к двери – за нею пусто...

– Кто ты? Кто весть принес?!

Под воровским шагом заскрипели половицы в сенях и стихло все: затаился черный вестник! Стремглав она помчалась в сени и тут настигла вора, отнявшего покой!

Перед нею оказался Асмуд, кормилец Святослава. Храбрый в прошлом муж, много раз меченный супостатом, вдруг задрожал и в ноги повалился.

– Не вели казнить! Помилуй!

Княгиня кликнула палача: чтобы не множить скорби и черных вестей, обычай требовал отрубить Асмуду язык и заключить до смерти в сруб.

– Кто вложил в твои уста черную весть? – спросила его княгиня.

Кормилец молчал, в старческих глазах блестели испуг и слезы. Палач явился на княжеский двор с клещами и ножом, встал, ожидая знака. Позрев на клещи, Асмуд в последний миг попытался спасти свой язык, который был ему теперь дороже меча.

– Свенальд послал меня! Мне жребий выпал – нести черную весть.

– Кто ладу погубил?

– Древляне, матушка! На Уж-реке!

– На Уж-реке? – встрепелась княгиня. – Откуда жало, если змея безъядна?

– Не знаю... Пощади!

– Добро... Ступай... – Заледенела душа, очи замерзли, и слеза, упавшая на пол, зазвенела хрусталем.

– Благодарю, матушка! – ожил Асмуд и вдруг зашептал: – Змея в твой терем вползла! Ко княжичу в светелку! Лови ее!

Опалило огнем голову! Не чуя ног, бросилась княгиня к Святославу. Чудилось, как скверный гад, обвинив княжича, готовится вонзить свое кривое жало... Подобно ветру, влетела она в спальню и позрела у постели сына наложницу Креславу! Стоя на коленях перед ним, играла на рожке, а княжич внимал и пытался ладонями поймать звуки, словно птиц. Прельщенный игрой, он не слышал ни шагов, ни ветра, что ворвался вместе с княгиней. Мерзкая Креслава, как змея, очаровала Святослава!

Княгиня вырвала рожок, будто жало, и бросила на пол.

– Как ты посмела явиться сюда? Под страхом смерти тебе заказан путь!

Всегда покорная наложница тут вдруг дерзким взором окинула княгиню и, космы растрепав свои, пошла на приступ.

– Отдай мне княжича! Отдай! Клянусь космами своими – я подниму его! Мне мало лет, а ты же – старуха, хоть и обликом молода. Ты под чарами Валдая, и краса твоя – краса Рожаниц! Я же вся как есть земная, любви полна душа! Услышь меня, отдай! Сама же Русью правь вместо князя!

– Змея! – задохнулась княгиня. – Сей час же уползай!

Креслава оком не моргнула, подняла надменно голову и стала плести косу.

Княгиня лютовала:

– Любовь твоя бесплодна, как мерзкое чрево! Ты погибель чувствуешь! Да не стану казнить тебя. Недостойна смерти! Велю продать хазарам! Купцы их за рабами приплыли!

Креслава же доплела косу и утвердила на голове золотой главотяжец.

– Надо мной нет твоей воли, княгиня. Я нынче – нищенка, изгой, а поэтому сама себе госпожа. Ты же вернулась от Валдая просветленной, так призови на помощь разум и попейся о сыне! Кто сейчас кормит его? Полубезумный старец, не помнящий, из каких земель

пришел? А теперь и вовсе стал он черным вестником... Помысли же, куда он выкормит, чем вскормит княжича?

– Эй, стража! – крикнула княгиня. – Схватите нищенку и продайте хазарам!

– Меня продать? – Креслава рассмеялась. – Я не раба твоя, я дочь князя северян.

Вместо стражи вошел Свенальд и заслонил спиной двери. Креслава заговорила поспешно, склоняясь доверчиво к уху княгини:

– Между нами князь стоял. Теперь же нет его. Внемли, княгиня, я с добром пришла. Не допускай Асмуда к Святославу! Не ведаю я рока, и взор мой слеп, да сердцем чую – беда окрест тебя и княжича! Черные люди еженощно вокруг терема бродят, чары напускают, болезни и раздор. Не в силах мне сладить с Тьмою, мало моей свечечки! Ах, если бы ты засияла, княгиня! Ты же во мрак погружаешься и светлейшего князя за собою влечешь!

– Где стража? – взъярилась княгиня. – Скорее сюда!

– Перед Родом заклинаю! – воскликнула Креслава. – Дажьбожьим именем молю: спаси тресветлое дитя!

В этот миг явилась стража, по указке княгини бросилась ловить Креславу, однако вольная, она, словно вода, между копий просочилась, увернулась от хватких рук и невредимой утекла из терема. Объятая досадой, княгиня накинулась на старого наемника:

– Почему ты Асмуда послал с черной вестью? Ведь он кормилец Святославу!

– Жребий пал на него, – медлительно прогудел Свенальд.

– Мне видится в этом злой умысел! Ты черной вестью задумал очернить наследника!

Воевода прикрылся бровями, отяжелело длинное лицо.

– Вот уж сто лет служу русскому престолу. Никто во мне не сомневался. А ты, жена, посмела...

– Посмела! – прервала его княгиня. – Если бы ты выжил из ума и одряхлел, поверила бы, что Асмуда прислал без задней мысли. Но ты хитер и дальновиден!

– В моей дружине есть закон незыблемый! – повысил голос воевода. – С черной вестью идет тот, на кого пал жребий. На меня падет – я понесу. И языка лишусь, и в сруб до смерти сяду.

– Пусть будет так, – после раздумий согласилась княгиня. – Докажи мне верность свою. Немедля выступай на леших! На город их, Искоростень! Покарай их смертью лютой! Пожги! Бояр продай хазарам, злато возьми себе.

– Непотребно продавать бояр. Они же не рабы.

– Я так велю! А князя их – как его имя?

– Мал...

– Мала забей в колоду и приведи к моему двору. За ладу моего...

Вскипела месть ярая, заполонила горло.

– Суды ряди сама, – воспротивился воевода. – Я воин, мне пристало мечом служить престолу. Продай, забей... Да сие ж Русь, матушка. Поднимутся и завтра нас забьют и продадут. Не играй с огнем...

Княгиня взмолилась:

– Владыка Род! Твои ли промыслы я ныне испытываю? Ты дал мне сына, по мужа отнял. Не только меня – всю Русь овдовил! Что мне делать теперь одинокой? Кто защитит вдову с несмышленным дитем? Кто за кровь отомстит? Кто за Русь постоит?!

– Не убивайся, княгиня, – воевода брови приподнял, но глаз не показал. – И эту беду Русь одолеет. Есть кому за нее постоять, и за тебя с княжичем.

– Так пойдй, Свенальд! Ступай!

– Я стар, и крови много пролил...

– Нет, ты хитришь! Кровь супостата лить – тебе отрадно... Вижу, отчего упрямисься. С древлян ты дань берешь, чтоб содержать дружину, и потому не желаешь зорить своих данников. Но если ты отомстишь древлянам, отдам тебе северян, с них станешь брать.

– Брать с северян мне бы за честь, – вздохнул Свенальд. – Да вот привык я к короедам, мне жаль их, неразумных...

– Ты пожалел древлян? – изумилась княгиня. – Чудно мне слышать... Не ты ли их учил мечом, когда противились и дани не давали? Не ты ли древлянскими головами украсил все перепутья и дороги по Уж-реке? Не ты ли их на кол сажал и зарывал живьем?

– Я, я, княгиня, – согласился воевода. – Теперь уразумел – напрасно все, мечом, огнем не проучить. Давно ли плавали в крови? А вот поднялась рука на Великого князя... Уж лучше бы простить древлян.

Княгиня приблизилась к Свенальду и попыталась заглянуть в глаза – не получилось...

– Ты что замыслил, воевода? Будто сам не свой, будто над собой не властен... Признайся, что ты хочешь?

Старый наемник отвернулся.

– По вере христианской добродетель – обиду схоронить. Простишь древлян, тебе воздастся.

– Ты что же, христианскому богу поклоняешься?

– Нет... Я бога своего ищу, – признался вдруг Свенальд. – Много вер испытал. Но своей, отчей, так и нет, поскольку не ведаю, где родился... Но среди вер есть две, русская да христианство, где прощать велят, чтоб сотворить благо. Жене неподобаet мстить, мужское это дело.

– Что ж, воевода... Позор тебе, лукавый! Сама стану мстить!

Свенальд и это стерпел, лишь побагровел слегка и шатнулся, словно получил удар копья.

– Послушай старика. Все русские князья внимали советам старого Свенальда. И ты внемли, дурного не скажу.

– Ну что же, говори, – вдруг согласилась княгиня. – Мудрую речь скажешь – послушаю. О христианских законах я слышала, не толкуй. В Руси свои законы. Перун заповедал мстить злодейству, чтобы пресечь его. Желая по своим законам жить.

– Перун-то заповедал мстить, а старый Род – прощать.

– Не учи меня! Я мстить желаю!

– Норов твой известен, – проговорил старый наемник. – Да в том беда, что ты теперь вдова, а княжич мал. Затаила б свой страстный дух и не бросалась в бурную реку. Тебе сподручней брода поискать. Ты же стара, и облик юный – суть чародейство. Не пристало старости поступать, как юности безмудрой.

Княгиня внутренне вздрогнула, но не показала виду: который раз ей напоминали о старости... Почудилось, прежний образ стареющей жены к ней вернулся и волосы выседил, уста собрал в комок... Метнулась она к зеркалу – и воспрял дух.

– В чем суть совета твоего?

– Уйми гордыню, сокрой ее, как свой прежний облик. И принимай послов.

– Послов?

– Древляне пришли. Прими их в gridнице, достойно.

– Неужели с повинной головой явились?

– Ан нет, княгиня, – пряча лукавство под бровями, проговорил старый наемник. – Князь Мал сватов прислал.

– Кого же вздумал сватать в такой скорбный час?

Свенальд на меч оперся, закричал, закричали кости.

– Тебя, вдова. Прослышал о твоей красе и разум свой утратил. У терема стоял, чтобы позреть, когда на гульбище выйдешь... Взгорячился, как несмышленный юноша, и выступил на князя – твоего мужа. Великий князь жертвой безумства пал.

Гнев окаменил уста княгини, пленил волю. Наемник старый в сговоре! Се он и учинил расправу...

Насилу превозмогла себя, удержалась от искушения взять в руки меч и пронзить изменника!

Между тем Свенальд продолжал:

– Не строптись, пойди за Мала. Не гони сватов. Твой муж, Великий князь, был слабым. А Русью править достойно храброму мужу.

Княгиня едва оторвала взор от меча. Старый наемник уже не скрывал лукавства. Он все затеял! Он сговорился с Малом, и тот погубил ладу... Однако княгиня вняла совету старика, спрятала свой норов, скрыла мятежный и мстительный дух. А явила иной, слабый, изнемогающий – будто бы смирилась со своей судьбой.

– Князь Мал в безумстве... А ты-то в уме ли, Свенальд? Не утратил ли рассудка, если вздумал сватать за убийцу мужа? Что скажут мне князья? Как рассудят бояре?

Эти ее слова оживили старого наемника.

– Теперь ты – Великая княгиня. Тебе равных по достоинству нет на Руси. Твой престол, и потому как захочешь, так и поступишь. А князей мы пристрастим, бояр строптивых ушлем со двора. Я трем князьям служил. Станешь слушать меня – и тебе послужу. Престол тебе принадлежит, пока князь несмышлен и мал. Помысли же: след ли тебе воссесть и Русью править? Ведь ты жена! А на земле нет ни стран, ни народов, где царствовали бы жены. Не помышляй об этом. Муж на престоле должен быть, покуда твой сын растет. Не будет мужа – вся русская земля прахом пойдет. Многих князей я испытал в ратном деле и скажу тебе, княгиня: один Мал тебя достоин.

Следовало бы немедля казнить Свенальда. И голову надеть на кол. Дружину его изгнать прочь из русских пределов!.. Но мудро ли это? Старый наемник достиг преклонных лет лишь потому, что всегда был расчетлив и осторожен, как волк на добыче, хитер, как лиса. Казни его сейчас – восстанет Лют Свенальдич и позорит Киев. Если отважился идти сватать княгиню, значит, заранее поостерегся, дал Люту наказ, как поступить. Уволить со службы и изгнать дружину наемную – уйдет его дружина в Дикополье или к хазарам. Наймутся к кагану, получают золото и кошт да пойдут зорить Русь! Все ходы в русских землях им известны, все броды не раз меряны, крепость городских стен известна...

Что сам Свенальд, что рать его – не подмога Руси, а тяжкий груз, от которого мудрено освободиться. Смирила гнев княгиня, затаила норов.

– Хотя и матерая я теперь, да все одно – вдова... Твоя правда, Свенальд, сидеть ли жене на престоле? Управиться ли с государством? Мужское дело – править...

– Позвать сватов? – предложил воевода.

– Постой, Свенальд, не станем спешить, – рассудила княгиня. – По русскому закону следует прежде тризну справить, мужа проводить в Последний Путь. Где его тело?

– На Уж-реке. Пока в земле лежит, – сказал наемник. – Муж твой теперь подождет – сваты не любят ждать.

– А подождать придется, – вздохнула она. – Не могу переступить обычая... Поведаю тебе тайну, Свенальд: если нарушу закон – Великий волхв изрочит меня в тот же час. И не красавицу-княгиню узрит Мал, а старуху. Ты прав, мой юный облик – суть чародейство. Пусть сваты возвращаются и ждут, когда совершу тризну.

– Нельзя им возвращаться пустыми. Не принесут благой вести – не сносить голов...

– Что же мне делать? – будто бы затужила княгиня. – Посоветуй, воевода.

– Добро, – помыслив, проронил он. – Прими послов пока, но при дворе держи, возле себя. Я же тем временем поеду на Уж-реку с малой дружиной и построю корабль. Ты же потом приедешь с послами, проводишь Игоря в Последний Путь, да сразу и свадьбу сотворим в древлянской земле. В Киев вернешься женою мужней.

– С тризны да на свадьбу? Не худо ли это? Не простят мне такой дерзости бояре...

– Они тебе сомнений не простят, безволия не стерпят, мягкости. Чем тверже будет твоя воля, тем короче станут у бояр и языки, и руки. Ты – великая княгиня!

– На мудрость твою полагаюсь, Свенальд, – слегка вдохновилась княгиня. – Будь потвоему. Ступай на Уж-реку, готовь все к тризне, да чтобы честь по чести.

– Не терзайся, – заверил наемник. – Я выстрою ладный корабль, пусть князь себе плывет... Покуда у древлян, моего сына Люта не отпускай. Он вместо меня и бояр смирит, если потребуется, и Киев защитит от супостата. Да и за Святославом присмотрит. Асмуд стар и ныне не годится в кормильцы, поскольку жребий пал принести черную весть. Не худо было бы тебе Люта определить кормильцем.

– Провожу мужа в Последний Путь, тогда и определим, – пообещала княгиня. – Мне следует по закону совет с боярами держать. Не станем злить их понапрасну...

– Разумная ты жена, – одобрил наемник. – Мне лестно будет послужить тебе... А Люта я сегодня же пришлю.

Ей почудилось, будто Свенальд, подобно пауку, опутывает ее своими тенетами, не оставляя ни щелочки. Весь этот тяжкий разговор происходил в тайне, с глазу на глаз, однако при сем был Святослав, тихо и отрешенно играющий с кистенем. В тот миг ни Свенальд, ни сама княгиня не брали его в расчет: четырехлетний княжич, казалось, не в силах еще внять ни сговору лукавому, ни делам земным. Однако едва за воеводой затворилась дверь, Святослав кистенем в дверь указал – вослед старому наемнику:

– В его словах я не слышал ни слова правды. Не верь ему, мать.

– Да, свет мой ясный! – изумилась и обрадовалась княгиня. – Лукав сей воевода и коварен...

– Но и от тебя не услышал правды, – прервал ее сын. – Почему ты лгала ему?

– В ответ на его ложь!

– Как печально мне на земле, – вдруг по-взрослому загоревал княжич. – Еще не взошел на престол, а его уже отнимают. Мне след исполнить свой рок, а вижу, придется всю жизнь сражаться за власть. Вот почему гаснет на Руси свет...

Княжич неожиданно зарыдал и, безутешный, уткнулся в подол матери. Он силился еще что-то сказать, но слезы перехватывали горло, сводили судорогой уста.

– Ты исполнишь свой рок! – попыталась утешить его княгиня. – Ты суть Великий князь! Ты станешь править Русью! Я не позволю отнять твой престол никому!

От слов ее Святослав заплакал еще горше – видно, иного ждал в утешение. Мать окончательно смешалась, не зная, как успокоить сына, взяла его на руки и стала носить по покоям.

– Не плачь, не плачь, мой Великий князь, – приговаривала она. – Пристало ли князю плакать? Увидят бояре и скажут: Святослав – наследник недостойный, слабый...

В тот миг взгляд ее остановился на мече: дар Валдая висел у княжича в изголовье. Не выпуская сына, княгиня сняла меч, проронила задумчиво:

– А впрочем, плачь... Плачь, сын мой! Но только мне в подол. Когда же взойдешь на престол – и слезы обронить не смей!

Со Святославом и мечом в руках она спустилась в гридницу и усадила сына на место отца – престол, окованный золотом. Меч положила рядом, под правую руку.

И приспустилась перед ним на одно колено.

– Присягаю тебе, Великий князь! Целую к тебе твой меч!

Святослав тотчас же перестал плакать и вытер слезы.

– Теперь я слышу правду. – Он всхлипнул. – И клятве твоей верю... Да только не настал еще час. Садись со мною рядом, мать.

Она послушно села на престол, и места хватило обоим – жене и дитяти. На славу или на позор творилось невиданное дело? Присягнут ли бояре столь непривычным сопровителям

над всей русской землей? Признают ли законной власть матери и малолетнего чада? А ну как затеют свой совет и приставят опеку, пока не возмужает наследник?..

В тот час в гридницу вбежал воевода Претич – верно, какую-то весть нес, да замер у порога, увидев на престоле княгиню и княжича. Не успела она и слова сказать, как верный воевода склонился на колени перед престолом.

– Я, Претич, боярый муж, присягаю вам, князи! Я мечом своим клянусь повиноваться во всех делах и помыслах ваших!

После этих слов Великий князь обязан был взять свой меч за лезвие и подать его рукоять на целование, однако слаба еще и нежна была детская рука, чтобы держать обоюдоострый булат, рассекающий на лету самый тонкий волос; мать же его, Великая княгиня, хоть и имела силы да жесткую ладонь, но не могла коснуться меча на престоле, кроме как устами, ибо не позволял обычай и ее женская суть принимать клятву на оружии – принадлежности мужской чести и достоинства. И тогда боярин сам взял меч и приложился к нему.

– Ты первым присягнул, так будь первым боярином подручным. – Княгиня указала Претичу место за столом у правой руки. – Но прежде, чем место свое занять, ступай и объяви Киеву: нет более среди живых Великого князя Игоря, мужа моего. А посему на престоле сын его, Святослав, и я, мать Великого князя Святослава. Да скажи еще, не вечно мне сидеть тут, а до поры, как мой сын возмужает.

– Исполню, княгиня. – Претич поклонился и направился к двери.

– Постой! – окликнула она. – С какой вестью ты шел к нам?

Боярин вернулся к престолу.

– Мои холопы весть худую принесли. На пристани древлянские послы, от князя Мала. Явились будто бы с покаянной головой за смерть мужа твоего, а в самом деле Мал прислал их, чтобы тебя сосватать. Об этом еще никому не ведомо...

– Мне ведомо, – тихо проговорила княгиня. – Пошли глашатаев по Киеву, а сам ступай на пристань да поклещь мне предстоящего посла. Остальные пусть там ждут. Любо мне о сватовстве договориться.

– Добро, – вымолвил Претич спокойно, однако светлый его взор не мог скрыть тревоги, – ужели пойдешь за Мала?

– Ступай, ступай, – поторопила княгиня. – Да скоро возвращайся.

Едва боярин удалился, как в гридницу вошел Свенальдич, бравый и отважный витязь, рожденный от гречанки, некогда полоненной отцом. От матери Лют унаследовал огромные темные глаза, а от Свенальда – желтые волосы и длинное лицо, на коем одновременно уживались горячая страсть и холодное бесстрашие. И если старый наемник и слуга русских князей всегда прятал свои глаза и взор под густыми седыми теперь бровями, то сын его смотрел казалось бы открыто, доверчиво, но с чуть заметной, скрываемой дерзостью, скорее даже легкой надменностью.

Свенальдич сломал шапку, поклонился.

– Желает ли, витязь, быть слугой моим? – спросила княгиня. – Сослужишь ли русскому престолу так, как отец твой?

– Желаю, матушка-княгиня! – страстно ответил польщенный Лют, которого раньше допускали ко двору лишь в качестве охраны.

– Хочу приставить тебя кормильцем к сыну моему, Святославу.

Свенальдич просиял:

– В сей же час приступлю! Уж я вскормлю! Уж я на путь наставлю!

– Не спеши, витязь, – мягко промолвила княгиня. – Прежде исполни мою волю, которую хочу поручить тебе.

– В чем ее суть, госпожа? Я вмиг исполню!

– Это должно остаться в глубокой тайне, Лют.

– Клянусь, княгиня!..

– Постой! – посуровела она и похолодела очами. – Где ныне твой отец?

– Ушел на Уж-реку! – доложил Свенальдич, несколько смущенный. – Исполнить твой указ... Взял много подводных коней и поскакал наметом. Спешит готовить тризну... Мне же велел ко двору явиться!

Его темные, южные глаза выражали легкую рассеянность, а простота открытого взора – преданность и желание служить, однако почуяла княгиня во всем этом одно лукавство. Лют знал все! И заговор против Великого князя, последующее сватовство вдовы княгини – ничего не обошлось без участия Свенальдича.

– Присягни Великому князю Святославу! – потребовала княгиня.

Ретивый витязь тут и в самом деле смешался, ибо без воли отца своего, Свенальда, не вправе был ни присягать, ни в службу наниматься, хотя и возрастом давно созрел. Мало того, старел – за полсотни перевалило Люту.

– Он несмышлен еще! – нашелся Свенальдич. – Не возмужал, чтобы...

– А возмужал ли ты, коль без отцовского слова не ступишь шагу? – спросила княгиня. – Не присягнешь Святославу – не сослужить тебе тайной службы, которую намереваюсь поручить.

Упоминание о тайной службе разожгло страсть Люта: где тайна – там и честь, и злато...

– Не мал я уже, княгиня! Могу и сам поступать!

– Присягни!

– Семь бед – один ответ! – витязь встал на колено и присягнул, поклялся Святославу служить правдой, а Руси – мечом своим. Но исполняя обряд, он горел от нетерпения, а княгиня умышленно тянула, не говорила ему о сути службы.

– Много ли оставил тебе дружины отец?

– Семь сот конных да три пеших, – признался Свенальдич и что-то заподозрил, нахмурил по-отцовски бровь. – Ежели стольный град от набега защитить – довольно, но ежели, госпожа, ты замыслила мне супротив отца выступить...

Недоговорил и уstraшилcя.

– Иное я замыслила, – успокоила княгиня. – С чего ты взял, что я хочу с отцом тебя сравнить? Откуда у тебя думы такие? В сей-то час, когда и так горе на Руси?

Горела на воре шапка! И холодный северный рассудок не в состоянии был потушить этого пламени!

– Какая же служба мне выпадает? – терял терпение Лют. – Коли тайная, и с присягой ко князю?

– Слушай меня, Свенальдич, – и жестко, и ласково сказала княгиня, доставая из ларца пергаментный свиток, перевитый кожаным ремнем. – Муж мой, Игорь, покуда правил на Руси, казну растратил, а из похода сокровищ не привез. А мне сейчас надобно и злата, и серебра, и камней самоцветных. Ведь я собой красна да не богата.

– Как же не богата, матушка? Вся Русь у твоих ног...

– Власть еще не суть богатство. А вот ежели при красе своей будет у меня полна сокровищница – стану я первой невестой среди прочих. И царь ромейский к моим ногам припадет. Без дружины и оружия я покорю его, как покорить не могли достославные князья.

– Ох, матушка! – вновь уstraшилcя храбрый витязь. – Экую хитрость ты задумала...

– Сослужишь мне по правде – первым вельможей будешь, – посулила княгиня.

– Велишь мне дань взять сверх меры? – задор Свенальдича слегла увял.

– В скорбный год и мерной дани не берут...

– Пошлешь в разбой на хазар?

– Разбоем немного возьмешь...

– Или воевать их?

– Мне войны затевать не след нынче, подожду, когда сын вырастет.

– Куда же мне идти?! – не сдержавшись, воскликнул Лют. – И где искать сокровищ?

– Ступай в северную сторону, – велела княгиня. – Там в холодном море есть остров Ар. Чтобы отыскать его, возьми поморцев-мореходов. До острова этого пять сот и девять поприщ, без сведомых людей его не отыскать среди других островов.

– А далее – что? – едва дышал Свенальдич. Однако княгиня тянула, по-вдови горько размышляла:

– Хотела я отца твоего послать, да стар он, и боюсь, не вернется, сгинет по дороге. А ты молод и могуч, и вижу, до злата не жаден, как Свенальд. На кого мне теперь можно положиться, когда мужа нет и сын – суть несмышлениш?.. Помни, витязь, тайну я тебе открываю сокровенную, никто о ней, кроме меня, тебя и Святослава не должен ни знать, ни ведать.

– Да в чем же ее суть?

– На острове отыщешь каменный столп, – медленно продолжала княгиня. – С восточной стороны под столпом есть вход в пещеру. Ищи его на восходе солнца, первый луч укажет... А дружину свою у моря оставишь, возле насад, и под страхом смерти не вели тронуться с места, даже если ты целый месяц будешь искать тот столп. У входа тебя встретит Гой, подай ему эту грамоту, – она протянула Люту пергамент. – Он в пещере тебе дверь укажет и ключ даст... А свиток сей не разворачивай и не читай. Все одно, письмом он писан ныне неизвестным...

– Что же там, в пещере? – умирал от нетерпения витязь.

– Гой скажет, какие сундуки взять. Их всего пять, но ты возьми три малых, а два тяжелых оставь. Попросишь у Гоя три повозки, и чтобы в каждой по паре лошадей. Иначе не довести тебе сундуки к насадам.

– Там – злато?

– И злато, и серебро, и камни драгоценные, – проронила княгиня спокойно. – Ты верный витязь, на тебя полагаюсь. Доставишь сундуки мне – сдержу слово свое.

Свенальдич прижал свиток к груди.

– В сей миг отправляюсь! В сей же час!

– Исполнишь мою волю – и кормильцем станешь Святославу, и первым вельможей. Да сверх того сороковину от тех сундуков дам!

– Исполню, госпожа!

– В путь посылаю опасный, – предупредила она. – По Северу ушкуйники бродят, ватаги разбойные... В целости и сохранности привези сокровища!

– Всю дружину возьму с собой!

– Не бери всю! – запретила княгиня. – А только самых верных и храбрых... Появишься с большим войском на Севере – все народы всполошишь, распустишь молву...

– И то верно...

– Ступай, да свой поход держи в великой тайне!

– Не сомневайся, матушка-княгиня! – вскричал Лют. – И ты, Великий князь, хоть и несмышлен еще, – не сомневайся. Я с добычей вернусь!

Поклонился Свенальдич и покинул гридницу. А княгиня обняла Святослава, приласкалась к нему, утешила:

– Не быть ему кормильцем!

– Сей муж сказал правду, – неожиданно проговорил княжич. – Он не лгал, как отец его. Но ты лгала ему, мать! Почему ты лжешь мужам?

– В сем и есть суть правленья, – вздохнула мать. – Без лжи мне не совладать с жадностью и изменой... Мне надобно услать из Киева Люта с его лучшей частью дружины, пусть ищет остров Ар! Найдет – не вернется, и не найдет – тоже не вернется.

– Но ложью не добудешь правды!

– Эх, сын мой... Власть – это всегда ложь ради правды.

– Вот отчего гаснет на Руси Свет, – вздохнул княжич и вдруг вцепился в материнскую руку. – Мне страшно, матушка!

– Ну да не страшись, – утешила княгиня. – Как возмужаешь, так и станешь править по правде.

– Боюсь утратить свет в очах...

Недетская эта боязнь заставила содрогнуться княгиню.

– Годи, Великий князь, – обнимая сына, прошептала она. – Вот справлю тризну и определю тебе достойного кормильца. И с боярами договорюсь, не посмеют своеволить... Ты ведь знаешь Претича, что присягнул тебе первым?

– Знаю, матушка...

– Он славный боярин и рода досточтимого, варяжского. Он вскормит из тебя мужа и воина.

– Наука сия нехитра, матушка, – вздохнул Святослав. – Муж я от рождения, а воин волею судьбы, поскольку возле меча родился и живу. Прибудет силы, и подниму его... А вот однажды я спал и явилась ко мне... дева.

– Дева? – насторожилась княгиня.

– Да... Склонилась над колыбелью и заиграла на рожке.

– Ты знаешь, кто она? – едва сдержалась княгиня.

– Нет, матушка, не знаю... Но она так чудесно играла, что дух мой воспарил и к небу поднялся.

– Ни дева, ни жена не могут быть твоими кормильцами! Ты уж перешел на мужскую половину!

– Да, матушка... Но она так играла, что дух мой пробудился...

– Не смей вспоминать ее! – забывшись, не утаила гнева княгиня. – Это была Креслава! Наложница твоего отца!

– Так я не спал, все было наяву?

Спохватившись, княгиня сменила гнев на милость.

– Нет, сын, она приснилась... Твой покойный отец давно изгнал ее из терема.

– Ты лжешь мне, мать...

– Нет, нет, на сей раз говорю правду!

– Отец мой жив! А ты сказала – он покойный.

Княгиня застыла от напряжения, задавливая в себе желание в сей же час поведать сыну истину: Великий волхв Валдай взял с нее слово хранить таинство рождения Святослава...

– Твой отец, Великий князь Игорь, древлянами убит на Уж-реке, – с трудом вымолвила она.

– Я слышал об этом, – промолвил он. – Но отчего же мне тогда чудится, будто он жив и здоровствует? И я ежечасно слышу его. Он звучит во мне, как пение рожка, на котором играла дева... Он парит надо мною соколом!

Княгиня обмерла, не зная, что ответить сыну, однако спас ее тиун, вошедший в гридницу.

– Древлянский посол, матушка-княгиня! С головою покаянной!

– Впусти его! – воспряла и ожила княгиня, обернулась к сыну. – Мужайся, князь! Сейчас позришь на убийцу отца своего! И прости меня за ложь и неправду.

Оставив княжича на престоле, она села по правую руку от него и приготовилась встречать свата.

– Дай руку мне, – вдруг попросил Святослав. – С твоею рукою мне ничего не страшно...

Дверь в гридницу отворилась, и вошел предстоящий посол древлян – молодой боярин, мысля поклониться, встряхнул кудрями да рассмеялся, поскольку не княгиню увидел на престоле, а дитя.

– Вот уж потешила вдова! Не князь, и не сама, но чадо усадила! Зачем младенцу-то сидеть во главе стола? Да еще и с мечом?

– Все на потеху вам, древляне, – смиренно промолвила княгиня. – И дитю на потеху. Княжич неразумен еще, а вы больно мудры. Так потешьтесь вкупе.

Сбитый с толку смирением посол возгордился.

– Ай да вдова! В сей час зрю, и верно твердит молва. Красна ты, матушка, и лепа – очей не отвести. И норовом смирна, знать, и ума палата.

– Кем посланы, боярин?

– А нашим князем!

– Это он убил мужа моего? – отводя очи, спросила княгиня.

– Он, вдова!

– А ныне послал ко мне покаянные головы?

– Нет, матушка, ныне сватать тебя послал.

– Как имя вашего князя? Мал?

– Мал именем, да образом велик!

Княгиня будто бы сробела, спросила пугливо и осторожно:

– Ежели... не пойду я за Мала?

Посол древлянский усмехнулся и, возгордясь еще пуще, к престолу приблизился. Великий князь зажмурился и сжал руку матери.

– Младенец неразумный на престоле, а подле – меч лежит, – промолвил посол. – Не страшно тебе в такие лета меч давать? Глядь, и заразится ненароком...

– Страшусь, боярин, – всхлипнула вдова. – Да просит он... Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало. Где мне совладать с княжичем без мужа? Осиротели мы, а сиротская судьба – ладья без кормчего весла. Несет по воле волн...

– Так что ж, пойдешь за Мала? – боярин подбоченился. – Достойней мужа тебе не сыскать. И княжонка не обидит, даст волость, может, в Искоростень посадит.

Княгиня тут обмякла, голова поникла, и лишь рука в ладонях сына осталась твердой, как кость.

– Не жди сейчас ответа, боярин. Ты знаешь русский обычай. Покуда мужа не проводила в Последний Путь, и мыслить о замужестве не смею. Се князю возможно иметь и жен, и наложниц во множестве. А удел жены – муж один-одинешенек, хоть живой, хоть мертвый; покуда на земле его прах, не услышишь моего слова.

– Знаю я ваш обычай, княгиня, – отвечивал сват. – Потому и не тороплю со свадьбой. Твори тризну по мужу, оплакивай... Но князь Мал требует, чтобы сговор нынче же состоялся, вопреки обычаю. Если пожелаешь, пусть до тризны в тайне останется.

– Боюсь преступить закон...

– Подумай, княгиня, – древлянский посол стал расхаживать по гриднице. – Твой муж был стар и из ума выжил. Ужели не в тягость тебе было за ним, этакой молодой и лепой? А князь Мал достоин твоей руки. Он и храбр, как пардус, и ликом красен. И любя ты ему! Инно осмелился бы руку поднять на Великого князя? Верно, ты мыслишь, он зло сотворил Руси, убив Игоря? Ан нет, княгиня – добро! Он Русь избавил от немощного владыки, а тебя – от старого и негодного мужа. Десницей Мала был сотворен божий промысел. След ли тебе блюсти старые законы?

– Коль любя я ему – подождет срока, – проговорила княгиня. – Так и передай князю.

Древлянский посол склонился к ней, заглянул в глаза из-под белесых бровей.

– Сдается мне, матушка, ты какую-то хитрость замыслила? Вид у тебя печальный, но в очах твоих огонь таится... И княжонок твой волчонком смотрит. Не закона ведь ты боишься, признайся?

– Бояр своих боюсь, – вдруг призналась княгиня. – Чтобы учинить сговор, след совет держать. Они же строптивы, не позволят пойти за убийцу мужа.

– Не ты ли ныне в Руси Великая княгиня? Ужели не знаешь, как смирить своих бояр?

– Знаю, древлянин, да все одно боюсь. Ибо никому из князей еще не удавалось сломить мужей боярых. Они престол блюдут зорко, хотя и глупы изрядно.

– Так ты согласна пойти за Мала? – не отступал сват.

– Что же мне творить, вдове? – взмолилась княгиня. – Без мужа всякий обидит. А обидит меня – обида всей Руси. И постоять будет некому...

– Согласна или нет?

– Не смею молвить слово...

– Ничего, сейчас посмеешь! – древлянин сдернул княжича с престола, зажал под мышкой. – Покуда не скажешь – не отпущу, а закричишь – вдруг ему беда случится, меч рядом...

Ровно раненая зверица вскинулась княгиня да тут же и осела: изрони неосторожное слово – навредит Святославу сей леший...

– Согласна!.. Отпусти сына!

– Нет уж, княгиня, я его с собой отнесу! Покуда ты не сломишь своих бояр! Глядишь, так они и сговорчивее будут!

Он прихватил с престола меч – булатный дар Валдая, приставил его лезвие к горлу Святослава. Княгиня забилась, как пойманная рыба: воистину сказывал младенец – ложью не добыть правды...

– Сломлю бояр! – поклялась она. – Оставь княжича!

– Сломишь? Каким же образом?

– Я знаю! Знаю как!

– Что-то не верится мне, матушка, – засомневался посол, направляясь к двери. – С княжичем мне будет надежнее ждать, когда покличешь на сговор. Вели тиунам своим выпустить меня!

– Постой, боярин! – взмолилась и затрепетала княгиня. – Не трогай сына! Смирю, смирю бояр! Словом и делом смирю! А узнают они, что ты наследника в залог взял, – никому несдобровать. Вместо свадьбы быть кровавому пиру!

Древлянин остановился возле двери, из-за которой выглядывал тиун, изогнувшись в позе нападающего пардуса, и ждал лишь мига, чтоб нанести удар смертельный. Княгиня сделала ему знак – стоять: жизнь Святослава, казалось, висела на волоске! Однако он был спокоен и даже безразличен к творящемуся, возможно, потому, что в мочке уха его посверкивал Знак Рода...

– И как же ты смиришь своих бояр? – усмехнулся древлянин. – Послушаю тебя.

– Унижу их позором, – промолвила она. – Дерзостью их не сломать!.. А вот позором... Они становятся податливы и мягки лишь от стыда глубокого! И глаз поднять не смеют!

– Ну, ну, – заинтересовался посол. – Продолжай! Как же ты мыслишь опозорить сих гордецов?

– А честь великую воздам вам, послам! Им же будет позор!

– Не вразумел! – признался лесной человек и потряс головой.

– Оставь княжича и ступай к своим, на пристань, – велела княгиня. – И ждите утра. Наутро я пошлю за вами. А вы моим боярам загадайте загадку! Скажите: «Желаем идти ко княгине ни пешими, ни конными, ни по воде плыть». Они доверчивы, пытливы и оттого глупы! Станут ломать свои головы и придумают единственное – вас в ладьях посуху на себе понести. И понесут, чтоб показать свой досужий ум! Вам будет честь, а им, зловредным своевольникам, мука! И позор великий, ибо весь Киев позорит!

– Ни в уме, ни в красе не отказать тебе! – подивился древлянин и бросил княжича на престол, а меч – к ногам его. – Добро, согласен! Сие уж больно сватам понравится! И в самом

деле – ни пешими, ни конными, ни по воде, а на боярах поедem ко двору, убивши прежде князя! Вот уж будет потеха!

– А хватятся бояре – да уж поздно будет, – заверила она. – Тугодумы они, и потому нахлебаются позора, того и не ведая...

Засмеялся древлянский сват, дверь ногой отворил.

– Эко замыслила! Ни пешими, ни конными! А в ладьях! Ха-ха-ха!..

И с тем удалился. И смех его долго стоял в княгининых ушах, разжигая страсть и ненависть лютую...

А смысленные бояре, мужи седобородые, тем часом, услышав весть от глашатаев, сошлись в боярских палатах и стали думу думать. В иной раз воля княжья всяко была истолкована – осуждена или возвышена, подвержена сомнению или, напротив, одобрена, однако сейчас на уста боярские ровно печать наложили. Молчали они, каждый в свою бороду, толкали и мяли в головах одну и ту же думу. Когда-то Род правил Родиной, сын его, Рос – Россией. Внук божий, Рус, дал имя своей земле, как велел древний закон – Русью. Незыблемый сей обычай нельзя было нарушить: землей-княгиней может править токмо князь – суть муж. Есть женское начало, есть мужское. В совокуплении же их творится третье – жизнь земная. И быть не может иначе! Но что же нынче сотворилось? Ужель по воле рока, предначертанного богом, землею русской станет править жена? Ужели на небесах старый бог Род одряхлел совсем и выжил из ума, коли сам нарушил незыблемый закон, некогда самолично установленный?

Дажьбожьих внуков – бояр думных – терзали страсти и сомнения. Долго они на своем тайном вече судили суд свой и древний ряд рядили. Разумом своим не один раз изведали все корни, ствол и крону Древа Жизни, но образ мироздания хранил тайну. Однако и бояре были не скудны умом: летая по ветвям, отыскиали они молодой, сильный побег – суть князя Святослава, а около него, на уже мертвой ветви Вещего Олега вдруг обнаружили живой отросток! Он был диким, знать, обреченным испить остатки живительного сока и иссохнуть. Но ведь жил, существовал, незримой нитью связанный и с веткой князя Олега, и с недрами самого Древа.

И вспомнили бояре, кто привел жену Игорю, кто именем и роком поделился с нею. А коли Вещий князь избрал сию жену, чтобы княжеский род продолжить, знать, это рок и божий промысел. Так пусть же Ольга правит, куда сын растет!

В этой мысли утвердившись, бояре по обычаю древнему встретили солнце, поклонились ему и отправились ко княжескому двору. А представ перед княгиней и малолетним Великим князем, присягнули им, мечами своими клялись и лобызали на верность рукоять подаренного Валдаем булата. Словно гора свалилась с плеч княгини. Одарила она думских бояр кого перстнем, кого серьгой и поведала о замыслах древлян, о посольстве их, что стояло у пристани. Разгневались бояре, тут же исполчились, чтобы избить сватов, но мудрая княгиня иначе рассудила:

– Дозвольте, старцы, мне самой отомстить за мужа. Своим сватам мне вина выносить. А вы иных древлян медом попотчуете, как придет срок. Мой лада ныне мертв, лежит в земле до часа на Уж-реке. Потому любо мне, чтобы сваты улеглись в нее живыми в Киеве!

Бояре сведомые, старцы, бывалые мужи и в прошлом витязи храбрые вдруг уstraшились: взор огненный разил, как молния! Блистал, ровно меч булатный! А с уст княгини не слова слетали, но стрелы, каленные в огне.

Не осудили ее бояре, не посмели послушаться и поспешили на пристань, к Днепру. Тая потеху будущую, сладость жажды мести, позвали сватов древлянских ко двору. Те же, наученные княгиней, отвечали как нужно. Бояре для вида поломали голову, а потом подняли ладьи на руки да понесли по Киеву. Хоть и кряхтели от натуги, волочились бороды по земле, оттого что гнулись в три погибели, но все одно смеялись.

– Почто же веселитесь? – спросили их сваты. – Ровно не вы несете, а вас несут?

– Загадку разгадали! Чего ж не смеяться? А мудрая загадка! Но нашему уму любая под силу!

– А хотите еще одну разгадать? – спросил предстоящий посол.

– Как же не хотим? Хотим! – наперебой закричали думные бояре. – Мы отгадывать дюже горазды!

– Ежели вот станет править в вашей стороне князь Мал, то как будет прозываться Русь?

Задумались сивобородые, пыхтя и стеная под тяжестью лодий, но сколько ни гадали, не нашли ответа. Уж почти ко двору приплыли посуху древляне – бояре все не могут отгадать.

– Коль Русью будет править Мал, – не выдержал предстоящий посол, – то сторона станет прозываться Малушей!

Бояре чуть ладьи не выронили от смеха.

– Чего же теперь-то смеетесь? Не отгадали загадки! – спросили их древляне.

– А имечко – Малуша! У княгини нашей есть рабыня, ключница с сиим именем. Вот уж возгордится-то рабыня!

Сваты сидели, подбоченясь, и между собой говорили так, глядя на бояр:

– Мы князя их сгубили, а им потеха. Эко глупая Русь!

– Не то что мы. По лесам-то у нас одни мудрецы живут!

– Ныне вот заберем княгиню. И Киев будет наш!

– И княжича заберем, Святослава! Что захотим, то ему и сделаем!

– Позри, эвон как глупы! Суть полудурки!

– Ведь и верно смешно: коли князь Мал, то и страна – Малуша!

– Ха-ха-ха! – неслось из лодий.

Двор княжий убран был – ворота настежь! Посольство славно встречали: не холопы – сама княгиня коврами устилала путь.

– Добро пожаловать! Въезжайте!

Бояре же внесли ладьи во двор и опустили их на ковры...

Да матушка-земля в тот миг разверзлась, расступилась и пожрала древлян!

И было им хуже в земле, чем ладе-князю, поскольку Игорь лежал в ней мертвый.

А мертвые сраму не имут...

На гульбище взойдя, княгиня вкушала плоды своей мести. Были они горше горчицы, но пьянее вина. Богиня Месть, поднявшись из глубин, была черна и безобразна, однако путь перед княгиней выстилала белым покровом, заманивая вдаль.

– Сего ведь мало, мало, – шептала томно и назойливо. – Ведь жив еще убийца Мал. Ступай за мной, я благородна и ныне тебе сестра. Ты ведаешь многие Пути, тебя водили тропой Траяна. Изведай же и этот Путь!

До той поры еще в Руси не ведали, что значит казнящая десница обиженной жены. Но ежели русская жена, испытав обиду смертную, возьмется мстить – не только затрепещут древляне, а и земля содрогнется от воплей обидчиков. И все будет мало, ибо стихия женских чувств – всех, от любви до ненависти, – не имеет пределов.

Любовалась княгиня и тешила в голове новые мысли о мести древлянам. В воображении своем видела, как зорит и жжет города и веси по Уж-реке, как топит в воде древлянских вельмож и рвет конями их князя Мала, о ком было сказано, что молод он, отважен, храбр и красен ликом...

В устремлении своем не заметила она, как рядом с нею очутился на гульбище сын Святослав. Он целовал ее руку, сжатую на перилах, но княгиня не чувала его похолодевших уст, ибо заледенела рука...

Голос его слышала вдруг.

– Матушка, скажи, земля живая?

– Нет, мертва и холодна...

– Отчего же шевелится, дышит? – Княжич указал рукой. – Позри! Послушай! Стонет, плачет... А если плачет, знать живая... Мать, матушка? Услышь меня!.. Обороны... Мне страшно на земле!

6

Земной царь – каган-бек – правил бытом государства, обеспечивая его безбедное существование, судил, взимал налоги и торговые пошлины, собирал дань с покорённых народов и вел войны. Но бытием Хазарии, ее высшим смыслом жизни управлял богоносный каган. Всем хазарам он представлялся не иначе как высшим существом, ибо над ним был уже сам бог.

Вскормленный иудейскими мудрецами Иосиф бен Аарон ведал Великие Таинства и обладал магическими Знаниями. Бог наделил его разумом, и взлелеянный долгим учением ум проник в сокровенную суть ритуалов, наложив тем самым на кагана печать богоносности. Жизнь его, от возведения на трон и до конца срока царствования, была исполнена не действиями, а деяниями, и всякий шаг, любое сказанное слово несли в себе магию обязательного обряда, незримого для профана. Лишь строгое соблюдение ритуала могло принести кагану богоподобие. Ежеминутный этот труд был оплачен сполна: рука верховного царя считалась чудотворной, облик – сакральным, и земная, брэнная жизнь – житийной.

Постигнув в Иудее тайну Знаний, он мыслил править миром, как и всякий каган, бывший до него.

На небесах, во Вселенной существовал бог Иегова, а Хазарский каганат являл собой как бы его земную плоть, воинственную сильную руку на земле. Воссев на трех морях, на трех великих реках, Хазария овладела не земным пространством, не территорией, а Путиями, и как опытный ездок держала в своих руках эти пути-поводья, управляя всем миром, что существовал окрест.

Безмудрые, неученые народы полагали, что воюя земли и облагая данью, они собирают в кулак свою власть и увеличивают силу. Но знали бы они, глупые, что владычество над миром вовсе не земля и не державная власть над народами! Великие империи – не что иное, как потеха, доля сведущего ума. А для безмудрых могущество. Ведали бы они, что никогда не удержать под силой воинства и оружия ни сладострастной власти, ни истинного влияния над огромными пространствами! Огня не укротить, если полыхает весь город; так и империя – лишь минет срок, и от былого величия останется пустыня, прах, пепел. Бывает довольно одной искры...

Напрасно восклицает владеющий истоком: «Рекой владею я!» Рекой владеет тот, кто овладел устьем ее, куда стекаются потоки всех вод, всех малых рек и родников – это суть богатство, а не источник, бьющий из земных глубин. Иной же купец, плывя морем и гребью черпая бесчисленные волны, гордыней исполнится: «Этим морем владею я!» Над таким блаженным грех и посмеяться, ибо истинный морской владыка тот, кто овладел берегом и живет у воды. Сколько бы ни плавали, сколько бы ни покоряли корабли стихию морскую, все одно причалят к земле. А благо не в пучинах вод – на береговых причалах.

Кто оседлал Пути земные, к тому придет и слава, и достаток. Иной искатель благ, собрав войско, многоценное оружие, коней и корабли, отправится за добычей за три моря, но не богатство привезет домой – одни убытки... Кто ищет далеко – тот более потеряет. Надобно же всего-то, зная Пути, сесть на них и ждать, когда блага придут сами; имеющие их еще и поклонятся с радостью – примите во имя бога! Ведь известно: даже птицы, своим путем летая, роняют перья. Труда-то всего – с земли поднять.

Когда же блага приплывут, не станет более забот о хлебе насущном – суть о земном. И потому есть время помыслить не о том, чем насытиться и утешить плоть, – чем разум свой утешить. Однако же всем безмудрым народам следует внушать, что лишь в поту и праведных трудах есть благо жизни, при этом изывая презрение к утробной пище. Ибо сытый зверь спит, мудрый же человек, в науках упражняясь, множит свою мудрость.

Несмысленный глупец заводит терем, двор, плодоносные земли и тучные стада, хвалясь при этом: «Это мое имение!» Разумный собирает золото и мудрости, чтобы посредством этих сокровищ множить и множить свое состояние. Конь ест много травы, выбивает степи до черноты, но долго ли бывает благодушен и сыт? Птица же божья собирает по зернышку, не пашет, не сеет, однако всегда летает и поет.

Подобное устройство мира было божьим промыслом. Творец ведал, что творил: возможно ли, чтобы все народы на земле извели таинства бытия? Да если бы все люди враз познали промысел всевышнего, в тот же час воцарился бы перевозданный хаос. А посему невеждам и профанам следует внушать, чтобы они ежеминутно стремились к познанию божественности бренной жизни, чтобы труд свой воздавали господу, ему молились и не о злате мыслили – о душе своей. И тогда земное существование будет праведным, и откроется еще одна жизнь – жизнь после смерти. Предстанет душа перед богом, а он уж решит: в раю ее оставить или спровадить в ад за земные грехи и прегрешения.

Нельзя допустить, чтобы все народы познали свою божественную суть, ибо еще первые люди, Адам и Ева, познав ее от Древа Знаний, в тот же миг совершили тяжкий грех. Кто искусил их? Змей или бог? Кто человека создал по образу – с душой, и по подобию – с греховным умом? Разумеется, Творец, однако же заповедал не сорвать яблок Знаний и жить в райском саду в полном неведении. Так пусть же все народы живут по этому высшему закону, ибо владыка небесный изначально замыслил разделить людей. Он избрал один из всех народов и заповедал ему паствоваство над прочими, дабы мироздание не кануло вновь в пучину хаоса. А поэтому невозможно, чтобы пастирь кормился так же, как его стадо, ибо он, избранный, ближе к Творцу. Так должно ему не хлеб добывать в поте лица своего, а по крупицам собирать золото – дар господа, и мудрость – божественную суть.

В этом заключалась тайна Знаний, однако Великие Таинства имели суть иную: лишь избранный народ мог ведать бога. И никогда во веки, как бы ни тягался, не мог с ним сравниться ни грек, ни перс, ни солнечный араб, ни гордый славянин. О диких же народах и вовсе нет речи. Только несмысленный профан может возомнить, что подобное мироздание можно перестроить, что стены рукой человеческой он обратит в кровлю, окна – в двери. О, глупцы! Сотворенный всевышним храм этот неприкасаем, и всякий, кто возьмет камень из его стены, пожнет вселенский хаос. Пусть же все слепцы изведуют тепло, исходящее от солнца, пусть все темные народы увидят отблески света, но никогда и никому не зреть, как оно всходит, движется по небосклону. Что явно для господних избранников-пастирей, должно мыслиться сакральным для стада.

Скоту щипать траву, склонив голову к земле...

Многие Таинства изведал каган, кормясь от мудрецов. Но одно оставалось не открытым до поры, покуда не взойдет он на трон: лишь после венчания открывался путь под купол башни. Там, под звездой, озарявшей Саркел, находился Венец Великих Таинств. Мудрецы, предупреждая его, говорили, что он может войти под купол, а может и не входить, если не испытает желания. От этого ничего не прибудет и ничего не убудет. Однако если каган решится подняться в подзвездное пространство, то испытает искушение Венцом Великих Таинств. Молде, все, что позришь там, не принимай за диво или наземное чудо. Великое да уместится в малом, а малое – в великом!

Как было не взойти, если подзвездный мир манил и прельщал ум, словно запретный плод в райском саду?

И вот, дождавшись часа, только что повенчанный, на трон Великий каган перешагнул заветный порог. Он ожидал позреть великое – собрание древних манускриптов, неведомые ему записи на стенах, излагающие высшие истины, наконец, изваяния из камня или золота или вообще нечто непознанное, неподвластное разуму. Но то, что он увидел, заставило его замереть на месте, как вора, а затем испустить крик страха и изумления. Каган опомнился

и низко поклонился по ритуалу, отвел взгляд. Перед ним был рохданит – Великий мудрец, знающий Пути божьи. Воистину говорили – великое да уместится в малом! Не сияющая звезда у горла, так бы никогда не признать в маленьком неопрятном человечешке того, пред кем преклонялись все учителя кагана в Иудее. Ко всему прочему, рохданит был неприятен лицом и хромоног, с покатых плеч свисал засаленный хитон, из-под которого торчали грязные босые ноги, на голове – шерстяной платок, побитый молью, седые пейсы засижены мухами. Но звезда рохданита блистала, как молния! Была она чиста, непорочна и, как всякое золото, внушала доверие. Великий мудрец вкушал рыба, издающего зловоние.

– Вкуси со мной, – бесхитростно предложил рохданит и указал на стол. – Присядь... Если вознамерился взойти под купол, знать, голоден. Попотчую, чем бог послал.

Каган знал, что и трапеза эта есть ритуал, поскольку, что бы ни свершалось под звездой, все имело ритуальный, магический смысл, неведомый профанам. Богоподобный каган отщипнул рыба и с трудом проглотил – пересохло в горле. Рохданит же, заметив это, всплеснул руками:

– Ах, беда! Мне бы прежде воды подать – я яства предложил. Подожди, сейчас...

Звездой своей посверкивая, он вытащил лохань с водой и ноги опустил, побулькал.

– Не почти за труд...

Каган в сей же миг присел перед рохданитом и трепетной рукой омыл худые ступни. Пока же он трудился, на голове своей ощутил руку Великого мудреца, от которой исходил огонь – то ли венец, то ли каленый обруч сковал виски и лоб. Свет перед очами колыхнулся и стал меркнуть.

– В глаза смотри! – приказал рохданит и вздернул подбородок кагана.

И он посмотрел...

Перед ним остался прежний рохданит – засаленный хитон, рыбы кости в бороде, – но очи видели прекрасный лик! Он источал запах мирра – дух божественности. Слепила звезда у горла!

Великое да уместится в малом!

Изумленный каган оцепенел на миг, как недавно, пораженный срамом и мерзостью подзвездного владыки.

– Ну что, прозрел, слепец? – его благодушный голос замыкал уста. – Не отвечай... Ты получил Венец Великих Таинств. Не верь своим глазам, когда восходишь под звезду! Что увидишь здесь – все истинно, ибо отсюда я управляю миром. Пусть теперь дух твой очистится от скверны. Испей этой воды. Взалкай священной влаги! Ты ведь желал испить?

Великий мудрец толкнул к нему лохань. Каган приложился и стал пить. Скверная вода казалась ему сладчайшим медом и не усмиряла жажды. Он выпил всю лохань до дна, после чего рохданит поставил его на ноги, снял с полки два сосуда и щедрой рукой помазал кагана – лоб, горло, руки и ноги. После этого достал из старого сундука одежды – голубой хитон.

– Прими мой дар, но не носи его, а надевай, когда будешь ко мне являться. Ну и потом, когда придет твой смертный час, обрядишься, чтобы предстать перед богом Яхве.

– Повинуюсь, – prorонил каган, принимая одежды.

Закончив ритуал, подзвездный владыка вновь стал есть рыба.

– Ну, говори, все ли ладно в государстве?

Тут богоносный на миг очнулся.

– На Севере заря восстала! Столп света!

– Наблюдал, – prorонил рохданит, поедая рыба. – Не в первый раз наблюдал... Но утром заря все равно взойдет на Востоке.

– Хазария в смятении, – каган волновался. – А мой отец, чей престол я ныне принял, в смертный час произнес слова...

– Я слышал, – прервал Великий мудрец, – устами Аарона не господь говорил – убогий дух его. Потому он мертв, а ты теперь каган.

Всесильный рохданит был вездесущим. Или кто-то успел ему принести эту весть, пересказать слова умирающего кагана?

Если так, значит, в государстве, где всей духовной жизнью владеет богоносный, есть таинства, неведомые ему! Не сам же рохданит скакал на озеро Вршан, чтобы отца послушать, затем, вернувшись в башню, успел сварить рыбака и половину съесть. Неужели у Великого мудреца есть свои посыльные люди, которые входят в детинец, в башню, под звезду?! Да и судьба отца предрешена была не ритуалом, ибо он поцарствовал лишь половину срока, не им, наследником престола, а некой высшей, вездесущей силой – рохданитом, живущим под звездой!

Так кто же правит в государстве? Кто связывает с богом его избранных – казар? Великий каган, высший царь и полубог? Или незримый рохданит – Великий мудрец?

– Ну полно сомневаться! – прервал размышления кагана рохданит. – Не терзай дух, не мучай разум. Под звездой нет лжи. Ты – всемогущий каган, ты богоподобен и поэтому владеешь Хазарией безраздельно. Я же невелик и мелок, жизнь моя в нищете и ничтожестве. Посмотри вокруг себя! Убогость, запустение... А вкушаю вот рыбака соленого, как распоследний гой. Ты же сидишь на злате и со злата вкушаешь. В сей же час оставлю башню, смешаюсь с толпой – ты меня не признаешь. А на тебя и позреть нельзя – в тот же миг настигнет смерть! Созерцать же рохданита в толпе может каждый, кому не лень... Так кто же всемогущий? Кто управляет жизнью?

– Ты, мудрейший! – воскликнул каган. – Ты, ясновидящий! Своих мыслей от тебя не скрыть!.. Да, Великий, мой облик сакрален, я учен Таинствам, но все это – малая толика того, чем владеешь ты! Правит же миром тот, кто познал все Таинства управления!

– Мне лестна речь твоя, – засмеялся подзвездный владыка. – Я знаю кое-что, но все это пустяк, говорить не стоит. Ты мне понравился, Иосиф! Развеселил, ей-богу! Знал я многих из твоего рода, да ты первый такой: умом пытлив и волею горяч. Мне редко приходится смеяться. По обыкновению каганы, взойдя ко мне, поклоны бьют и языком едва ворочают от страха. Неужели я так грозен, а? – Он снова рассмеялся. – Люблю, когда меня боятся, но более, когда вижу сомневающийся разум, как у тебя!.. Поэтому я приоткрою тебе одну из моих тайн, как управлять миром. Ты же желаешь этого?

– Желаю, великомудрый! – воскликнул каган.

– Что ты изведal в Иудее от старых мудрецов, в том есть великий смысл. Но их рецепты стары, – продолжал рохданит. – Открытый тебе смысл бытия всего лишь богоподобно, но не есть суть бытия божьего. А божье, каган – это чувства, деяния души... Впрочем, прежде чем посвятить тебя в таинство, ответь мне: что ты более всего хотел бы познать? Какая мысль тебя тревожит? Что претит тебе управлять миром?

Смирная восхищенное торжество мига, богоподобный ответил:

– Ты ведаешь тревогу, о, премудрый! Я мыслю погасить зарю, что воссияла над безмудрой Русью. Если этот народ выйдет из мрака, мне с ним не совладать. Покорив славян, я стану управителем всего окрестного мира!

Подзвездный владыка утер руки о хитон, сметая рыбы кости, огладил бороду.

– Хорошо, богоносный. В самом деле, вижу, что ты терзаешься... Сейчас ты мыслишь так, как некогда царь Ирод. Этот государь, чтобы убить Христа-младенца, велел рубить всех детей в государстве. И что вышло? Погубил невинные души, но Христос остался цел и невредим. И ты был учен мудрецами так же, как царь Ирод. Однако, вижу я, умом ты проворнее его! И потому мысль убивать младенцев ты отринул и решил подкупить мужей, что служат русскому престолу и имеют вход ко княжичу. А подкупив, велеть им не голову отрубить младенцу, но так вскормить его, чтобы свет погас и более не возжигался.

– Истинно! Истинно! Я так и решил! – пораженно воскликнул каган. – Разве еще не успел исполнить...

– Верно, так следует и поступить, – одобрил рохданит. – Так поступает каждый, кто знает толк в мироправстве. Чтобы не мудрствовать лукаво, я грешным делом творю иногда подобное... Однако вместе с этим сеть нужно плести тоньше. В славянском мире подкуп – средство ненадежное. Народ темен и не знает сакральной сути злата. В Руси дороже честь, бесценна слава, а любовь и вовсе купить невозможно. Внемли, каган! Где золото собирают, чтобы пить и есть с него, где, не ведая таинства металла, украшают доспехи, ткнут полотно, наряжают женщин, где продают его и меняют на хлеб, одежду и вино – перед таким народом не расходуешь злата, не расточаешь смысла Высшей Власти. Пошли на Русь менял, да не тех, кто деньги разменивает – иных. Пусть твои менялы по капле, по зерну все разменивают: честолюбивых следует бесчестить, ослабить жаждущих славы, а где была любовь, пусть вырастет ненависть. Но более всего пусть просияет месть! В Руси эта богиня выше злата ценится. Она приемлема всем, и все рады ей: потерявший честь станет мстить за честь свою, бесславный за утраченную славу, лишенный же любви сгорит от жажды мести! Внемли, каган! Таинство мести способно погасить не только свет княжича-младенца, но само солнце! Царь Ирод был дурак...

Каган замер и перестал дышать.

– Уразумел, богоподобный?

– О, Превеликий! – вымолвил лишь каган. – Чем отплачу тебе?!

И спохватившись, пал ниц, стал целовать ноги. Рохданит поморщился и отступил шаг назад.

– Довольно, каган!.. Ты этим напоминаешь мне властелинов Хазарии. Будь проще, не гнись так низко, ведь ты богоподобен! Мне платы не нужно. Я не торговец Таинствами. Дерзай же! И приходи ко мне, если потребуется помощь. Буду тебе рад.

Великий каган поклонился и по ритуалу задом вышел из-под купола.

Он ощутил себя могучим! Он мыслил править миром!

7

Одетая в темные леса, змеилась между холмов глубокая, студеная река, и черная вода, словно шкура гада, посверкивала на солнце. Прячась за деревьями, она пугливо убегала в глушь, в чашобы – в землю древлянскую.

Шипела Уж-река, будто змея, уязвившая жертву...

На берегу ее, у стен Искоростеня, раскинулся великий стан – град похоронный – бесчисленны шатры, костры и вежи. И всюду люд: волокут деревья, пилят их, тешут, рвут столетние смолевые пни для огненных ветрил, шьют сами ветрила, курят смолу и делают столы, чтобы пол-Руси усадить на тризный пир. Давно перемешались бояре и холопы, гридни и крестьяне – те, кто кресть поднимал и нивы сеял, поляне и словене. Из земель далеких, с Кавказа и Уральского Камня казы пришли, коих ныне называют казаки – священные воины, принявшие от Рода Каз – обет, по коему до скончания веков клялись хранить и защищать Пути земные и небесные. Весь русский мир явился в похоронный град, соединился и теперь стал называться одним словом – Гои. Все предалось забвению – свары и дележ, обиды кровные, долги и гнев, поелику обряжены были в одежды скорби – белые одежды. Смерть владетельного князя всех примирила, чтобы проводить усопшего в Последний Путь и справить тризну.

Но потом, как повелось, утрутся слезы, а вкупе с ними – скорбь. И снова обнажатся камни на порогах, загремит, зашумит бурный поток жизни, завертится круговорот.

Похоронный град на Руси – самый мирный град.

Одни лишь древляне, запершись в городе, сидели виноватые и тихие, таращась сквозь бойницы стен и оструг частокола. Их подмывало выйти из крепости и крикнуть: «Это мы, древляне, славянского рода люди!» И слиться с русью в тризне, однако вид за городской стеной сковывал уста, и перст не поднимался: что сотворили-то? На чью жизнь покусились? Не миновать беды!

Меж тем на самой круче единым духом был воздвигнут помост, а топоры искусные корабль заложили – летучую насаду. Добрая тысяча рук ваяла волнорез, подобный лебединой стати, крутые борта и высокую корму. Топоры стучали песнь печальную, пилы тянули колыбельную, и им подтягивали Гои, вознося славу мореходу, коему назначен срок отплыть за те моря, откуда боле не приходят.

Потом корабль пропитали огненной живицей, покрасили смолой, а сверху начертали охрой слова прощальные – гимн Пути небесному. И наконец, выправили снасть и вздернули ветрила с ликом бога Ра. Буйный ветер в тот же час наполнил их, вдохнул тугую жизнь, и чудилось, с ними подпорки и растяжки – подобно птице, взлетит корабль с помоста и сядет на воду...

Да не плыть насаде сей земным путем, не познать речной волны, а суждено вкупе с мореходом предаться огню-сварожичу – оставив дымный след, уплыть на небеса.

Пока лелеяли корабль и снаряжали снасть, его гребец и кормчий бездумно почивал в сырой земле, последний раз вбирая силы для дороги дальней: Последний Путь был вечным и не имел причалов. Над ложем морехода светил огонь-сварожич на высоких столбах. Яркое пламя бездымно колыхалось над головами близких – княгини Ольги, сына Святослава да отрады Игоря – наложницы Креславы. Смерть примирила их!

Обычай древний запрещал им возбуждать иные страсти – лишь скорбь была в умах и душах жен, поскольку между ними был усопший. И если бы кто-то из жен сейчас затеял свару, ее бы подвели к могиле и принудили переступить через мертвого мужа, свершить кошунство и навеки лишиться себя пути. Покуда не умчался покойный ввысь на огненных ветрилах, он будет на земле чертой – суть коном, за коим Тьма, бездна, пустота. И посему переступить за кон подобно смерти.

Жены в сей час напоминали сестер в глубокой скорби. Всякая из них, которую поял усопший, совокупившись на земном пути, обязана была предстать перед мертвым мужем и проводить его в Последний Путь. Иначе бы покойный не обрел покоя в вечности и стал бы каждый день являться, чтобы забрать с собой жену – часть своей плоти.

К могиле князя явились только две...

Вокруг могилы и жен с малолетним князем стояли плачевные сосуды, и плакальщицы-жены, словно старые лебедицы в белых одеяниях, сидели тучно, распутив крылья. Долгая причеть, словно облако, клубилась над огнем-сварожичем и проливала дождь на лики жен.

И вот настал тот миг, когда средь белого дня похоронный град на время омертвел. Его насельники застыли кто где стоял: скрипучая телега, запряженная тройкой белых коней, громыхая вползла на середину стана. Кося кровавым глазом, ударили кони в землю, встали, и трубный их глас оледенил живых!

То явилась сама Княгиня Смерти со дочерьюми – непорочными девами в одеждах ослепительно белых. Они в тот же час у телеги поставили свой шатер, снесли пожитки и распрягли коней. Княгиня Смерти – старуха с непокрытой головой – обрядилась в черемный саван, рдеющий как угли, перепоясалась ремнем и с дочерьюми направилась к могиле.

Гои, расступаясь, кланялись ей и отводили взоры.

Плач у могилы оборвался. Княгиня торопливо вскочила, покрыла Святослава плащом – чтобы даже тень старухина не пала! Тут же подвернулся кормилец Асмуд и унес прочь княжича, спрятал в шатре и остался охранять: неразумный младенец мог ненароком убежать и явиться перед очи Княгини Смерти. А стоит ей взглянуть на дитя – и очарование смерти погасит радость жизни.

Старуха же в саване ступала властно, ибо весь похоронный стан был ее уделом, а насельники его, от князя до холопа, платили дань и были под десницей.

Круг плакальщиц расступился, и Княгиня Смерти склонилась над ложем спящего, приложила ухом.

– Усоп, – пропела и распрямилась со скрипом. – Ну, пусть еще поспит. Рано будить, корабль не совсем снаряжен.

И взором острым уставилась на жен. Княгиня Ольга вдруг потупилась и сжалась: прелестный взор смерти был манящим, истомлял скорбящую душу. И лишь образ сына, стоящий перед глазами, пересилил очарование!

Креслава же, напротив, очами встретила с Княгиней Смерти, встрепенулась, подалась к ней гибкой веткой.

– Кто из вас пустится в Последний Путь с мужем? – спросила старуха гласом Роженицы. – Кто наречется быть ему женою вечной?

– Я! – в тот миг откликнулась Креслава, ибо ждала сего. – Я нарекаюсь женою вечной!

– Добро, – промолвила старуха, и дочери ее в тот миг подхватили наложницу и повели к своему шатру.

Креслава радостно запела, засмеялась от счастья, словно земная невеста. Опомнилась княгиня и, не сдержавшись, вскинула очи, прошептала:

– Не смей избирать ее!.. Верни назад Креславу!

– Не я тут избираю, – вздохнула та. – Сама жена по своей воле. Я слыхала, это Креслава изрекла: – «Я!» И муж услышал ее слово!

– Спроси еще раз! – взмолилась княгиня Ольга. – И пусть другая пойдет с ним в Последний Путь! Не посылай Креславу!

– Кто же она – другая? Уж не ты ли?

– Нет... Не я...

– Но вас-то всего две над усопшим. Чужую князь с собой не возьмет, исторгнет с корабля.

– Все одно, останови Креславу! – крикнула княгиня. – Се моя воля!

– Здесь воли нет твоей, – спокойно произнесла Княгиня Смерти. – Здесь правлю я.

– Но я – Великая княгиня! Ужели не признала? Мы с тобой виделись, когда ты воскресла Вещего Олега!

– Признала, – ничуть не смутясь, проронила старуха. – Столько лет минуло, а ты не постарела. Напротив, юной стала. Верно, на земле ты Великая, но – смертью правлю я, не спорь со мной. Быть тому, что сказано: Креслава с князем поплывет. Она не мыслила о жизни, она крикнула – «Я!».

Княгиня Ольга подломилась в коленях, встала перед старухой.

– Оставь Креславу на земле! Коли уйдет женой в Последний Путь, мне уж на земле не отыскать покоя! Где бы ни была, все помнить буду: наложница с ладой по небесам плывет, над головой моей!.. А он ее ласкает, тешит... Сама пошла бы с ним! И нареклась бы!.. Но у меня дитя! Кто Русью станет править, покуда не вырос сын?

– Вот и утешься рождением – не смертью, – бросила старуха. – Се рок твой материнский. А он мудрее нас.

– Нет, не смирюсь! – в гневе воскликнула княгиня. – Услышь меня, мой лада! Отторгни же Креславу!

– Молчи! – прикрикнула Княгиня Смерти. – Не поднимай до срока!.. И не кощунствуй. Не позришь сама, как переступишь через мертвого... Эй, жены певчие! Чего уста замкнули? Воспойте колыбельную. Пусть же усопший спит пока в земле сырой...

Плач безутешных голосов высоких тотчас взметнулся над спящим князем, подобно языкам огня, достал небес и погасил холодный вдовий крик.

Креславу тем часом ввели в шатер Княгини Смерти и нарядили, как подобает наряжать невесту к свадьбе: украсили монистами, запястьями, серьгами и кольцами-завесками, очельем из крупного жемчуга обрамили лик. Прекрасной белой павой представили народу и повели по скорбному граду под руки, как княжеских невест водили... Тая восторг и ликование, ей Гои низко кланялись, кричали вослед:

– Лебедушка наша!

– Лети в Последний Путь!

– Достойна!

Она лишь смеялась! Миг торжества, миг исполнения своего рока возвеселил ее, радость плескалась по сторонам, словно вино из рога. Долгожданный праздник явился ей единственной из всех скорбящих!

И стал наградой!

За все годы, что была наложницей, никогда она не являлась на глаза людей; терем да покои – се вот удел и суть мира, в коем проводила жизнь. А ныне же красу ее позрели и вознесли! Экое чудо прятал покойный князь!

Сияла Креслава среди скорбного града, ровно огонь-сварожич – а что бывает краше девы и огня?

Древляне за стеной онемели, от горя свои слезы пили. Эх, выйти б из-за стен, смешаться со скорбящей русью и, горе поделив, вблизи позреть на дивную невесту князя! Князь же Мал, убийца, стоял на башне угловой и высматривал княгиню среди Гоев. Остальное – печальный стан, корабль и народ скорбящий – не замечал, любясь всеильной красотой избранницы. Да вышла тут Креслава и на короткий миг вдруг затмила княжий взор! И красота княгини на миг померкла... Но не любовь он испытал, не очарование, а зависть к мертвому: все было прекрасным у киевского князя – и жена, и наложница судная, красоты которой вовеки не отыскать в древлянских землях. И загоревал убийца! Свои наложницы хоть и более числом, да теперь показались ему дурными, страшными, строптивыми. И кого из них изберет Княгиня Смерти, кто из них наречется вечной женой, коль скоро доведется отбыть неземным путем?

Посередине стана для Креславы накрыли стол, скамью выстелили периной лебяжьей и коврами, яства, поставили горою.

Креслава пировала!

Окованный золотом турий рог – символ красоты ее – вручили невесте, и этот чудодейственный сосуд должен был кого-то осчастливить из жен, если пожелает Креслава. Отхлебнувшая из него вкусила бы и обрела красу нареченной невесты, а если перед тем, как взойти на корабль, она бы подарила рог, то вместе с ним подарила бы и свое веселие и радость. Но никому пока не давала Креслава прелести своей, сама пила и становилась краше. Служанки – дочери Княгини Смерти – подносили ей закуски на чашах золотых, кормили ложками серебряными и всякую волю исполняли немедленно – чуть бровью поведет. У стола княжей невесты то гусли играли, а то жалейки, дудки, свирели и рожки. Молодые девы и жены хороводы водили, славя Креславу. В имени ее был сокрыт рок – Огненная Слава! Знать, должна была она в огне и прославиться.

Средь моря скорби лютой и горячих слез Креславин пир был не кошунством. Она прощалась с земной жизнью, и то, что было отпущено ей до годов преклонных – радостное торжество и праздник, – она черпала и допивала сейчас, умеща все в срок краткий. Остановилось время, и пир ей чудился бесконечным!

Тем временем княгиня, покинув ложе князя, пришла в свой шатер, где кормилец Асмуд стерег Святослава. И не сдержалась, разразилась грозой черной: бушевала подобно Перуну, сверкала молнией, и ветер был, и ливень слез, однако и буйство не уняло горя, напротив, горькая тоска и бессилие опаляли душу. Напуганный яростью матери Святослав, взявшись за подол, остановить пытался ее гнев, да все напрасно. И тогда он крикнул так, что вздулись стены шатра:

– Услышь меня! Отринь же гнев! Иначе взойду на корабль и уплыву с отцом! Ты мне солнце заслонила буйством!

Крик образумил ее. Прижавши к себе сына, княгиня поклялась ему смириться, казня себя, повинилась перед ним. Однако буря притомила плоть, и незаметно для себя она уснула. И княжич придремал на ее руках. А пробудилась она с тихим пламенем в очах и жаждой мести. Возле ложа сидел кормилец Асмуд, ждал, когда отверзнет очи.

– Я знаю, как помочь тебе, – прошептал он. – След погубить Креславу, пока на корабль не ступила.

Надежда вздула пламя мести. Велик был искус! Не быть женой Креславе! Ей должно по обычаю подняться на корабль живой, а мертвую жену князь не возьмет с собой в путь, и поэтому Княгиня Смерти велит бросить ее в яму, где ныне почивает лада. Довольно будет ей и такой чести! Ей всегда было хорошо на княжеском ложе, так пусть же и останется на нем в земле!

Знал старый Асмуд, чем можно вдохновить княгиню, знал, коим образом можно спасти свою жизнь, ибо черному вестнику полагался сруб до конца своих дней.

– Сгубить ее, сгубить! – решила княгиня. – Да как?

– В ее прекрасный рог след зелья всыпать!

– Возможно ли сие? Служанки вина наливают и стерегут!

– Подойду и всыплю!

– Тебя и близко не подпустят... Нет, ее на пиру сем не отравить. Надобно другого часа ждать.

– А ежели ночью? – предложил Асмуд. – Когда пойдет по шатрам близких родичей князя? Я войду к одному из них, убью его и приму Креславу вместо родича. А в шатре темно...

– Ты больно стар и немощен, чтобы Креслава пила и любодействовала с тобой! – отмахнулась княгиня. – В один миг признает и догадается, кто на тризне свару учинил. А я не переступлю за кон!

– У меня есть золото! Я подкуплю служанку!

– Ужель ты не знаешь, что дочери Княгини Смерти неподкупны?.. Нет, это не годится, – заметалась княгиня по шатру, и вдруг ее осенило, когда взглянула на спящего Святослава. – Асмуд! Ступай на пир к Креславе и ее служанкам скажи, чтоб подпустили тебя к ней, что ты послан с вестью тайной от меня. А когда станешь молвить Креславе весть мою, она о роге своем на миг забудет. И обо всем на свете! Тогда и всыпь ей зелье... Но где же взять его?

– Есть у меня! – Асмуд показал ромейский перстень, под камнем которого скрывался яд. – Да только что за весть мне принести, дабы Креслава память утратила? Что молвить ей? Как отвести глаза?

– Скажи Креславе: отдам ей сына Святослава на вскормление, – велела княгиня. – Мол, и княжич возжелал сего. Я же не противлюсь...

– Добро, скажу! – возрадовался Асмуд. – Но как отплатишь мне за службу?

– Помилую тебя. Умрешь не в срубе темном, а в своих хоробах.

– Мне княжич люб, я привязался, – вкрадчиво вымолвил – Асмуд. – И он ко мне. Дозволь служить ему. Коль не кормильцем, так забавлять стану былинами и сказами.

Черного вестника, к тому же носящего на пальце перстень с ядом, и близко не следовало подпускать к княжичу, однако княгиня слукавила, пообещала оставить при себе: где в этот час найти отравителя? Кто еще возьмется исполнить черный урок?

Отправив Асмуда, она, словно вином, упивалась предвкушением мести и трепетно ждала возвращения кормильца. Но миг прелестный был прерван Свенальдом: воевода ввалился в шатер без слов и поклона, как хаживал ко всем князьям, коим служил.

– Я не звала тебя! – застрожилась княгиня. – Зачем явился?

– Всегда ходил незванным, – речь потекла черной смолой. – Ты со своей дружиной пришла на Уж-реку. Но где послы древлянские? Был уговор, придут с тобой.

Старый наемник не мог знать ни о сватах, заживо погребенных на княжеском дворе, ни о посылке Люта за сокровищами на остров Ар. Однако древний и сведомый в придворных делах воевода нюхом чуял, что замышляется коварство. Его не брала всеобщая скорбь, и слезы плакальщиц тревожили Свенальда не более, чем легкий дождик. Пожалуй, он единственный, кто в горе не мог раствориться и смешаться в скорбящем народе, оставаясь настороже, будто казак в степи. Чтобы развеять его подозрения, княгиня, как бывалый витязь, пошла на приступ.

– Послы посажены в сруб под бдительную стражу, – заявила она. – И ты будешь посажен, если не вернешь сына своего, Люта, в Киев.

– Ужели Лют оставил стольный град?! – княгиня впервые увидела старческие, пожухлые глаза Свенальда.

– Годи, воевода, – сурово произнесла она. – Не след мне казнить кого-то и свары устраивать, покуда не справила тризны. А вот провожу ладу в Последний Путь – на встряску вздерну. Ты учинил сговор с сыном своим, тебе ответ держать, изменник!

– Измены не было! – дрогнул старый наемник. – Мы сговорились с Лютом, верно... Да токмо чтоб он Киев стерег и за тобой призрел.

– Отчего же он бежал из города вместе с дружиной, едва ты двинулся на Уж-реку?

– Куда бежал?

– Не ведаю, куда... В тайне оставил Киев, изменник Лют... Мне недосуг сейчас розыски чинить, суды. Я ныне в скорби!

Свенальд замкнул уста и брови опустил в тяжелой думе. Стоял, словно смолевой пень, вросший посреди шатра.

– Ступай же прочь! – бросила княгиня. – Мне след тризну править.

– Я ведаю, куда поехал Лют, – с трудом выговорил воевода. – Остановлю его! Верну! Не дам своеволиять ромейскому волку!

– Ужель к ромеям? – скрывая интерес к внезапному откровению, спросила княгиня.

– Дозволь не говорить мне, – попросил старый наемник. – Верну и вразумлю – навек запомнит, как след служить престолу.

– Сын твой Киев бросил, а ты сейчас меня оставишь один на один с древлянами?

– Короеды для тебя безопасны, – уверенно заявил Свенальд. – Напасть не посмеют... А Люта проучить надобно! Он обманул меня!.. Покуда не ушел далеко, я настигну... Не обессудь, княгиня.

А ей того и надо было! Наемник старый за свою жизнь вкусил и изведаль все хитрости мужей, которые всегда были его хозяевами, но никогда не сталкивался с властью жен и их способностью расставлять ловчие сети. И влип как перепел! Поверил! Через четверть часа боевой рог протрубил поход, и Свенальдова дружина покинула скорбный град, тем самым развязав княгине руки.

В предчувствии удачи княгине захотелось петь и плясать, как пела и плясала пирующая Креслава. Сдерживая себя, с минуты на минуту она ждала, когда прервется веселие соперницы и полетит молва, что та, нарекаясь вечной женой князя, неожиданно-негаданно примерла в застолье. И впрямь во граде скорбном вдруг шум возник – крик, густой, летучий говор. С надеждою шальной княгиня выбежала из шатра – Креславины служанки вели Асмуда! А впереди, земли едва касаясь, летела та, что мертвой быть должна.

Кормильца уронили на колени, и он, послушный дочерям Княгини Смерти, не смел и головы поднять.

– Сей муж сказал, будто тобою послан, – заявила Креслава, держа перед собою рог с вином. – Он весть принес, де-мол, княгиня поручает мне сына своего. Он правду молвил или солгал?

Княгиня глянула на Асмуда с ненавистью: не сумел службу сослужить – так получай сполна!

– И ты поверила ему?

– Поверила, а потому хочу спросить тебя: ты послала его с вестью?

– Нет, и в мыслях не бывало. Муж сей – черный вестник, изгой презренный.

– Но он кормилец Святослава!

– Теперь уж не кормилец! – отрезала княгиня. – И дни свои окончит в срубе после тризны.

– Пощади, матушка! – взмолился Асмуд. – Помилуй от позорной смерти!

– Нет тебе пощады! – бросила она, намереваясь вернуться в шатер, однако Креслава засмеялась в спину.

– Я рада! Смерть князя сделала тебя мудрой! Не подпускай и близко сего мужа ко княжичу! Возможно ли, чтобы кормилец яд на перстнях имел? Сегодня он всыпал зелье в мой рог с вином, а завтра отравит Святослава!

Княгиня остановилась, глянула через плечо: Креслава смеялась над нею! Она догадывалась, кто послал Асмуда, да, верно, не желала учинять свары на тризне...

– Коли ты уличила его – он твой пленник! – заявила княгиня. – Делай с ним, что захочешь.

– Благодарю тебя, славная! – весело воскликнула Креслава.

Асмуд пополз к ногам княгини.

– Не отдавай меня! Пожалей! Я все исполнил! И весть изрек, и зелье всыпал. Креслава вкусила из рога с ядом! Пила!.. И вот жива. Не по моей вине, помилуй! Знать, худое зелье! Не отдавай, я послужу тебе!

В ответ молчание стояло, как стена. В очах княгини горела ненависть. Старик-витязь отчаялся, потянулся трясущимися руками.

– Сподручно мне мечом владеть... А зелье подсыпать не учен... Года мои пощади! Ведь ты же, княгиня, добро дала и научила...

– Ты лжешь, изгой! – выкрикнула княгиня.

– Ах, ты еще и лжец! – засмеялась Креслава, – Не много ль злого совершил ты, старик? Да я помилю тебя! Сегодня у меня пир! А коли ты мой пленник, что хочу, то с тобой и сделаю. Испей вот вина из моего рога! – она поднесла рог к устам кормильца. – Жажду угостить тебя. Никто не смеет сегодня отказывать моим желаниям.

– В роге – зелье! – старик заслонился рукой.

– Но ты сказал, худое зелье. Так на, испей! Вкуси! Желаю испытать!

Асмуд зажал уста руками и прочь пополз, но дочери Княгини Смерти схватили кормильца и приткнули к его горлу свои ножи. Объял витязь, лишь очи блистали. Не единожды супостаты вот так же припирали его и мечами, и копьями, да всякий раз он знал, как обмануть и провести самого лютого и беспощадного врага, но перед женами он оказался беззащитным, ибо как ни силился, не мог предугадать следующего их действия. Перед ним была стихия...

Приставив рог к устам, Креслава молвила:

– Вкуси со мной! Ведь я вкушала! А ты тем часом шептал мне на ухо... Отведай зелья! А я посмотрю – есть сила в нем или нет ее?

Асмуд не хотел искушать рок, но служанки влили ему в рот, зубы разжав ножом. Испил один глоток... И в тот же миг неведомая сила скрутила его, вызеленив лицо, затем распрямила до треска костей и швырнула наземь, как изветшалую тряпицу.

Через мгновение он почернел и дух испустил.

Креслава же рог поднесла княгине и вылила отравленное вино под ноги.

– Есть в зелье сила. Злодей мертв!.. Усопший князь был люб тебе, а посему я все прощаю. Кормилец черный не отравит свет своим ядом. Храни его от мрака! Я долг исполнила. Наш путь земной здесь разошелся, и соединимся снова лишь в небесах. Прости и ты меня. Прощай, княгиня! Прощай, тресветлый Святослав!

С тем поклонилась и прочь пошла. Каменной ногой княгиня сделала шаг за нею, пытаясь задержать, простерла руки, но соперница была уже недостижима: незримая стена восстала между ними.

– Ты... почему... жива? – устрасилась княгиня. – Ты почему жива? Ведь ты вкусила яд?!

Креслава лишь засмеялась...

Вот уж ночь опустилась над скорбным градом, у веж и шатров зажигались костры, однако земное время Креславой не владело. Обрядный пир был нескончаем. Наполнив свой прекрасный рог, она входила в шатры мужей из рода князя и подносила мед, при этом говоря:

– Твой родич ныне спит сном непробудным, вечным, но рог тебе прислал. Вкуси же со мной сей мед. Его когда-то князь вкушал!

И всякий муж, как велел обычай, из рога пил мед горький, от ложа с Креславою – мед сладкий и хмельной.

Изведав соль и сладость пути заемного – того пути, что смерть прервала, – муж княжеского рода продлял его и нес ту ношу, что обронил усопший князь.

– Ты будешь жив во мне! – при этом молвил родич. – Ступай тропой небесной. Пока я живу, ты со мной всюду.

Так вместе с медом и любовью Креслава поделила жизнь свою и жизнь князя на малые толики и раздала всем родичам – никто не был обижен.

Но на заре десницей Княгини Смерти был пробит час!

Звон медного била поплыл от носа корабля во все концы, во все края и достал небес.

От солнца по земле промчался ветер и стих.

Поникли росные травы, деревья преклонили свои кроны, умолкли птицы, и когда на трепетной осине поник последний лист – князя подняли из земли, обрядили в дорогие одежды и медленно, на дланях, вознесли в парчовый шатер на корабле. Княгиня Смерти сама приготовила ему ложе, выставив его периной из лебяжьего пуха, шелками белыми, наволоками черем-

ными, и усадила князя так, чтобы смотрел вперед по ходу насады. Дружинники внесли оружие, доспехи и все сложили возле десницы; тиуны же забили двух коней и двух коров – все бросили на днище корабля. Затем поднесли дары, кто что желал – барана с ярочкой, собаку, кур и петухов, ловчих соколов и диких голубей. – Последний Путь далек, все пригодится князю. Пока корабль снаряжали, Княгиня Смерти украсила его цветами, ветвями берез и дуба, сплетенными в жгуты.

И снова медный голос била Русь встрепенул!

На сей раз ветер покрепче опохнул людей, сорвал шапки и покатыл их по земле.

В тот час Креславу искупали родниковой водой, утерли рушниками и, нарядив в белые простые одежды, убрали голову цветами. Волосы же не плели в косы, а распустили по прядям вокруг плеч и повили груди золоченой лентой. Наконец, окропили духмяной водой и поднесли последний рог, но не с вином, а с веселящим зельем. Креслава осушила свой прекрасный рог одним духом и поклонилась Гоям:

– Живите с миром, как в сей час живете в этом граде! А нам с князем в путь пора. Эй, служанки! Где насада, которую князь прислал за мной?

Сначала служанки закричали ей:

– Брось рог! Не уноси с собой! Оставь на земле!

Креслава полюбовалась рогом, блистающим на солнце, обласкала его в ладонях, прижала к щеке – жаль было расставаться с ним, принесшим ей веселие и радость.

– Брось рог! – взмолились теперь Гои. – В вышнем мире красоты довольно! Пусть останется немного на земле!

Креслава поцеловала рог, но своевольная рука не слушалась, не выпускала его – как жаль бросать! Вот унести б с собой!..

– Брось рог, – попросила ее Княгиня Смерти. – Всего не взять с собой. Отдай живущим, избери одного и брось. Пусть на земле утешатся твоей красотой. А коли некого избрать – брось в воду. Умоются девицы той водой, и пройдет к ним твой прелестный образ.

Повела Креслава очами – под береговым обрывом черная вода плескалась; на берегу – людское море. Предпочла она сию стихию, высмотрела с помоста княгиню и вдруг метнула рог к ее ногам. Не ожидала того княгиня, очам своим не поверила, да заговорили Гои:

– Твой рог, княгиня! Подними! Тебе был брошен.

Склонилась она и подняла рог: молодость и красота Креславы были отданы сопернице.

Тут в третий раз Княгиня Смерти в медь позвонила – буйный ветер вздул ветрила, запела, застонала снасть, и мачта заскрипела, словно гудки. И в эти голоса сначала осторожно впелся плач жен-плакальщиц, затем печальные звуки жалеек. Потом и все птицы, дневные и ночные одновременно, забывши о своем времени, засвистели, заплакали навзрыд, осыпая вместе с листвою тугую скорбь.

Креславу подвели к борту насады. А князьки родичи – те, что вкушали ее любовь и мед, – из рук своих сплели лестницу. Ступая по их ладоням, она взошла на корабль. Князь стоял перед ее взором, и голос его, как прежде бывало, звал к себе, манил, источая ласку: «Иди ко мне, Креслава!» У его шатра уж поджидала Княгиня Смерти и два дюжих молодца с повязками на глазах и крученой ременной петлей. Старуха не спешила, поскольку, как бывалый кормчий, знала – недолги остались хлопоты, чтобы отвалить насаде от причала. Лишь войдет Креслава в шатер к мужу своему, ослепленные повязками молодцы возьмут ее под руки, усадят рядом с князем и затянут петлю на шее. Потом можно снять било с корабля и, спустившись на помост, воскресить усопших огнем.

Тем часом четверо мужей, сцепив в замок руки, склонились перед Креславой. Она ступила на сей помост и в тот же миг вознеслась над головами.

Раздался треск! Боль опалила! Но ни грома, ни боли никто из смертных не слышал и не ощущал, ибо это треснул лоб Креславы. И открылось третье око!

– Что зришь в сей час? – единым духом спросили Гои с земли.

– Зрю родичей своих! – крикнула им Креслава. – Весь ушедший род мой ждет, встречает! Мужу опустили ее, передохнули и, набравшись сил вновь, вознесли Креславу еще выше.

– Что теперь зришь? – вопрошала русь. Трехокая встрепелась, вглядевшись в даль, которую не видел никто из смертных.

– Зрю! – отозвалась она. – Вся Русь в печали! Огни горят, потоки слез... Зрю полоненных Гоев!.. Повязаны за выи! Беда придет на Русь!

Креславу отпустили с высот, и покуда мужи переводили дух, лишённые сил, вся Русь покачнулась, взроптала – грозою пронеслась тревожная молва, услышанная от всевидящей жены.

Тут в третий раз трехокая вознеслась и замерла на руках мужей.

А вознесясь, молчала! Ибо позрела свой рок, а вместе с ним – рок князя Святослава...

– Ответствуй же, Креслава! – кричали ей с земли, но голоса едва доставали ее ушей. – Что зришь, поведай!

С трудом открыла уста свои Креслава, прокричала:

– Зрю рок свой!.. О, горе-горе! Он – иной! Я нарекаюсь женою князя быть, а мне отпущено остаться на земле!

Не слышали Гои – так высоко вознеслась всевидящая. Волновались, кричали и еще пуще заглушали ее голос.

– Храните князя своего! Свет храните в нем! – взывала к земле Креслава. – Иначе придет Тьма! Князь Тьмы!

А Гои взвыли, тянули в небо руки:

– Хоть слово оброни! Отчего Русь будет в печали: кто принесет беду?!

Но в оре громогласном тонула речь ясновидящей, ибо истина слышна, если ее терпеливо слушать.

– Внемли же, русь! – она кричала. – Не сбережете князя – он станет Тьмой! Храните свет!!!

Но уж мужи держать ее устали, помост из рук их распался, ибо не трехокою жену вздымали к небу – а Время двигали, на миг короткий испытав то, что совершают боги ежечасно.

Ступив на корабль, Креслава хотела крикнуть Гоям то, что кричала с высоты, но уж лишилась речи.

Кто будущее зрит с земли, не может молвить слов.

Лишь третье око во лбу ее блистало, роняя яркий свет на смертных. Над русью же молва текла рекой, бурлила и пенилась, как воды на порогах. Судили и рядили, гадали, гомонили, а трехокая молчала...

Удел незрячих – суть глагол, удел всевидящих – хранить молчание.

Но вот ударили в щиты! И звон булата, расплескавшись, затворил слух – вся русь лишилась речи!

Княгиня Смерти, как подобает кормчей на этом корабле, не утратила духа: не слушала она ни крика Креславы, ни волнения Гоев. Железными перстами своих рук она взяла трехокою и повела ко князю. А он все звал: «Приди, желанная Креслава! Я жду тебя... Скорее, на нашем ложе так приятно!» Однако иной зов уж помутил разум! Креславу звал детский голос живого князя:

– Спаси меня, Креслава! Мне страшно на земле! Свет пред очами меркнет!

Осталось сделать шаг, чтобы вступить в шатер. Уж молодцы с повязанными глазами распростерли руки, дабы не ускользнула мимо них та, что сказала: «Я!»...

И тут трехокая вырвала свою руку из клешни старухи и, обманув слепых молодцев, бросилась назад! Да на пути восстали две сестры – дочери Княгини Смерти. Не помня себя, она

сбила с ног одну, другую, подобно оленице в ловчей яме, скакнула на высокий борт насады и с него, как в пропасть, кинулась в речные волны!

Река змеиная, Уж-река, сомкнулась над головой. Студеная вода обвила жаркое, стремительное тело...

Никто из Гоев не позрел побега. Русь ожидала часа воскрешения, приковавшись очами к трем столбам, на коих полыхал огонь-сварожич. Караульные же воины, стуча в щиты, оглохли и ослепли – всех чаровал сей погребальный звон!

Но Княгиня Смерти и тут не пала духом. Хотя и уткнулась вместе с водой та, что нареклась быть вечной женой, снаряженный корабль вспять не обратить.

– Таков уж рок твой, князь, – печально сказала мертвому. – Отваливай один в Последний Путь. Не обессудь уж, сам виновен. Не ты ли изгнал Креславу из терема? А что сотворил на пути земном – то получишь и на небесном. Плыви, счастливый путь!

Сняв било медное, старуха с дочерьми спустились с корабля и приняли пламенную чашу воскрешения с огнем – сварожичем. Обложенная смолистою щепой насада, казалось, качнулась от всплеска пламени: се павший с неба ураганный ветер вздул огонь, взметнул его стеной.

Гои отступали, прикрывая лица.

Погребальный костер неудержим был никакой силой, и жар его достал стен Искоростеня. Он жег щеки древлян и осушал глаза, взиравшие на миг воскрешения.

Ветрила огненные вздулись, и княжеский корабль, ровно большая птица, поднялся над землей и в небо потянул...

Избавив тело от огня, трехокая Креслава предалась объятиям студенной воды. Неминуемая смерть влекла в глубины, да светлая непотопляемая душа взметнула ее к солнцу. Подобно белой рыбе, она всплыла из тьмы и позрела свет неба, по которому мчался огненный корабль.

На корабле был воскрешенный Игорь. Полный печали, он сидел один. Один как перст! Нет никого, чтобы приласкать или утешить.

– Я догоню тебя! – Креслава прокричала. – Есть дело на земле!..

А на земле, где ярый ветер, притомившись от трудов, теперь лишь обласкивал горячий пепел да угли взбадривал, где русь, уставшая от скорби, вновь оживала и двигалась, созидая на дымящихся головнях – на месте воскрешения – земляной курган, и где безмудрые древляне, взгромоздясь на стены, уже кричали, что желают быть на тризном пире, чтоб состязаться с русью, – по этой земле всевидящей Креславе теперь был заказан всякий путь.

Трехокая, она могла сейчас одновременно видеть и мир земной, и мир небесный.

И оба мира ей были чужды, неприятны, ибо ни там, ни здесь нет для нее дороги. А коль дороги нет, куда ж идти?..

В отчаянии она замыслила погрузиться в воду и отыскать приют на речном дне, но и подводный мир не принимал ее, выталкивая к свету.

Наконец всевидящее третье око узрело Зыбкий Путь – нить не толще паутины, что провисла между землей и небом. Босой ступней она встала на него и совершила первый шаг. От лютой боли зашлась ее душа: острее лезвия меча был этот путь!

Он разделял огонь и воду, Свет и Тьму...

Да нужно было ступать вперед! И отыскать князя Святослава, чтобы исполнить свой истинный рок – спасти его от мрака.

Она шла и искала повсюду, благо, могла пройти где б ни захотела. Но Зыбкий Путь меж небом и землей был перепутан, а всевидящее око истомилось видеть в одночасье две ипостаси мира.

Кровавые слезы, они текли по лицу.

С сего пути она позрела тризный пир: вся русь, усевшись за столы, вкушала мед из братины, пущенной по кругу. Хмельную сладость вначале плескали на курган – отведай первым,

князь! Испей со мной! И лишь потом прикладывались сами. Из одной братины пил черно-сошный крестьянин и князь удельный, боярин думный и его холоп, порядный воин и священный, по доброй воле принявший Каз от бога Рода. Возможно, потому и любили скорбеть на Руси, ибо лишь в горький час ощущали родство и единство. Что делать, если одна братина на всех? И повенчанные ею, связанные, окруженные вдруг до колкой мужской слезы, они начинали ощущать остроту братской любви. Окованный золотом сосуд, словно пчелиная матка, собирал вокруг себя единогласно и мощно звучащий рой, способный единым порывом, единым воплем окликнуть бога на небесах.

А коль он слышит – и жить не страшно, и умирать весело.

Покуда братина свершала первый круг – миновал день и пришла ночь. Ведь без малого пол-Руси – сошлось в скорбном граде! С последними лучами зари разыгрались повсюду костры, и искры, доставая Креславу, жалили тело, дым застилал пространство и выедал все три ока. Она же все бродила над землей и искала. Среди ярких огней и ясновидящей было не узреть Святослава, ибо он сам был суть огонь и свет.

А у костров гусли, соединившись в круг, ударили по струнам – печальный долгий звон, словно могучее крыло птицы, опал Креславу. И теперь уж не было уныния голосов жен-плакальщиц – оплакали, отплакали свое; густой и зычный звук голосов мужей вплелся в пение струн. Питаясь от земли и от огня, он рос, мужал, и вот, вскормленный мощью многих плотов, вдруг вскинулся, как пламя, потряс дерева, сбивая наземь уснувших птиц и лист дубовый. Распев громогласный пронизал даль, сгустился и матерой тучей взметнулся к небу!

И достал Последний Путь, коим уносился огненный корабль. Бежали волки прочь, поджав хвосты, олени проскакали в глушь чащоб древлянских, и рыбы опустились в глубину.

Эх, веселиться бы так!

Но скорбной песнь была!

С зарею гусли персты отняли от струн, и песнь уснула, как ночная птица. Креславе мыслилось: когда костры угаснут – увидит Святослава, ибо останется на земле токмо свет его. Да все напрасно! Дотлели угли, и взошедшая заря укрыла своим светом свечу горящую – суть княжича тресветлого.

Покуда тризники, разбредшись по шатрам и вежам, ложились почивать на краткий час, вновь накрыли великие столы и наполнили братину. Однако сему дню след было начаться не с пира, а с тризной битвы. Всякий муж и воин жаждал показать свою удаль, и в потешной сече умерить боль, утешить скорбь. И смерть изгнать из разума и сердца! Пусть в торжестве сноровки и мощи тела, в блистании мечей, в полете стрел восторжествуют движение и жизнь!

И пусть она будет крепка, словно боевой щит, способный выдержать любой удар супостата!

Не оправдались надежды Креславы. Она видела, что витязи готовятся к тризному ристалищу – обряжаются в латы и кольчуги, мечи острят, перебирают стрелы в колчанах и почему-то вместо битвы расходятся по шатрам, прячутся под телеги и повозки.

А княгиня с боярами пришла под стены Искоростеня и такую речь завела:

– Мужа теперь не оживить, а вдовье сердце кротко, и нет в нем места злу и обиде. Любо мне будет позреть на тризне и вас, древляне храбрые. Ступайте же за столы, поднимите братину, утешьте мою скорбь и разделите горе!

Князь Мал в тот час стоял в своей башне и любовался на княгиню, вкушая ее медоточивую речь. Однако человек лесной, не утративший звериного чутья, насторожился: вот так же смысленный ловец выманивает медведя, вначале загнав его в глухой бурелом. Поставит еды и питья, а под приманкой – ловчая яма. Если желает живьем зверя взять-то дно выстелит травой, а мертвым – колья установит.

Исполненный тревогой за послов, он всю ночь слушал радение – грозную песнь, что сотрясала стены его града и напоминала рычание могучего зверя, ан нет! Сдается, тут подвох, ловушка!

И Свенальд вдруг покинул скорбный стан со своей дружиной...

Так говорил разум. А душой он в сотый раз слетал с сей башни и мчался на чарующий голос княгини! Пусть яма ловчая с кольями, пусть смерть настигнет, но хотя бы на миг очутиться с нею рядом, руки ее коснуться, взглянуть в очи. Нужно ли опасаться сладких речей ее, если он давно в ловчей яме?

Княгиня меж тем обращалась к Малу, и от ее манящего образа клокотало сердце в бунтующей груди.

– Ступай и ты, князь! Желаю позреть тебя. Молва идет, ты страшен, как космач. Но ежели лжет она – по левую руку посажу! Не убоялся ты мужа моего и сразился с ним – не страшись же меня, вдову несчастную, жену глупую. Принимала я твоих послов, ведомо, зачем пришли они. Вот минет срок скорбный, иной пир учиним!

Нет уж, не прельстить тебе словом! Не выманить! И сладка речь твоя, но слышится коварство! Надежнее пересидеть, дожждаться сватов или Свенальда. Все одно не миновать княгине своей участи! Не зря старый воевода твердит, что достойнее мужа, чем Мал, не сыскать княгине во всей Руси. А если за это взялся Свенальд, переживший всех варяжских князей, и сам суть варяг – знать, он самый досточтимый из досточтимых. Не велел он отпирать ворот, запретил тризновать вместе с русью, приказал обождать, покуда не уймется скорбь в сердце прекрасной княгини.

Князь Мал велел ни под каким видом не открывать городских ворот, однако воля его утонула в оре. Неискушенные в хитростях и обмане древляне поверили княгине и своевольно отворили крепость, устремляясь к тризнищу. Их подстегивал и вдохновлял слух, что скоро князь Мал, женившись на вдове-княгине, сядет на золотой престол. Разум был слеп и глух, а души чисты и доверчивы. Что может сотворить им жена?

Древлян с добром встречали и за столы усаживали, и хмельной мед так щедро подавали, что усомнился князь!

А соплеменники звали:

– Иди к нам, брат! Стоя на забрале, не вкусишь вина, а русь славно угощает. Таких медов мы сроду не пивали. Ступай на пир, брат Мал! Ведь зришь, как русь глупа и безобидна! Знать бы ранее, что за погубленного князя нас медом станут потчевать, так мы бы всех князей в Руси прибрали!

И княгиня искушала:

– Твои холопы верно говорят! Глупы князья в Руси, и нет достойнее и мудрее тебя. Поди на пир, не брезгуй. Мне любо своей рукой поднести тебе рог с вином, что Креслава мне оставила!

Однако не искусился на лстивые речи Мал, его чуткий разум одолел бездумные порывы сердца, велел он запереть город и затаился в своей башне.

Никто из смертных не знал и не предвидел, что случится в скорбном граде, и даже мудрая дальновидная княгиня, созывая древлян на пир, не замышляла мести, не ведала, что сотворится через час-другой.

Все зрела лишь одна Креслава, имея третье око, она вгляделась в даль, и в ширь, и вглубь, и содрогнулась: где ныне пировали, где меды текли рекою – там вспенится и всклокочет поток кровавый. Взбурлит, взыграет и, подхватив тресветлого княжича, унесет – мечь материнская погубит чадо.

И ведая это, она восставала против древлян, пыталась не пустить на этот пир, звала, кричала им, да все тщетно: она подпирала хрупкими руками тяжелые городские ворота, вставала на пути спешащих к гибели людей, но беда, беда! – не видели Креславу! И текли сквозь нее,

как сквозь туман утренний, к столам, ломящимся от яств. Только князь Мал неведомым образом слышал ее, потому что сам после убийства Игоря висел меж небом и землей.

Княгиня же подносила древлянам меды и вина, воздавала честь и незаметно пир тризный обратила в пир хмельной. Никому не стало худо ни от вин заморских, ни от пива ярого. Объятая весельем, и Уж-река возвеселилась так, что вспять потекла, у гуслиаров персты до крови истерлись о струны, и слуги у столов валились с ног.

Возгордившиеся же древляне кричали:

– Эй, дурни русские! Подать еще вина!

– Подать свинины с хреном! Да хрен чтоб был весенний, баской!

– А желаем мы ухи стерляжьей! И пирогов с визигою! Ну-ка, вдовушка, мечи на стол!

И вино подавали, и свинину с весенним хреном, и уха стерляжья оказывалась на столе – все, что пожелают званные гости. Креслава уж металась над столами и кричала в уши:

– Не прикасайтесь к кубкам, там ваша смерть! Оставьте хмельные чаши, это последние чаши в вашей жизни! Внемлите мне! Я зрю вашу погибель!

– Помяните моего мужа словом добрым, – угощая древлян, говорила княгиня. – Вы убили его, но прощаю вас. Не из обиды или зла вы сотворили это – из любви ко мне. Поэтому неподсудны.

Некий древлянин с крестом на шее восхищенно взирал на княгиню и лепетал пьяно:

– Святая! Видит бог – святая! Не мной сказано: ударят тебя по одной щеке – подставь другую. Ах, матушка-княгиня, зрю в тебе свет христианский! Добродетельна ты и мила, и кротостью – истинно Христова!

Но рок им всем уж был начертан! И молния, сорвавшись с тучи, непременно достанет до земли.

Не в силах вразумить древлян, Креслава подлетела к шатрам, чтобы поискать княжича Святослава. Скорбный град казался пустым, но в вежах таились воины, готовые напасть и порубить древлян. Незримая трехокая входила повсюду, и везде язвилась о копья и мечи, колола ступни ног о стрелы в колчанах – светоносный младенец как в воду канул.

В отчаянии она воздела руки и обратилась к солнцу:

– Тресветлое! Тебе с небес все зримо, ты выше всего на свете! Укажи мне, где луч твой – малое дитя?

Тут солнце пронизало тучи и высветился зелен луг: стреноженные кони паслись на буйных травах, а подле них – олени, вепри и волки тут же, разлеглись на земле, подремывали беззаботно. Вся живая тварь на том лугу не знала ни войны, ни распрей. И там же, среди зверей, бродил княжич, крича жалобно, словно выпавший из гнезда птенец.

– Светлейший князь! – воскликнула всевидящая и побежала сквозь шатры, мечи, телеги. Достигнув же Святослава, подала ему руку:

– Ступай со мною, князь!

Заржали, встрепенулись кони! И волки, вскинув уши, вслушивались, тянули ноздрами воздух, оленицы пугливо сбились в стадо под защиту рогатых самцов. Однако пусто было вокруг, лишь ветерок опахнул густые травы.

Тем часом княгиня с рогом Креславы обошла весь пир, позвенела им о кубки и ковши в руках древлянских, и будто бы выпила за здоровье да рог был пуст! Когда же древляне притомились и огрузли от медов и яств, а над головами их пронеслась дрема и повергла всех в сон, лукавая княгиня взяла иной рог – боевой – и протрубила: голос раненой птицы возреял над Уж-рекой и услышан был во всей древлянской земле. Из шатров и веж, из-под телег и лодий вдруг встала дружина: блеск ее мечей, словно лучи солнечные, вмиг озарил тризнице!

Недолго продолжался кровавый пир. Там, где звенели кубки, теперь гремели головы, катясь по земле, где жареные поросята возлежали – легли тела древлян, а где текли меды и вина красные – там побежал кровавый поток. Возгордившихся неразумных древлян смерть заставляла

врасплох и души отнимала невзначай, ровно перышки выщипывала из крыльев. Не поспел князь Мал и слова молвить, как ловкая пастушка человеческих душ на суровую вервь нанизала их да и отправила пастись на небеса.

Свершилась месть! И тризна удалась на славу! Но созерцая сечу, княгиня уж мыслила о новой мести – о свадьбе с князем Малом. И веселил ее грядущий пир!

– Годи, князь Мал! – кричала она в сторону Искоростеня. – Твоих сватов я схоронила. Мне не нужны сваты! А люблю самой тебя сватать! Годи, скоро пошлю к тебе послов, как ты послал. Возьму тебя за себя – лишь тогда вдовье сердце обретет покой!

Но вот оборвалось ее веселье. Почудилось, будто за шатрами идет Креслава с княжичем на руках! Вид этот, призрак обезволил разум! Лицо искривилось в страхе, и дрогнули уста...

Видение пропало, но вот опять появилось – еще ближе! Трехокая жена с чадом у груди: Креслава и Святослав!

Тут проснулось материнское сердце: ей увиделся божий знак! Она устремила за видением, да на пути стоял кровавый поток! Вкусившая не влаги дождевой, но крови, земля уж более не принимала ее. Страшась войти в эту реку, княгиня крикнула:

– Сын! Сыне мой? Князь!

Святослав не услышал, прильнув к груди Креславы. Тогда княгиня закричала подобно боевому рогу, пронзая голосом пространство:

– Отдай мне сына!

Все смертные оцепенели, услышав этот глас, но ничего не увидели. Разве что легкий ветерок стелил дорожкой травы.

Отбросив страх, она вступила в поток: кровь обварила ноги, обагрила стан. Хмельная местью душа вмиг отрезвела, и разум просветлел.

Среди пьяной тризны, среди живых и мертвых она бродила, как слепая, и сама по сути была ни мертвой, ни живой. Она опускалась к воде, но вспоенная кровью река была огненной, она сходила на холмы – там буйствовал горячий ветер, обжигающий землю. А призрак – Креслава с княжичем – бежал и бежал впереди и все выше тянул в небо. Та, что вызвалась сопровождать князя Игоря в Последний Путь, теперь вводила по нему сына Святослава!

Тогда княгиня опустилась на колени и взмолилась к сыну, как молится только мать:

– О светлый мой сыне! Останься на земле!

И чудо свершилось! Этот тихий шепот услышал Святослав.

– Отпусти меня, Креслава, – попросил он. – Мне любо на пути твоём. Но мой рок – пройти земной. Мать позвала меня.

– Добро, тресветлый, отпущу, – согласилась трехокая. – Но прежде усыплю тебя, чтобы Тьма не погасила свет твоих очей. Спи до поры, придет срок, и я разбужу тебя.

На руках, как в колыбели, она укачала князя. Он смежил веки, и сладкий сон, наполнив его суть, истек из приоткрытых уст. И грезилась ему не сны-обманы, не сказы чародея Дремы, а светлые Чертоги. Во сне князь вел беседу – то слушал, тихо улыбаясь, то шевелил устами, произнося никому не ведомые слова.

Княгиня же, помолившись к сыну, припала к земле: исслабла телом и духом, ровно от тяжких трудов. И в тот же миг очи исполнились слезами и хлынули ручьем! И были они первыми за все время тризны.

Омытый взор стал ясным, и пламя алое исчезло. Она увидела рошу – капище древлян, а посередине ее великий дуб – суть Дерево Жизни. Из-под корней его бил светлый ключ, а в кроне щебетали птицы.

Под Древом, на листве, спал безмятежно Святослав, и Знак Рода в мочке уха хранил и жизнь и сон...

8

Он ощутил себя могучим; он мыслил править миром...

И правил бы, но рохданит, живущий под звездой, водрузил Венец и отнял покой. Много дней каган метался по степи со свитой, наезжая то в Итиль, то в райский сад на озере Вршан, и всякий раз вновь возвращался к Саркелу – к месту, где утратил уверенность в собственном могуществе. Мучимый, мыслями о мироправстве, он согрешил – вдруг пожалел и проклял ритуал, который заставлял задушить отца и лишь после этого сесть на трон. Не у кого было спросить совета. Каган оставался один как перст! Хитроумный обычай отрубал весь драгоценный опыт, накопленный царствующими отцами и дедами.

Хазары знали: незримый каган богоносен и восседает рядом с богом. Но лишь он один изведal, что между ним и богом – бездна! Что сам он – суть холоп, и подвластен ему гарем да евнухи при нем. Подзвездный рохданит – вот истинный правитель мира! Покуда он существует – всемогущий, вездесущий, стоящий вровень с богом, – Великий каган лишь его короткая тень в полуденный час.

Владеющий таинством бытия согласится ли когда с подобной участью? Он жаждал править миром, искушенный учением в Иудее!

Тесна была ему Хазария, и те окрестные народы, подвластные кагану, и те государства, где посредством своих тайных послов он управлял царями и князьями, не удовлетворяли этой жажды. Кроме того, обременяли обязанности богоподобного – с утра молиться богу, выпрашивая беду и смерть врагам, а вечером и ночью, кроме молитв сакральных, он должен был творить таинственные, магические действия. Их суть была проста, если смотреть глазами профана. Приобщенный Шад приносил священный список хазар, умерших в течение дня, и список новорожденных. Каган в тот час же принимался за дело, подобно творцу, ваял хазарский народ, и труд его напоминал труд каменщика, создающего храм. Как камень притирают к камню, чтобы возвести стену, так и он священнодействовал над именами мертвых. Белый хазарин должен был лежать в круге белом, но не в земле, где жил, а далеко от дома, в тайном месте, чтобы его род никогда не мог отыскать могилы и похитить золото, похороненное вместе с ним. Хазарская казна хранилась не во дворце, а в тайных кладовых-могилах. Все золото мира со временем должно было лежать в земле, с прахом тех, кого полюбил и избрал господь. Чем выше род почившего, тем более чести получал покойник, тем безвестнее была его могила. Иных увозили в степь за Дон, иных к днепровским кручам или в междуречье Дона и Итиля – и тайно, ночью, хоронили, не отмечая места даже диким камнем. Если бы осмотреть окрестности царства с высоты летящих в поднебесье птиц, то эти незримые могилы образовали бы круг.

Но никто из смертных не мог оторваться от земли и взлететь. Даже сам Великий каган не поднимался в небо, но, обладая взором богоносца, мысленно обозревал пространство и избирал места для захоронений. Как каменщик творит узор из камня, так и он творил этот Обережный Круг. Прах белых иудеев хранил владыку мира – золото. Будучи даже мертвым, богоизбранный хазарин служил Хазарии. Золото же, имея сакральную суть, умножало силы государства и создавало незримую стену вокруг него.

Неразумные народы расселялись по рекам и морским берегам, говоря так: «Это есть пути-дороги, что мир собирают воедино». Но мир собирала не вода, бегущая всегда по кругу, но реки золота, которые незаметно текли по всей земле. Следовало лишь повернуть их к себе. Чтобы истоки золотых рек, зарождаясь повсюду и питаясь родниками, добрели, полнели и полноводными устьями тянулись бы к Хазарии. А для этого следовало создать округ царства магический притягательный круг, ибо желтый металл всегда тянулся к себе подобному, как луна к земле или земля к солнцу.

Эти деяния были сутью Тайных Знаний.

Черных же хазар тоже хоронили в белом круге, но им ставили дорогие надгробья, высекали надписи и никак не таили от глаз. Явные, они скрывали суть оберега и тайну золотых белых кладбищ. А чтобы дикие народы не смели шевелить земли, кочуя по степям, посредством тайных советников всем инородцам внушалась мысль, что земля – живая и священная. Кто вздумает пахать ее или копать, того настигнут болезни и смерть, а род лишится потомства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.